ЗВЕЗДЫ НАУЧНОЙ ФАНТАСТИКИ

РОБЕРТ ЧАРЛЬЗ УИЛСОН

Лауреат премии «ХЬЮГО»

Лауреат премии Филипа К. Дика

Лауреат мемориальной премии Джона Кэмпбелла

ХРОНОЛИТЫ

Хронолиты
Роберт Чарлз Уилсон

Аннотация
Роберт Чарльз Уилсон. Хронолиты
Часть первая. Пришествие хронолитов
  Глава первая
  Глава вторая
  Глава третья
  Глава четвертая
  Глава пятая
  Глава шестая
  Глава седьмая
  Глава восьмая
  Глава девятая
Часть вторая. Потерянные дети
  Глава десятая
  Глава одиннадцатая
  Глава двенадцатая
  Глава тринадцатая
  Глава четырнадцатая
  Глава пятнадцатая
  Глава шестнадцатая
  Глава семнадцатая
Часть третья. Турбулентность

Глава восемнадцатая
Глава девятнадцатая
Глава двадцатая
Глава двадцать первая
Глава двадцать вторая
Глава двадцать третья
Глава двадцать четвертая
Глава двадцать пятая
Глава двадцать шестая
Глава двадцать седьмая
Глава двадцать восьмая

Аннотация

Первый хронолит прибыл без предупреждения. Колонна высотой в 60 метров разрушила все вокруг себя, и ее нельзя было ни расколоть, ни взорвать. Она отмечала победу неизвестного военачальника в сражении, которое случится лишь через 16 лет. Первый хронолит пришел из будущего, но он не стал последним. С каждым годом их появлялось все больше, они сносили целые города, сеяли хаос и свергали государства, провозглашая власть правителя, о существовании которого никто не знал, с помощью технологий, секрет которых не мог разгадать ни один ученый в мире.

Скотт Уорден, ставший свидетелем возникновения первого хронолита, помимо своей воли попадает в самый центр исследования этого загадочного феномена, в эпицентр битвы с неизбежным будущим. Но как предотвратить то, что уже случилось? И возможно ли это?

Роберт Чарльз Уилсон
Хронолиты

Robert Charles Wilson
THE CHRONOLITHS
Печатается с разрешения автора и литературных агентств Baror International, Inc. и Nova Littera SIA.
© 2001 by Robert Charles Wilson
© Мария Акимова, перевод, 2016
© Павел Трофимов, иллюстрация, 2017
© ООО «Издательство АСТ», 2017

***

Лауреат премии «Хьюго»

Лауреат премии Филипа К. Дика

Лауреат мемориальной премии Джонп Кэмпбелла

***

Роберт Чарльз Уилсон — великолепный рассказчик.

Стивен Кинг

Этот прекрасный роман, в котором филигранно выписанные персонажи сочетаются с изысканной прозой и потрясающими теориями из области физики, создан для всех любителей качественной научной фантастики.

Publisher Weekly

Великолепное сочетание приключений и серьезных вопросов, воплощенных в очень необычном и неожиданном романе о путешествии во времени. С каждой книгой Уилсон все больше упрочивает свое место среди самых оригинальных писателей современной научной фантастики.

Science Fiction Chronicle

«Хронолиты» — это захватывающий и отрезвляющий шедевр, «Хронолиты» — это настоящий мир — жесткий, точный, неотвратимый — по всем убеждениям читателя, запутанная сеть парадоксов и паранойи.

SF Site

«Хронолиты» — это психологический ро-

ман, который дает огромное простарнство для размышлений. Именно такой и должна быть научная фантастика.

Джо Уолтон, Tor

Часть первая
Пришествие хронолитов

Глава первая

Именно Хитч Пэйли, промчавшийся на битом «Даймлере» по утрамбованному песку пляжа, позади танцевального павильона в Хат Тай, и был тем человеком, который позвал меня в свидетели конца эпохи. Моей и всего мира. Но я не виню Хитча.

Ничто не случайно. Теперь я это понимаю.

Он подошел с ухмылочкой, что, вообще говоря, в случае Хитча — дурной знак. Он был экипирован в типичный для того последнего нормального лета прикид американца-в-Таиланде: армейские шорты, пляжные сандалии, безразмерная футболка цвета хаки и пестрая бандана. Приятель мой — здоровенный мужик, бывший морской пехотинец, бородатый и с приличным брюхом. Несмотря на свой наряд, выглядел он внушительно и, хуже того, казался веселым.

Я точно знал, что он провел ночь в шатре для вечеринок с чиновницей немецкого дипкорпуса. Она кормила его печеньем с марихуаной, потом он кормил ее, а потом начался прилив, и они отправились любоваться бликами луны на воде. Если бы он и встал ни свет ни заря, то совсем не

таким бодрым.

Мне тоже не нужно было рано вставать.

Посидев пару часов у костра, я пошел домой, к Дженис, но мы долго не спали. Кейтлин слегла с насморком, и весь вечер Дженис то успокаивала дочь, то сражалась с армией огромных тараканов, которые заполонили теплые и липкие от жира щели газовой плиты. Учитывая жаркую ночь и напряжение, нараставшее между нами, наверное, не стоит удивляться, что мы ругались почти до самого рассвета.

Так что ни Хитч, ни я свежими не выглядели и даже думали с трудом, хотя утренний свет и вселял в меня фальшивую бодрость, веру в то, что мир, залитый таким ярким светом, просто обязан быть надежным и вечным. Солнечные лучи наводили глянец на тяжелые воды бухты, высвечивали рыболовные шлюпки, словно точки на радаре, и обещали еще один безоблачный день. Пляж был широким и ровным, как шоссе, дорога в какое-то неведомое и прекрасное место.

— Слышал этот звук ночью? — Хитч начал разговор, как всегда, без предисловий, словно мы и не расставались. — Похожий на рев реактивного двигателя?

Конечно, я слышал его около четырех утра,

когда Дженис потопала в постель. Кейтлин, наконец, уснула, и я остался один за покрытым потертым линолеумом кухонным столом с чашкой кислого кофе. Приемник ловил американский джаз, приглушенный до деликатного шепота.

Трансляцию секунд на тридцать прервал странный треск. Словно раскат грома, несколько раз повторенный эхом (тот самый «реактивный двигатель» Хитча), и немного погодя непонятный холодный ветерок застучал по горшкам с бугенвиллеями Дженис, висевшими напротив окна. Жалюзи приподнялись и упали в легком приветствии. Дверь в спальню Кейтлин сама собой приоткрылась, дочка заворочалась под сетчатым пологом, недовольно пискнула, но не проснулась.

Не то чтобы рев двигателя — скорее летняя гроза, бормотание зарождающегося или утихающего шторма над Бенгальским заливом. Ничего необычного в это время года.

— Компашка рестораторов сегодня утром остановилась в «Дюке», они скупили весь наш лед, — продолжил Хитч, — для дачи какого-то богатея. Рассказывали, что дорогу на холме реально разнесло, будто фейерверком или артобстрелом.

Деревья вырывало с корнем. Хочешь глянуть, Скотти?

— И на то, и на другое, — ответил я.

— Чего?

— В смысле, да.

Это было решение, безвозвратно изменившее мою жизнь, а я принял его по глупости. И виноват в этом Фрэнк Эдвардс.

Фрэнк Эдвардс в прошлом веке работал радиоведущим в Питтсбурге и составил сборник якобы правдивых чудес («Непонятнее самой науки», 1959), в котором собрал самые живучие сказки, вроде загадки Каспара Хаузера или «космического корабля», взорвавшегося над сибирской Тунгуской в 1910 году. Книга и горстка ее продолжений стали настоящим пунктиком нашего семейства в те времена, когда я был настолько наивен, что воспринимал подобную чепуху всерьез. Отец отдал мне мятое, списанное библиотечное издание «Непонятнее самой науки», и я — десятилетний пацан — проглотил его за три ночи. Думаю, отец считал, что такие истории подстегнут мальчишеское воображение. Если так, то он оказался прав. Тунгуска находилась за тридевять земель от предместья Балтимора, куда Чарльз Картер Уорден засадил свою беспокойную

жену и единственного отпрыска.

Я перерос привычку верить во что попало, но слово «странный» стало моим личным талисманом. Странным был мой образ жизни. Странным было решение остаться в Таиланде, когда все контракты улетучились. Странными были длинные дни и ночи под кайфом на пляжах Чумпхона, Самуи и Пхукета; странными, как спиральная геометрия древних Ватов[1].

Быть может, Хитч прав. Возможно, какое-то таинственное чудо приземлилось в нашей провинции. Хотя более вероятно, что там произошел лесной пожар или разборка наркодилеров, однако поставщики говорили Хитчу, что это было «что-то из космоса», а кто я такой, чтобы спорить? Мне и так было не по себе, а тут еще перспектива провести впустую еще один день, отбиваясь от жалоб Дженис. А мне это не приносит удовольствия. Так что, вскочив в седло «Даймлера» и забив на последствия, мы рванули вдоль побережья в облаке сизых выхлопов. Я не задержался, чтобы сообщить Дженис, что уезжаю. Сомневался, что ее это интересует, и к тому же собирался вернуться вечером.

---

[1] Примечания: 1
Ват — буддийский храм.

В те времена немало американцев пропадало в Чумпхоне и Сатуне — их похищали ради выкупа, убивали за пару монет в кармане, втягивали в героиновый трафик. Но я был так молод, что меня это не волновало.

Мы проехали «Крутягу Дюка» — хибару, где Хитч якобы продавал рыболовные снасти, а на деле толкал местную марихуану народу с вечеринок — и свернули на другую дорогу. Движение было спокойное — всего несколько фур с рыбных ферм Си-Про, дешевые маршрутные такси и *сонгтео*[2], разукрашенные, как карнавальные повозки, да туристические автобусы. Хитч гнал с пылом и бесстрашием аборигенов, которые в пути тренируются контролировать мочевой пузырь. Но порывы сырого ветра бодрили, особенно когда мы свернули на автостраду, ведущую вглубь материка, и день только начинался и обещал быть чудесным.

Чем дальше от побережья, тем более гористым становится Чумпхон. Когда мы свернули, то стали почти единоличными хозяевами дороги, пока мимо, обдав нас градом гравия, не проревела

[2] Примечания: 2

Сонгтео (или «*тук-тук*») — самый недорогой маршрутный транспорт в Таиланде, легковой пикап с крышей и без стекол, внутри которого расположены две скамьи друг против друга.

фаланга пограничной полиции. Да, определенно что-то случилось. Мы ненадолго остановились, чтобы Хитч облегчился на заправочной станции («*Hawng Nam*», что буквально означает «*Где тут вода?*»), пока я настраивал свой портативный приемник на англоязычную радиостанцию Бангкока. Сплошные американские и британские музыкальные чарты и ни слова про марсиан. Но стоило Хитчу вернуться из туалета, как бригада Королевской Тайской армии, три бронетранспортера и несколько дребезжащих хаммеров, пронеслась в том же направлении, что и местная полиция. Хитч посмотрел на меня, я — на него.

— Достань камеру из багажника, — велел он, на этот раз не улыбаясь, и вытер руку о шорты.

Впереди разворошенные холмы прорезал светлый столб то ли тумана, то ли дыма.

Я и понятия не имел, что моя пятилетняя дочь Кейтлин проснулась в дикой лихорадке, и Дженис добрых двадцать минут напрасно искала меня, прежде чем сдалась и отправилась с Кейт в благотворительную больницу.

Здешний врач был канадцем, жил в Чумпхоне с две тысячи второго года и делал вполне современные операции на пожертвования какого-то департамента Всемирной организации здраво-

охранения. Доктор Декстер, как звали его люди на пляже. Человек, разбирающийся в сифилисе или кишечных паразитах. К тому времени, когда он принял Кейтлин, температура у нее поднялась до сорока градусов, и малышка лишь изредка приходила в сознание.

Дженис, конечно, сходила с ума. Должно быть, она опасалась худшего: японского энцефалита, о котором мы читали в газетах весь год, или денге, убившей так много людей в Мьянме. Доктор Декстер диагностировал обычный грипп (эта зараза гуляла в Пхукете и Самуи с марта) и накачал Кейт противовирусными препаратами.

Дженис устроилась в приемной больницы и периодически пыталась дозвониться мне. Но я оставил телефон дома, в рюкзаке на полке. Она могла бы попытаться набрать Хитча, но тот не доверял открытым каналам связи; он носил только GPS-навигатор и компас, считая, что этого более чем достаточно для настоящего мужика.

Когда я заметил колонну сквозь лесную дымку, то принял ее за чеди[3] далекого Вата — одного

[3] Примечания: 3

Чеди — в буддийском искусстве Таиланда разновидность ступы (вид гробницы или памятника). Характеризуется ступенчатым основанием, которое переходит в колоколообразную форму с навершием в виде высокого шпиля.

из буддийских храмов, разбросанных по всей Юго-Восточной Азии. В любой энциклопедии, к примеру, найдется фотография Ангкор-Вата. Вы бы оценили его, если бы увидели: гробница с каменными башнями, которые выглядят удивительно естественно, словно окаменелые кости какого-то огромного тролля, брошенные в джунглях.

Но этот *чеди* — я рассмотрел его лучше, когда мы поднялись наверх по извилистой дороге, — был неправильной формы и неправильного цвета.

Мы въехали на гребень горы и оказались перед блокпостом королевской полиции, пограничных патрульных машин и разномастных военных на ржавых внедорожниках. Они разворачивали обратно все машины. Четверо солдат тренировались в стрельбе по древнему сонгтео марки «Хендай», наполненному кудахчущими курами. Пограничные копы выглядели молодыми, но очень недружелюбными в своих хаки и очках «авиатор», винтовки они держали так, что это действовало на нервы. Мне не хотелось с ними связываться, о чем я и сказал Хитчу.

Не знаю, услышал ли он. Его внимание было приковано к монументу — пока буду использовать это слово — что виднелся вдали.

Теперь мы могли ясно его рассмотреть. Странная штука оседлала верхнюю террасу холма, до половины скрытая туманом. Без каких-то видимых ориентиров трудно было судить о ее размерах, но, полагаю, она была не меньше трехсот футов в высоту.

В силу своего невежества мы могли бы ошибочно принять ее за космический корабль или оружие, но, по правде, стоило мне присмотреться, как я сразу определил ее как своего рода памятник. Вообразите усеченный Монумент Вашингтона из голубого стекла, со слегка закругленными углами. Я понятия не имел, кто создал его или как он оказался здесь — по-видимому, за одну ночь, — но при всех своих странностях выглядел он однозначно рукотворным, а люди создают такие вещи с единственной целью: заявить о себе, обозначить свое присутствие и продемонстрировать силу. То, что эта штука вообще тут находилась, было странно до умопомрачения, но все подтверждало ее реальность — и ее масса, и размер, и невообразимо нелепый вид.

Потом начал подниматься туман, заслоняя нам обзор.

Двое неприветливых парней в форме развязно зашагали в нашу сторону.

— Похоже на то, — произнес Хитч, его едва заметный протяжный юго-западный говорок звучал слишком уж лениво, учитывая обстоятельства, — что скоро сюда слетятся все американские и ооновские засранцы плюс еще куча яйцеголовых умников.

Над горным хребтом уже кружил вертолет, — без опознавательных знаков, но явно военный, ветер от его винтов взбалтывал туманную дымку.

— Тогда возвращаемся, — ответил я.

Он сделал один снимок и спрятал камеру подальше.

— Это необязательно. С той стороны холма есть тропа контрабандистов. Она отходит от главной дороги в полумиле отсюда. Мало кто о ней знает, — он снова усмехнулся.

Я изобразил улыбку в ответ. Передумать мы всегда успеем, а я знал Хитча и понимал, что спорить с ним не имеет смысла. А еще мне не хотелось оставаться возле этого КПП без тачки. Хитч круто развернулся, и мы оставили тайских копов пялиться в дыру нашей выхлопной трубы.

Это было часа в два или три, примерно в то время, когда у Кейтлин из левого уха начал сочиться кровавый гной.

Мы поднимались, петляя, по тропе контрабандистов, пока могли проехать на «Даймлере», потом спрятали байк в зарослях и больше четверти мили топали пешком.

Дорога была трудной, когда ее прокладывали, думали о маскировке, а не об удобстве. Крутое местечко, как назвал ее Хитч. У него в багажнике отыскались походные ботинки, а мне пришлось топать в кроссовках, с опаской думая о змеях и насекомых.

Если бы мы прошли еще дальше, то точно добрались бы до какого-нибудь схрона наркоты или рудника, а может, даже до бирманской границы, но через двадцать минут тропа привела нас настолько близко к монументу, насколько мы и хотели — вернее, насколько мы *смогли* подобраться.

До него было около тысячи ярдов.

Первыми людьми, увидевшими его вблизи, мы, конечно, не стали. В конце концов, он ведь перегородил дорогу, и случилось это часов двенадцать назад, более того — фанфары «реактивного двигателя» прошлой ночью возвестили о появлении артефакта.

Но мы были одними из первых.

Хитч остановился возле поваленных деревьев.

В этой части леса росли в основном сосны и местами дикий бамбук, все они рухнули, как домино, вокруг основания монумента, и обломки завалили проход к нему. Сосны, по всей видимости, повалило какой-то взрывной волной, но они не сгорели. Совсем наоборот. Листья вырванного с корнем бамбука оставались зелеными и только-только начали вянуть от дневной жары. От всего здесь — от деревьев, тропы и самой земли — веяло холодом. *Бодрило так*, как бывает, когда ощущаешь на кончиках пальцев неожиданную прибыль. Хитч не преминул сказать об этом, а я не мог оторвать взгляд от самого монумента.

Если бы я знал, что произойдет позже, то поумерил бы свой восторг. В свете дальнейших событий это было еще относительно скромное чудо. Но я точно знал, что столкнулся с чем-то невероятным, гораздо более странным, чем то, о чем рассказывал Фрэнк Эдвардс в старых номерах «Питтсбургских новостей», и испытывал страх и невероятный энтузиазм одновременно.

Монумент. Начнем с того, что это не была статуя — то есть изображение человека или животного. Он представлял собой гладко отполированный четырехгранный столб с конической вершиной. Материал, из которого он был сделан, напоминал

стекло, но невероятного, невозможного размера. Он был синего цвета: глубокая, непроницаемая синева горного озера, мирного и в то же время зловещего. Непрозрачный, но, казалось, пропускающий свет. С нашей — северной — стороны он был покрыт белыми пятнами: лед — я едва не остолбенел, когда понял, что это именно он — медленно испарялся в жарком воздухе. От тумана изуродованные стволы у его основания покрылись влагой, а место, где монумент вошел в землю, скрывали холмы тающих сугробов.

Лед и неестественный холод, поднимавшийся от поваленных деревьев, придавали всей сцене особенно зловещий вид. Я представил обелиск, вырастающий, словно громадный кристалл турмалина, из какого-то подземного ледника… Но такое бывает только во сне. О чем я и сказал Хитчу.

— Тогда мы, наверное, в Царстве Сна, Скотти. Или в стране Оз.

Еще один вертолет начал кружить вокруг макушки холма, да так низко, что стало невозможно стоять. Мы присели среди упавших сосен, зябко вдыхая воздух, пропитанный запахом хвои. Когда летающая тарахтелка поднялась выше и исчезла, Хитч тронул меня за плечо.

— Нагляделся?

Я кивнул. Оставаться здесь не имело смысла, хотя какая-то упрямая часть меня хотела задержаться и осмыслить увиденное, добиться какого-то внятного ответа от льдисто-голубых глубин этой штуки.

— Хитч, — окликнул я.

— Что?

— Внизу, у подножия… кажется, там какая-то надпись?

Он искоса бросил на обелиск прощальный взгляд. Сделал последнюю фотографию.

— Да, какие-то буквы. Не английские. Слишком далеко, чтобы разобрать, а подходить ближе не будем.

Мы и так уже слишком задержались.

Остальное я узнал позже — много позже — от Дженис.

К трем часам дня бангкокские медиа получили видео с монументом от американского туриста. К четырем часам половина бездельников с пляжей провинции Чумпхон сорвалась с места, чтобы самим увидеть это чудо, но их гуртом развернули на блокпостах. Посольства были оповещены; международная пресса засела в ожидании новых сообщений.

Дженис оставалась с Кейтлин в клинике. Кейт к тому времени кричала от боли, несмотря на анестетики и противовирусные препараты, которые давал ей доктор Декстер. Он осмотрел ее второй раз и сказал, что наша дочь подхватила некротическую бактериальную инфекцию уха, возможно, когда купалась в океане. Доктор почти месяц бил тревогу из-за высокого уровня кишечной палочки и дюжины других микробов, но чинуши от здравоохранения не сделали ничего, наверное, потому что рыбные фермы Си-Про забеспокоились о своих лицензиях на экспорт и начали поигрывать мышцами перед властями.

Врач ввел дочери огромную дозу фторхинолонов и позвонил в посольство в Бангкоке. Те направили вертолет скорой помощи и освободили для Кейт место в американской больнице.

Дженис не хотела уезжать без меня. Она бесконечно звонила в нашу хижину и, не дождавшись ответа, оставила сообщения домовладельцу и нескольким друзьям. Они выражали ей сочувствие, но в тот день меня не видели.

Доктор Декстер дал Кейтлин успокоительное, пока Дженис сбегала собрать вещи. Когда она вернулась в клинику, вертолет уже ждал.

Она сказала врачу, что я почти наверняка объ-

являюсь к ночи, вероятно, в шатре для вечеринок. И если свяжусь с ним, пусть он даст номер телефона больницы, чтобы я уладил все дела и приехал.

Вертолет взлетел. Дженис тоже приняла успокоительное, пока трио фельдшеров накачивали вены Кейт антибиотиками более широкого спектра действия.

Когда они поднялись над заливом, Дженис могла увидеть причину всей кутерьмы — кристаллическую колонну, возвышавшуюся как безответный вопрос над пышной зеленью склонов.

С тропы контрабандистов мы вырулили прямиком в руки тайской полиции.

Хитч отважно попытался дать задний ход и унести наши задницы подальше от неприятностей, но бежать особо было некуда, разве что подняться обратно в тупик. А когда пули выбили фонтанчики пыли перед передним колесом, Хитч ударил по тормозам и заглушил мотор.

Солдаты приказали нам встать на колени и сцепить руки на затылке. Один из них подошел и ткнул стволом в висок Хитчу, а затем мне. Он сказал что-то непонятное, его приятели засмеялись.

Через несколько минут мы уже сидели в воен-

ном фургоне под охраной четырех вооруженных типов, которые то ли не говорили по-английски, то ли отлично притворялись. Я думал о том, сколько контрабанды перетаскал Хитч, и не сочтут ли меня соучастником или сообщником нарушений, достойных смертной казни. Но никто и словом не обмолвился о наркоте. Никто вообще ничего не сказал, даже когда грузовик тронулся с места.

Я вежливо поинтересовался, куда нас везут. Ближайший солдат — толстый щербатый юнец — пожал плечами и махнул на меня прикладом винтовки с невнятной угрозой.

Они отняли у Хитча камеру. Он так никогда и не получил ее обратно. И свой мотоцикл тоже, если уж на то пошло. Армия в таких вопросах весьма прижимиста.

Мы ехали в фургоне почти восемнадцать часов и следующую ночь провели в тюрьме Бангкока, в разных камерах и без права на звонок. Позже я узнал, что американские спецслужбы хотели устроить нам «разбор полетов» (то есть допрос), прежде чем допустить к нам прессу. Так что мы сидели в одиночках с ведрами вместо туалета, пока прилично одетые типчики со всего мира заказывали рейсы в аэропорт Дон Муанг. Такие

вещи требуют времени.

Моя жена и ребенок находились от меня в каких-то пяти милях, в больнице при посольстве, но ни я, ни Дженис не знали об этом.

Ухо Кейтлин кровоточило до рассвета. Второй диагноз доктора Декстера оказался верным. Кейтлин была инфицирована какими-то зловещими полирезистентными бактериями, так аккуратно растворявшими барабанную перепонку — мне рассказывал один из врачей — будто ей в ухо вылили флакон кислоты. Мелкие кости и нервная ткань вокруг тоже пострадали, в то время только бесчисленными дозами фторхинолонов можно было победить инфекцию.

К вечеру следующего дня выяснились две вещи.

Первая: жизни Кейтлин больше ничего не угрожает.

Вторая: она уже никогда не будет слышать правым ухом как прежде. Частично слух сохранился, но гораздо слабее.

Или лучше сказать, выяснились три вещи. Потому что с наступлением ночи Дженис стало очевидно: мое отсутствие не имеет оправдания, и она не готова простить мне этот промах, недопустимый для взрослого человека. Нет, не в этот раз

— разве что мой труп выбросит на берег, а может, и это не поможет.

Допрос проходил так: в тюрьму приехало трое вежливых людей и стали сокрушаться и извиняться за те условия, в которых нас держали. Они, мол, ведут переговоры с тайским правительством от нашего имени — «даже сейчас, пока мы беседуем» — а тем временем, не хотим ли мы ответить на несколько вопросов?

Например, наши имена, адреса, родственники и знакомые в Штатах? И долго ли мы жили в Таиланде? И что здесь делали?

(Должно быть, это позабавило Хитча. А я просто сказал правду: что приехал в Бангкок, чтобы разрабатывать программное обеспечение для американской гостиничной сети и пробыл здесь еще около восьми месяцев, после того как контракт истек. Не стал упоминать, что планировал написать книгу о взлете и падении эмигрантской пляжной культуры в Стране улыбок, как называют Таиланд в путеводителях, — задумка, которая превратилась из публицистики в роман и умерла в зародыше — или что шесть недель назад у меня кончились личные сбережения. Я рассказал им о Дженис, но не стал упоминать, что без денег, которые она занимала у своей семьи, мы были

бы нищими. Я рассказал им и о Кейтлин, не зная, что та чуть не погибла всего сорок восемь часов назад… и если «костюмы» об этом знали, то они предпочли не делиться информацией.)

Остальные их вопросы касались объекта в Чумпхоне: откуда мы узнали о нем, когда впервые увидели, насколько близко подобрались, наши «впечатления» от него. Тайский охранник угрюмо наблюдал, как американский медик взял у нас образцы крови и мочи для последующего анализа. После чего «костюмы» поблагодарили нас и пообещали вытащить из заключения как можно скорее.

На следующий день трое других вежливых джентльменов с новыми верительными грамотами задавали те же вопросы и давали те же обещания.

Наконец нас освободили. Даже вернули кое-что из вещей и выставили в жару и вонь Бангкока, где-то по ту сторону Чао Прайя. Брошенные без гроша в кармане, мы отправились в посольство, где я упросил чиновника оплатить нам билет в Чумпхон и разрешить сделать пару бесплатных звонков. Я попытался дозвониться Дженни, набирая номер нашей хижины. Мне никто не ответил. Но было время обеда, и я подумал, что

они с Кейтлин вышли за едой.

Попробовал связаться с нашим арендодателем (седеющим англичанином по имени Бедфорд), но попал на голосовую почту. В этот момент милейший сотрудник посольства демонстративно напомнил, что автобус ждать не станет.

Я добрался до хижины глубокой ночью, все еще твердо уверенный в том, что найду там свою семью; что Дженис будет сердиться, пока не услышит, что со мной случилось; что последует слезное примирение, а потом, того и гляди, вспышка страсти.

Собираясь в спешке, Дженис оставила дверь приоткрытой. Она взяла лишь чемодан с их вещами, а местные воры забрали все, что они оставили: еду из холодильника, мой телефон, ноутбук.

Я побежал вверх по дороге и разбудил нашего арендодателя, который признался, что видел «на днях», как Дженис тащила сумку мимо его окна, и что Кейтлин больна, но шумиха вокруг монумента вытеснила все подробности. Он позволил воспользоваться своим телефоном (я превратился в телефонного попрошайку), и я дозвонился до доктора Декстера, который посвятил меня в детали болезни Кейтлин и ее поездки в Бангкок.

Бангкок! А я не мог позвонить в Бангкок с телефона Колина. Это стоило денег, как он подметил, а не я ли задолжал ему за аренду?

Я рванул в «Крутягу Дюка» — фиктивный Хитчев магазин приманок и снастей.

У Хитча были свои проблемы — он все еще питал призрачную надежду выследить потерянный «Даймлер», но сказал, что я могу завалиться в заднюю комнату (предполагаю, что на тюк влажной сенсемильи) и пользоваться телефоном сколько захочу, потом сочтемся.

Уже на рассвете я выяснил, что Дженис и Кейтлин покинули страну.

Я не виню ее.

Не то чтобы я не злился. Полгода я был в бешенстве. Но когда пытался оправдать свой гнев в собственных глазах, мои отговорки звучали надуманно и неубедительно…

В конце концов, это я привез ее в Таиланд, хотя она предпочла бы оставаться в США и заканчивать аспирантуру. Я удерживал ее здесь, когда мои контракты истекли, и фактически вынудил жить в нищете (во всяком случае, в те годы американцы именно так понимали нищету), пока сам изображал из себя бунтаря и отшельника, что было скорее связано с непреодоленными

постподростковыми страхами, чем с реальными проблемами. Из-за меня Кейтлин подверглась опасностям чужого образа жизни (в котором я предпочитал видеть «расширение ее кругозора»), и, наконец, меня не было рядом, когда жизнь моей дочери висела на волоске.

Я не сомневался, что Дженис винит меня в том, что Кейтлин потеряла слух. Оставалось только надеяться, что сама Кейт винить меня не станет. Или, по крайней мере, так будет не всегда. Не всю жизнь.

В то время я хотел лишь вернуться домой. Дженис уединилась в доме родителей в Миннеаполисе и упорно не отвечала на мои звонки. Мне дали понять, что бумаги на развод уже готовятся.

Все это за десять тысяч миль от меня.

Когда этот месяц разочарований подошел к концу, я сказал Хитчу, что должен уехать обратно в США, но сижу на мели.

Мы устроились на бревне на берегу залива. Виндсерферы раскатывали по синим просторам, не смущаясь количеством бактерий в воде. Забавно, как привлекательно выглядит океан, даже когда ядовит.

Пляж был переполнен. Чумпхон стал Меккой

для фотожурналистов и любопытных бездельников. Днем они боролись за снимки так называемого Чумпхонского объекта, ночью втридорога платили за выпивку и ночлег. Денег принесли больше, чем я видел за год.

Я не обращал внимания на журналистов, а монумент уже ненавидел. Я не мог винить Дженис в том, что произошло, и по понятным причинам отказывался винить себя, но мог без зазрения совести все валить на таинственную штуку, очаровавшую полмира.

Ирония в том, что я возненавидел монумент раньше остальных. Задолго до того как силуэт холодного синего камня стал символом, который почитала и ненавидела (или, наоборот, обожала) большая часть рода людского. Но пока я застолбил это место для себя.

Мораль, полагаю, в том, что история не всегда выдвигает вперед хороших парней.

И, разумеется, в том, что простых совпадений в жизни не бывает.

— Услуга за услугу, — сказал Хитч и усмехнулся, устрашающе оскалившись. — Может, мы сможем помочь друг другу. Может, я помогу тебе вернуться домой, Скотти. Если ты сделаешь кое-что для меня.

— Что-то меня напрягает твое предложение, — ответил я.

— Беспокойство полезно для здоровья.

В тот же вечер англоязычные газеты опубликовали текст послания, обнаруженного в основании монумента, который здесь, в Чумпхоне, уже ни для кого не был тайной.

Буквы глубиной в дюйм, вырезанные на поверхности колонны, складывались в надпись на смеси ломаного мандаринского диалекта и упрощенного английского, представляя собой торжественное напоминание о сражении. Другими словами, это был памятник победе.

Он был установлен в честь капитуляция южной части Таиланда и Малайзии перед превосходящими силами кого-то (или чего-то), названного «Куан», а под текстом стояла дата этой исторической битвы — 21 декабря 2041 года. Через двадцать лет.

Глава вторая

Я прилетел в США рейсом одной молодой авиакомпании с пересадками в Пекине, Дюссельдорфе, Гандере и Бостоне — долгий путь вокруг планеты, с неизбежными задержками, которые вводили в ступор, — и прибыл в аэропорт Логана, нагруженный батареей поддельных «дизайнерских» чемоданов в лучших традициях Бангкока, пятью тысячами долларов аванса и одной неприятной обязанностью, и все благодаря Хитчу Пэйли. На радость или на беду, но я был дома.

Не успел я даже выйти из терминала, как Бостон приятно удивил меня своим естественным богатством, особенно после долгих месяцев жизни на пляже. Все эти сверкающие кафе и газетные киоски будто выросли после ливня, как веселые диснеевские грибы. Здесь практически всему еще не исполнилось и пяти лет — и этому крылу терминала, и атлантической намывной территории, на которой оно стояло, — весь комплекс был гораздо моложе собственных потребителей. Я прошел через неинвазивный таможенный сканер, пересек похожий на пещеру зал прибытия и вышел к стоянке такси.

Загадка Хронолита из Чумпхона — такое имя месяц назад дал камню один журналист, пишущий популярно о науке, — уже перестала интересовать публику. Обелиск все еще мелькал в новостях, но в основном в газетенках, которые лежат на кассе в супермаркетах (там его называли то тотемом дьявола, то трубой Страшного суда) и в бесконечных хрониках тайных заговоров в сетевых блогах. Нынешнему читателю это может показаться невероятным, но мир обратился к более насущным проблемам: Браззавиль-3, свадьба Виндзоров, покушение на диву Люкс Эбен на фестивале в Риме в прошлые выходные.

Казалось, все мы ждали события, которое охарактеризовало бы новое столетие, некую вещь, человека или абстрактное понятие, способное поразить весь мир невообразимой новизной. Событие Двадцать Первого Века. И мы, конечно, не узнали его, когда впервые услышали о нем в новостях. Хронолит был явлением исключительным, интригующим, но, в конечном счете, ставившим в тупик и, следовательно, скучным. Мы отложили его в сторону, не закончив отгадывать, как кроссворд в «Нью-Йорк Таймс».

На самом деле тайскими событиями интересовались многие, но все оказалось в ведении

определенных эшелонов разведки и секретных служб — как местных, так и международных. Хронолит, в конце концов, был безусловно враждебным военным вторжением, проведенным в крупном масштабе с неясными конечными целями, даже если жертвами оказались лишь корявые горные сосны. Провинция Чумпхон в те дни находилась под особо пристальным вниманием.

Но это было не мое дело, и я вообразил, что можно выпутаться из этой истории, просто пролетев несколько тысяч миль на запад. Мы все тогда так думали.

Осень выдалась необычайно холодной. В небе толпились беспокойные облака, шквальный ветер изводил последние в этом году промысловые флотилии. Рядом с уличным атриумом станции АмМаг[4] в воздухе трепетали ряды флагов.

Я расплатился в водителем такси, пересек вестибюль и купил билет на Северный экспресс: Детройт, Чикаго и, минуя прерии, Сиэтл, хотя и собирался доехать только до Миннеаполиса. Автоматическая касса сообщила, что посадка в семь вечера. Я купил газету и читал ее с платного

[4] Примечания: 4

АмМаг — придуманная автором Американская Магнитная железная дорога, проекты которой существуют, но еще не воплощены.

монитора, пока настенные часы станции не показали половину пятого.

После чего я встал, осмотрел холл на предмет подозрительных действий (ничего), и вышел на Вашингтон-стрит.

В пяти кварталах к югу от станции магнитной железной дороги располагалась крошечная древняя служба доставки почты под названием «У Изи. Бандероли и посылки». Это была далеко не процветающая контора на первом этаже, витрина затянута заляпанной полиэтиленовой пленкой. Пока я наблюдал, какой-то мужчина с ходунками осторожно вошел в двери и появился десять минут спустя с коричневым бумажным конвертом. Я подумал, что это типичный клиент подобных заведений — старик, назло всем преданный тому, что осталось от Почтовой службы США.

Если только джентльмен с ходунками не был преступником в латексной маске. Или полицейским.

Были ли у меня опасения по поводу того, что я делаю? Масса… Ну, по крайней мере, сомнения точно. Хитч оплатил мне дорогу домой, и услуга, о которой он просил взамен, казалось достаточно простой, пока мы без гроша в кармане грелись

на песке. На момент появления Чумпхонского Хронолита я знал Хитча больше года, он был одним из немногих завсегдатаев Тайского Хаата. Разговоры, которые там велись, касались более продвинутых тем, чем сексуальные победы и модная дурь. Мастер молчаливых сделок и подпольных барышей, он оставался, по сути, честным и (как я часто твердил Дженис) «неплохим малым». Что бы это ни значило. Я доверял ему, по крайней мере, до определенных пределов.

Но когда я высматривал вокруг заведения Изи признаки полицейской слежки — прекрасно понимая, что распознал бы ее, только если бы Департамент финансов арендовал рекламный щит и уведомил о своем присутствии, — все мои рассуждения казались поспешными и наивными. Хитч попросил меня явиться сюда, назвать его имя и забрать «пакет», который я должен был хранить, не задавая вопросов, пока он не свяжется со мной.

Хитч ко всему прочему был драгдилером, хотя его пляжная торговля и ограничивалась коноплей, экзотическими грибами и легкими психоделиками. А Таиланд исправно все это поставлял, и наркотрафик там создавался еще во времена Марко Поло.

К дурманящим средствам я относился спокойно и кое-что пробовал. Практически каждый психотроп хоть где-то был легализован, и почти все они были декриминализованы в либеральных западных странах, но США вообще, и Массачусетс в частности, по-прежнему жестоко наказывали за транспортировку тяжелых наркотиков. Если Хитч каким-то образом умудрился отправить себе по почте, допустим, килограмм героина — и если он, в силу извращенного чувства юмора, отдал его мне на хранение, — я мог заплатить за свой билет до дома приличным сроком. И не увиделся бы с Кейтлин без решетки между нами, по крайней мере, до ее тридцатилетия.

Внезапно разразился ливень. Я перебежал через дорогу к «Бандеролям и посылкам», перевел дыхание и шагнул внутрь.

Сам Изи, если это был он — высокий, покрытый затейливыми морщинами, мускулистый чернокожий мужик, которому могло быть и шестьдесят, и восемьдесят лет, — стоял за деревянным прилавком, карауля ряд алюминиевых почтовых ящиков, потускневших до темно-серого цвета. Он бросил на меня короткий взгляд:

— Вам помочь?

— Я пришел забрать пакет.

— Как и все остальные. Номер ящика?

Хитч не дал мне номер.

— Хитч Пэйли сказал, что для меня будет пакет.

Его глаза сузились, а голова, казалось, от негодования распухла на четверть дюйма.

— Хитч *Пэйли*?

Тон его голоса не предвещал ничего хорошего, но я кивнул.

— Чертов Хитч Пэйли! — он врезал кулаком по прилавку. — Я не знаю, кто ты, на хрен, такой, но если будешь говорить с Хитчем Пэйли, то передай этому засранцу, что мы еще сведем с ним счеты! Может засунуть себе свои чертовы пакеты!

— Так у вас ничего нет для меня?

— Есть ли у меня что-то для *тебя*, да? Есть ли у меня что-то для *тебя*? Для тебя у меня есть пинок ботинком под зад!

Мне удалось выскочить за дверь.

Так неудавшийся журналист, неудавшийся муж и неудавшийся родитель стал неудавшимся преступником.

В вагоне АмМаг удаляясь от Массачусетса, от лабиринтов городских трущоб и сумрачных ферм, я старался выбросить все эти тайны из головы.

Что угодно могло пойти не так между Хитчем

Пэйли и Изи, но я твердил себе, что это не важно. Я сделал то, о чем меня просили, и испытал откровенное облегчение, не получив на сохранение полный компромата сверток в коричневой бумаге. Единственная проблема заключалась в том, что Хитч может (и очень скоро) захотеть назад свои деньги.

В дождливой темноте полночь медленно отступала в прошлое. А я полулежал в своем кресле и размышлял о будущем. К западу от Миссисипи экономика была на подъеме. Ковалентные процессорные платформы создали массу комплексов нового программного обеспечения, и я был уверен, что смогу устроиться хотя бы на испытательный срок в компанию из Кремниевого кольца, ходящую в любимчиках у НАСДАКа[5]. Воспользуюсь своим дипломом, пока тот не устарел. Со временем смогу вернуть Хитчу деньги и обнулить долг. Так преступление порождает добродетель.

Со временем, представлялось мне, я мог бы стать респектабельным, доказал бы Дженис, что чего-то стою, и она простила бы меня, а Кейт снова притопала бы в мои объятия.

---

[5] Примечания: 5
Американская фондовая биржа.

Но я не мог не думать о своем отце, видя его черты в собственном отражении на залитом дождем окне. Неудача — это хаос, — казалось, говорил этот призрак, — а энтропия — закон природы. Любовь становится болью. Со временем вы учитесь игнорировать ее. Достигаете нирваны безразличия. Это нелегко. Но все стоящие вещи даются непросто.

Мы с Хитчем были одними из первых свидетелей Хронолита в Чумпхоне, и в том великом слиянии времени и разума, которое последовало… Ну, да, мне приходил в голову вопрос: насколько мой собственный пессимизм (или пессимизм моего отца) повлиял на всю эту историю?

Не говоря уже о легких приступах безумия по материнской линии. Стылый воздух проникал в полуосвещенный вагон, и я вспомнил, как яростно мать ненавидела холод. Она принимала его на свой счет, особенно в последние годы. Словно личное оскорбление. Она была врагом льда и мучилась из-за снега.

Однажды она сказала мне, что снег — экскременты ангелов: он не воняет, как и все ангельское, но тем не менее это оскорбительно, поэтому в силу своей чистоты он сгорает, как огонь, и жжет

так же, касаясь кожи смертных.

Пряча в карман пиджака корешок билета, я заметил серийный номер, напечатанный под логотипом АмМаг, — два ноль сорок один, те же цифры, что и на дате, выбитой на камне Куана.

На станции Миннеаполис/Сент-Пол я купил местные газеты и научно-популярный журнал со статьей о Хронолите.

Журнал опубликовал несколько фотографий с тайского сайта, многое изменилось с того дня, когда мы с Хитчем побывали там. На коричневой земле вокруг столба было расчищено огромное пространство, пестревшее палатками, навесами с оборудованием, временными лабораториями и морем выкрашенных охрой биотуалетов. Страны Тихоокеанского договора собрали здесь многонациональную компанию исследователей, в основном специалистов по свойствам материалов, которые, по общему признанию, на данный момент были сбиты с толку. Хронолит оказался невероятно инертным. Он словно вообще не реагировал на внешнюю среду, устоял, когда его травили кислотой или резали лазером; глубокое бурение не достигало его основания; температура, по крайней мере с момента ледяного взрыва во время прибытия, отличалась от окружающей

не больше, чем на долю градуса. Штуковина была фантастически неприступной.

Спектральный анализ колонны оказался делом особенно неблагодарным. Хронолит пропускал и рассеивал свет в сине-зеленой части видимого спектра и, по непонятным причинам, при определенной длине и частоте волны инфракрасного и ультрафиолетового излучения. На других частотах он либо абсолютно все отражал — отражал до невозможности — либо все поглощал. Общий баланс на выходе, по подсчетам, равнялся нулю, но никто и в этом не был уверен, и даже такая гипотетическая симметрия не поддавалась простому объяснению. Потом статья предлагала еще ряд пустых рассуждений о совершенно новом состоянии вещества, что было не столько объяснением, сколько признанием невежества, сформулированным так, чтобы не нарушить бесперебойное финансирование исследований.

Домыслы о легенде, выбитой на Хронолите, звучали еще вульгарнее и бессодержательнее. Возможно ли «путешествие во времени» на самом деле? Большинство авторитетов отклонили это предположение. Тогда, вероятно, эта надпись — простая хитрость, уловка, чтобы ввести в заблуждение. Даже название «Куан» не давало

никакой информации. Если это имя, то оно могло быть китайским, но более вероятно — голландским; это слово также встречалось в финском и японском языках; существовало даже племя коренных перуанцев под названием Хуни Куан, хотя их едва ли можно было привлечь к ответственности.

Другой вариант — что какой-то азиатский военачальник всего лишь через двадцать лет тому вперед возведет памятник своей маленькой победе и *перенесет его в недавнее прошлое* — звучал совсем уж нелепо, чтобы оказаться правдой. (Сейчас это может показаться недальновидным, но нужно учитывать, что научному сообществу пришлось проглотить множество совершенно вздорных гипотез о камне Куана, и вполне понятно, что оно отказывалось принимать самую невероятную из них. Тогда люди употребляли слово «невозможно» гораздо чаще.)

К такому консенсусу пришел мир к осени 2021 года.

Местную газету я купил с более практичной целью — искал объявления об аренде жилья поближе к кольцу пригородных консорциумов, занимавшихся цифровым проектированием. Нашлось несколько подходящих вариантов, и в

среду я снял квартирку с одной спальней в доме без лифта, к западу от аграрного анклава Городов-близнецов[6]. Мебели в комнате не было. Я купил стул, стол и кровать. Что-либо еще сверх этого означало бы постоянство. А я решил, что у меня «переходный период», и отправился искать работу. Звонить Дженис не хотелось, по крайней мере, сразу, потому что сначала нужно было ей что-то показать, убедить ее, что мне можно доверять, например, начав зарабатывать. Окажись у меня почетный знак Достойного гражданина, то и ему я нашел бы применение.

Конечно, все это не помогло. Прошлого не вернуть, читатель это и сам наверняка понимает. Молодое поколение разбирается в таких вещах лучше, чем мои сверстники. Ему эти знания буквально вбили.

[6] Примечания: 6

Города-близнецы — одно из названий Миннеаполиса с примыкающим к нему Сент-Полом.

Глава третья

К февралю 2022 года Дженис и Кейтлин переехали в приятный загородный кооперативный дом, далеко от работы Дженис, зато близко к хорошим школам. Документы о разводе, которые мы подписали в декабре, включали пункт о совместном опекунстве, и я мог проводить с Кейтлин примерно одну неделю в месяц.

Дженис проявила благоразумие в этом вопросе и, начиная с осени, я часто виделся с дочкой. В эту субботу по графику я тоже должен был забрать Кейт. Но день, проведенный с дочерью по решению суда, это не просто день, когда мы вместе. Это что-то совсем другое. Странный, неловкий, не самый приятный день.

Я предстал перед Дженис солнечным, но зверски холодным субботним утром, ровно в 8:45. Она пригласила меня в дом и сказала, что Кейт пошла к своему другу смотреть мультфильмы, пока не дождется моего прихода.

В кооперативной квартире приятно пахло новым ковровым покрытием и недавним завтраком. Дженис, одетая, как всегда по выходным, в блузку и джинсы, налила мне чашку кофе. Мне

показалось, что мы как-то сблизились. Что нам, пожалуй, даже приятно было бы видеться, если бы не вся тяжесть боли и упреков, которая давила на нас, когда мы встречались. Не говоря уже о нашей израненной любви, разбитых надеждах и невысказанной печали.

Дженис присела, нас разделял журнальный стол. Якобы случайно она оставила на столешнице парочку своих антикварных вещиц. Она коллекционировала бумажные журналы прошлого века — «Тайм», «Лайф» и тому подобные. В своих жестких пластиковых суперобложках они выглядели, как реклама утраченной эпохи, корешки билетов на «*Титаник*».

— Ты продолжаешь работать на «Кэмпион-Миллер»? — спросила она.

— У меня контракт еще на шесть месяцев.

И бонус за продление договора. Такими темпами мой чистый доход в один прекрасный день может вырасти с начального уровня до отметки «Младший сотрудник». Большую часть своего бонуса я потратил на широкоэкранную развлекательную панель, чтобы вместе с Кейт смотреть кино. До Рождества я пользовался большим ноутом как для развлечений, так и для работы.

— Что ж, перспективы радуют.

— Так и должно быть, — я отхлебнул из чашки, которую она мне подала. — Кофе, кстати, паршивый.

— Да?..

— Ты всегда варила ужасный кофе.

Дженис улыбнулась:

— И только теперь ты решился сказать мне об этом?

— Мм-хм.

— И ты столько лет ненавидел мой кофе?

— Я не говорил, что ненавидел. Я сказал, что ты его ужасно варила.

— Но ты никогда не отказывался от чашечки.

— Нет. Никогда не отказывался.

Кейтлин вернулась от соседей — влетела через переднюю дверь в хлюпающих резиновых сапогах и стеганой зимней куртке. Стекла ее очков сразу запотели. Очки — это что-то новенькое. У Кейтлин была легкая близорукость, но в таком возрасте еще не делают корректирующих операций. Она сняла линзы и посмотрела на меня, как совенок.

Обычно при встрече Кейт улыбалась мне во весь рот. И сейчас она тоже улыбнулась. И это была не дежурная улыбка.

Дженис спросила:

— Милая, ну что, ты посмотрела мультики?

— Нет, — Кейт не сводила с меня глаз. — Мистер Леви хотел смотреть новости.

Мне не пришло в голову поинтересоваться, почему сосед так настаивал на просмотре новостей.

Но если бы я тогда спросил об этом, то не провел бы этот день с Кейтлин.

— Хорошего дня, — сказала Дженис. — Тебе нужно в туалет на дорожку?

Кейтлин возмутила такая бестактность:

— Нет!

— Тогда ладно, — Дженис выпрямилась и посмотрела на меня. — До восьми часов, Скотт.

— До восьми, — пообещал я.

Мы тряслись в моем подержанном авто, аккуратно маневрируя в плотном субботнем потоке. Я обещал свозить Кейтлин в торгово-развлекательный центр, и ее уже захлестнула волна энтузиазма и нетерпеливого ожидания. Всю долгую дорогу она то тараторила без умолку, то утыкалась в обивку кресла с несчастным — «мы-еще-не-приехали?» — выражением лица.

Когда она умолкала, я обращался к своей совести — осторожно, словно брал в руки с виду спокойную, но ядовитую змею. Смотрел на себя

глазами Дженис и видел (снова и снова) мужчину, который увез жену и дочь в страну третьего мира; который довел их почти до нищеты; который заставил их погрузиться в пляжную культуру экспатриантов, несомненно, колоритную и увлекательную, но в то же время наркоманскую, опасную и безнадежно пустую.

Такое поведение можно назвать, мягко говоря, «беспечным». Есть и другие синонимы — «эгоистичное» и «безответственное».

Изменился ли я? Ну, возможно. Но я до сих пор был должен Хитчу Пэйли несколько тысяч долларов (хотя уже полгода у меня не было от него новостей, и я лелеял надежду, что никогда о нем больше не услышу) — а жизнь, в которой есть такие аксессуары, как Хитч Пэйли, по определению нестабильна.

Так или иначе, но рядом со мной была Кейтлин, невредимая, то и дело подпрыгивающая в кресле, как обезьянка капуцин на привязи. Когда-то я научил ее завязывать шнурки. Одной безоблачной ночью в Чумпхоне показал ей Южный Крест. Я был ее отцом, и она охотно терпела мое присутствие.

Три часа мы провели в торговом центре, ровно столько, чтобы она вымоталась. С некоторой

опаской она восхищенно смотрела на загримированных клоунов в легко меняющих форму костюмах разных персонажей. Она проглотила кучу всякой еды в кафешках, просмотрела два получасовых сеанса «Приключений с погружением», и по дороге домой заснула в кресле автомобиля.

Дома я включил свет и разогнал зимние сумерки. На ужин разогрел замороженную курицу и стручковую фасоль — еду работяг, но она так приятно пахнет в тесной кухоньке; пока ели, мы посмотрели загруженные фильмы. Кейтлин почти не разговаривала, нам было уютно.

Когда она поворачивала голову вправо, я видел ее глухое ушко сквозь пряди золотистых волос. Внешне оно не сильно пострадало, только сморщилось в том месте, где бактерии разъели плоть, и розовело шрамами.

В другом ухе она носила слуховой аппарат, словно крошечную полированную ракушку.

После ужина я помыл посуду, потом упросил Кейтлин подождать с мультиками и переключил на выпуск новостей.

Передавали новости из Бангкока.

– *То же самое*, — кисло сказала Кейтлин, выйдя из ванной, — хотел смотреть и мистер Леви.

Как вы уже догадались, это было первое разрушение города Хронолитами — по сути, первое предупреждение, что в Юго-Восточной Азии происходит нечто посерьезнее анекдотов из «Непонятнее самой науки».

Я сел рядом с Кейтлин, а она свернулась у меня под боком, пока я смотрел новости.

Кейт тут же заскучала. Дети в ее возрасте не видят картины целиком, для них одна запись события похожа на все остальные. И любопытство их жестоко. На нее произвели впечатление, даже ошарашили, снятые с вертолета кадры жилых кварталов вдоль реки — разрушенных и покрытых льдом, таявшим на солнце. Но таких кадров было немного, и новостные каналы гоняли их по кругу, сопровождая туманными оценками потерь и пустопорожними «интерпретациями». Пока комментаторы не желали признавать реальность, нагнетая страх и растерянность, она только хмурилась, а потом закрыла глаза, и вскоре ее спокойное дыхание перешло в тихое сопение.

«Мы были там, Кейт, мы с тобой там были», — думал я.

Разрушенный Бангкок с воздуха казался какой-то опечаткой на дорожной карте. Я узнал изгиб

Чаупхраи[7] и разрушенный Раттанакосин[8], старый Королевский город, где Клонг Лод[9] питал широкую реку. Пятно зелени могло быть парком Люмпини. Но на месте сети дорог зиял необъятный пустырь, заваленный кирпичом и арматурой, жестью, картоном и вздыбившимся от мороза асфальтом, покрытый сверкающим льдом и окутанный туманом. Ледяной панцирь не помешал возгоранию разрушенного газопровода, островки пламени маячили среди ледяных обломков. «Очень много людей погибло», — старательно подчеркивали комментаторы. Мешковатые предметы, усеивавшие улицы, почти наверняка были человеческими телами.

Единственное нетронутое сооружение, не считая далеких окраин, возвышалось в эпицентре катастрофы: это был сам Хронолит.

Он отличался от Хронолита из Чумпхона — был выше, величественнее, с более замысловатыми

---

[7] Примечания: 7

Река на полуострове Индокитай, протекает через столицу Таиланда.

[8] Примечания: 8

Искусственный остров, образованный рекой Чаупхрая и несколькими каналами, вырытыми еще в 1782 году по приказу короля Рамы I. С тайского это слово переводится как «высшая драгоценность», здесь расположен исторический центр Бангкока.

[9] Примечания: 9

Один из каналов в Бангкоке.

элементами, изящнее вылепленный. Но я сразу узнал полупрозрачное синее вещество, проглядывавшее сквозь изморозь, эту инертную, ни на что не похожую поверхность.

Памятник «прибыл» (со взрывом), как только в Бангкоке стемнело. Эти кадры были сделаны недавно, несколько свидетельств ночного хаоса и самые свежие, снятые утром. Со временем новостные каналы передавали все больше видов с воздуха. Можно было наблюдать новый Хронолит словно на смонтированном видео: вот он сбросил покров конденсата и замерзшей влаги, а затем преобразился из того, чем казался — чудовищно огромного, неуклюже громоздкого белого столпа, — в то, чем был на самом деле: стилизованную фигуру человека.

Больше всего она напоминала государственные памятники сталинской России. Или, может быть, Колосса Родосского, расставившего ноги по обе стороны гавани. Подобные конструкции пугают не своими жуткими размерами, а своей безжизненной стилизацией. Это было не изображение, а какая-то *схема* человека, даже в лице исхитрились передать некое типовое евроазиатское совершенство, невозможное в реальном мире. Корка льда облепляла глазные впадины и

расселины ноздрей. Несмотря на очевидную мужественность фигуры, она могла быть кем угодно. Как минимум тем, чья бесконечная уверенность в себе сочетается с абсолютной властью.

Куаном, я полагаю. Каким он хотел бы предстать перед нами.

Его тело перетекало в фундамент Хронолита. Основание памятника, должно быть, с четверть мили в диаметре, стояло посреди Чаупхраи, и там, где оно вошло в воду, образовалась корка льда. Крошащиеся на солнце и уплывающие вниз по течению тропические небольшие айсберги тыкались в полузатонувшие корпуса туристических катеров.

Дженис позвонила в десять, интересуясь, чем это мы с Кейт занимаемся. Я взглянул на часы и, стиснув зубы, извинился. Я рассказал, как мы провели день, и объяснил, что отвлекся на Хронолит в Бангкоке.

— А, эта штука, — ответила она, как будто для нее это была совсем не новость. А, может, для Дженис так оно и было: Хронолиты уже превратились для нее в обобщенный символ угрозы, внушающий ужас, но далекий. Мне показалось, она недовольна, что я поднял эту тему.

— Могу привезти Кейтлин сегодня, — сказал

я, — или оставить ее до утра, если тебе так удобно. Она заснула на диване.

— Дай ей подушку и одеяло, — велела Дженис, словно мне самому такая мысль в голову прийти не могла.

Я сделал кое-что получше: отнес Кейтлин в кровать, а на диване лег сам. И засиделся почти до рассвета перед телевизором, приглушив звук. Комментариев было не разобрать, но оно, пожалуй, и к лучшему. Осталась только картинка, которая становилась все труднее для понимания по мере того, как съемочные группы углублялись в каменные руины. К утру огромную голову Куана окружили облака, и дождь начал поливать горящий город.

Тем же летом (летом, когда Кейтлин научилась кататься на велосипеде, который я подарил ей на день рождения), третий Хронолит разорвал живое сердце Пхеньяна, и Азиатский кризис разыгрался не на шутку.

Глава четвертая

Прошло время.

Должен ли я извиниться за эти пропуски — год здесь, год там? В конце концов, история не линейна. Он бежит по мелководью, сужается, заболачивается, замедляется на плотинах. (А еще эти коварные подводные течения и скрытые водовороты.) И даже мемуары — это своего рода история.

Но полагаю, все зависит от того, для кого я пишу, а это и мне самому еще неясно. К кому я обращаюсь? К своему поколению, многие из которого уже умерли или умирают сейчас? К ближайшим потомкам, которые не переживали этих событий, но могли прочесть о них в школьных учебниках? Или к каким-то далеким поколениям мужчин и женщин, которые могут, дай Бог, чтобы этого не случилось, несколько подзабыть то, что произошло в этом веке?

Другими словами, что именно я должен объяснять и насколько подробно?

Об этом можно долго спорить. На самом деле здесь только двое.

Я. И вы. Кем бы вы ни были.

Почти пять лет прошло с того дня, когда мы с Кейтлин ходили в торговый центр, до того момента, когда Арни Кандерсон вызвал меня к себе в кабинет — что, возможно, стало еще одним важным поворотным пунктом моей жизни, если вы верите в линейность причинно-следственных связей и почтительность будущего к прошлому. Но доминирующий стиль того времени: вообрази это, если не можешь вспомнить.

Пять жарких летних сезонов, когда в новостях (между событиями, связанными с Куаном) главенствовала тема истощения водоносного горизонта Огаллала. Нью-Мексико и Техас практически утратили возможность орошать свои сухие поля. Огаллала — основной массив подземных вод, огромный, как озеро Гурон, реликт последнего ледникового периода, по-прежнему незаменимый для сельского хозяйства Небраски, части Вайоминга и Колорадо, Канзаса и Оклахомы, воду из которого продолжали безжалостно выкачивать насосы. Новости наполнились повторяющимися тревожными кадрами массового исхода фермеров: семьи в раздолбанных грузовиках, заполонившие автобаны, их угрюмые дети в кабинах, уткнувшиеся в игровые приставки, с наушниками в ушах и масками на лицах. Мужчины

и женщины, стоящие в очереди за работой в Лос-Анджелесе или Детройте, — обратная сторона нашей цветущей экономики. Ведь у большинства из нас работа была, и мы могли позволить себе такую роскошь как жалость.

Пять зим. Зимы в те годы были сухими и холодными. Те, кто был при деньгах, первое время носили адаптирующуюся к изменениям температуры одежду и, покидая фешенебельные торговые кварталы, выглядели как инопланетные захватчики в полиэстеровых спортивных костюмах и респираторах, пока остальные семенили по улицам в раздутых ветровках или жались ближе к крытым переходам между зданиями. Домашние роботы (автоматические пылесосы, газонокосилки — достаточно умные, чтобы не калечить местных ребятишек) стали обычным делом; выгульщик собак, разработанный фирмой «Сони», был отозван с рынка после нашумевшего ДТП с участием неисправного светофора и бандажа для ши-тцу. В те годы даже старики перестали называть свои развлекательные панели «телевизорами». Люкс Эбен объявила о своем уходе со сцены. Дважды. Клетус Кинг обошел действующего президента Мэрилин Лихи, открыв республиканцам дорогу в Белый дом, хотя демо-

краты продолжали контролировать Конгресс.

Популярные фразы тех дней, теперь совсем позабытые: «Отдайте мне мое», «Жестко, но приятно!», «Как свет в ящике».

Имена и места, которые казались нам важными: Доктор Дэн Лессер, Уилингское здание суда, Беккет и Гольдштейн, Кваме Финто.

События: вторая волна высадок на Луну; пандемия в Заире; европейский валютный кризис и штурм Гааги.

И, конечно, Куан, словно нарастающий бой барабанов.

Пхеньян, следом Хошимин и, в конце концов, Макао, Саппоро, равнина Канто, Ичан…

И вся первоначальная одержимость и восхищение Куаном: десять тысяч веб-сайтов с их эксцентричными и противоречивыми теориями, бесконечное бурление обезумивших газет, симпозиумы и доклады комиссий, экспертные оценки и запросы Конгресса. Молодой человек из Лос-Анджелеса, официально сменивший имя на «Куан», и его подражатели.

Куан, кем бы или чем бы он ни был, уже стал виновником гибели сотен тысяч людей, а возможно, и больше. По этой причине к его имени относились с максимальной серьезностью в высших

кругах. По той же причине он стал популярным персонажем у комиков и дизайнеров футболок. Надпись «Куанист» запрещали в некоторых школах, пока не вмешался Союз защиты гражданских свобод. Поскольку Куан символизировал лишь разрушение и завоевание, он стал скрижалью, на которой недовольные выцарапывали свои манифесты. В Северной Америке ко всему этому относились абсолютно несерьезно. В любом другом месте сейсмический гул звучал бы куда более зловеще.

Я внимательно следил за происходящим.

В течение двух лет я работал в научно-исследовательском подразделении «Кэмпион-Миллер» за пределами Сент-Пола и писал патчи для саморазвивающейся программы коммерческого взаимодействия. Потом меня перевели в центральный офис, где я присоединился к команде, делавшей ту же самую работу на гораздо более безопасном материале — собственном закрытом исходном коде Кэмпион-Миллер, живом сердце нашей основной продукции. Обычно я ездил в офис на машине, но в особенно холодные зимние дни перебирался в новую надземку, в эту алюминиевую полость, в которой жители пригородов перегревались и потели, а в воздухе смешивались

запахи тел и лосьона после бритья. Город бледным силуэтом проступал на запотевших окнах.

(В одну из таких поездок я заметил молодую женщину, сидевшую в машине, на ней была бейсболка с надписью „ДВАДЦАТЬ И ТРИ“ — двадцать лет и три месяца, символический промежуток между появлением Хронолита и предрекаемой им победой. Женщина читала потрепанный том «Непонятнее самой науки», изданный лет шестьдесят назад. Мне захотелось подойти и спросить, что заставило ее вооружиться этим тотемом, этим отголоском моего собственного прошлого, но не позволила застенчивость. Да и как сформулировать такой вопрос? Больше я ее никогда не видел.)

Иногда у меня случались романы. Больше года я встречался с девушкой из отдела контроля качества — Аннали Кинкейд, которая любила бирюзовый цвет и Новую драму и испытывала живой интерес к текущим событиям. Она таскала меня по лекциям и чтениям, которые я иначе проигнорировал бы. В конце концов, мы расстались, потому что у нее были серьезные и сложные политические убеждения, а у меня их не было; я оставался Куанонаблюдателем, иначе говоря, политическим агностиком.

Но по крайней мере однажды мне удалось произвести на нее впечатление. Она воспользовалась аккредитациями, полученными кем-то в «Кэмпион-Миллер», и ухитрилась провести нас на университетскую конференцию «Хронолит: научные и культурные аспекты». (На этот раз инициатива исходила от нас обоих. Ну, больше от меня. Аннали уже начала протестовать против фотографий Хронолитов, которыми я украсил свою спальню, и скачек со съемками монументов, захламивших компьютер.)

Большую часть того приятного субботнего вечера мы провели, слушая три доклада подряд, пока не настал момент, когда Аннали решила, что все эти разглагольствования слишком абстрактны на ее вкус. Однако когда мы сбегали через вестибюль, меня окликнула немолодая женщина в широких джинсах и мешковатом свитере горохового цвета, сверкнув в мою сторону огромными очками.

Ее звали Суламифь Чопра. Я знал ее по Корнеллскому университету. Карьера, связанная с исследованием Хронолитов, завела ее глубоко в дебри фундаментальной физики.

Я представил Сью Аннали.

Аннали была поражена:

— Госпожа Чопра, я знаю, кто вы. В смысле, в новостях постоянно упоминают ваше имя.

— Ну, я проделала кое-какую работу.

— Рада с вами познакомиться.

— Взаимно, — но Сью не сводила глаз с меня. — Странно встретить тебя здесь, Скотти.

— Разве?

— Неожиданно. Пожалуй, *это знак*. А может, и нет. Нам нужно как-нибудь наверстать упущенное.

Я был польщен. Мне очень хотелось с ней пообщаться. С некоторым пафосом я протянул ей свою визитную карточку.

— Не нужно, — сказала она. — Я смогу найти тебя, когда мне понадобится, Скотти. Не волнуйся.

— Сможете?

Но она уже скрылась в толпе.

— У тебя хорошие связи, — заметила Аннали по дороге домой.

Но это было не совсем так. (Сью не позвонила мне — как минимум в том году — и не отвечала на мои попытки связаться с ней.) Связи у меня, конечно, были, хотя и не самые лучшие, но и случайных людей в моей жизни не было. В том, что я встретил Сью Чопра, был какой-то знак, как и в той женщине из пригорода, которая ехала в

автомобиле. Но смысл его оставался непонятен, у пророчеств неразборчивый язык, сигнал тонет в шуме помех.

Вызов в кабинет Арни Кандерсона никогда не обещал ничего хорошего. Он был моим начальником с момента моего появления в «Кэмпион-Миллер», и что я точно знал об Арни: хорошие новости он приносит сам. А если вызывает в свой кабинет, то готовься к худшему.

Совсем недавно я уже видел Кандерсона в гневе, когда команда, которую я возглавлял, напортачила с заявочно-сортировочно-почтовым протоколом, что едва не стоило нам контракта с национальной сетью розничной торговли. Но стоило мне войти в кабинет, как я понял: на этот раз дело куда более серьезное. Когда Арни злился, он кричал и кипятился. Сегодня, что было еще хуже, он сидел за своим рабочим столом с таинственным видом человека, которому поручена безрадостная, но необходимая обязанность. Похороны, скажем. Он старался не встречаться со мной взглядом.

Я пододвинул стул и стал ждать. У нас были неформальные отношения. Мы друг к другу на барбекю ходили.

Он сложил руки и сказал:

— Непросто это сделать. Но я вынужден сказать тебе, Скотт, что «Кэмпион-Миллер» не продлит твой договор. Мы его аннулируем. Это официальное уведомление. Знаю, что тебя не предупреждали, и, Бог свидетель, мне чертовски жаль, что это свалилось на тебя. Ты имеешь право на полное выходное пособие и щедрую компенсацию за шесть месяцев, которые ты не отработал.

Я был не так уж и удивлен, чего, видимо, ожидал Арни. Азиатский экономический кризис сильно подрезал «Кэмпион-Миллер» на внешних рынках. В прошлом году фирму приобрела транснациональная корпорация, чье руководство уволило четверть сотрудников и распродало большинство дочерних предприятий «К-М» по цене их недвижимости.

И все-таки меня это несколько ошарашило.

Уровень безработицы рос. Проблемы с водой и развал азиатской экономики многих выкинул на биржу труда. Ниже по реке, в пяти кварталах отсюда, вырос палаточный городок. Я представил там себя и ответил:

— Ты сам скажешь об этом команде или хочешь, чтобы я это сделал?

Мои ребята работали над прогнозированием рынка программного обеспечения — одно из

самых прибыльных направлений компании. В частности, мы изучали подлинные и мнимые случайности в области анализа потребительского рынка и определения конкурентоспособной цены.

Предложите компьютеру выбрать два любых числа от одного до десяти, и машина будет выдавать цифры действительно в случайном порядке — может быть, 2 и 3; может быть, 1 и 9, и так далее. Дайте то же задание людям, выстройте ответы в график и получите кривую с сильным креном в сторону 3 и 7. Под словом «случайный» люди чаще понимают то, что можно назвать «неочевидным»: не с краю и не посередине, не часть ожидаемой последовательности (2, 4, 6) и так далее.

Иными словами, то, что вы называете хаотичным выбором, сильно отличается от реального положения вещей.

Можно ли использовать это отличие с выгодой для себя в крупных коммерческих приложениях — игре на бирже, маркетинге или скрытой рекламе?

Мы думали, что можно. И добились некоторого прогресса. Работа шла довольно успешно, поэтому было как минимум странно, что именно в этот

момент Арни сообщил мне эту новость.

Он откашлялся:

— Ты не понял. Команда остается.

— Прости?

— Это не мое решение, Скотт.

— Ты уже говорил. Ладно, ты не виноват. Но если проект продвигается…

— Не спрашивай у меня объяснений. Честно говоря, у меня их нет.

Тут до меня дошло:

— Пять лет. Мать твою, Арни! Пять лет!

— Никаких гарантий нет. Теперь уже нет. Ты знаешь об этом так же, как и я.

— Если бы я понимал, что случилось, стало бы легче.

Он заерзал в кресле.

— Я не вправе говорить об этом. Ты прекрасно работал, и если хочешь, дам любые письменные рекомендации.

— Намекаешь, что я нажил себе врага в руководстве?

Он почти кивнул:

— То, что мы здесь делаем, довольно жестко контролируется. Люди занервничали. Я не знаю точно, появился ли у тебя враг. Возможно, ты ошибся в выборе друзей.

Но это было маловероятно. У меня не так много друзей.

Конечно, были люди, с которыми я мог пообедать или покидать бейсбольный мяч. Но я никого не подпускал слишком близко. Так или иначе, но постепенное эмоциональное истощение превратило меня в парня, который много работает, дружелюбно улыбается и уходит домой, чтобы провести вечер перед видеопанелью с парой бутылок пива.

Что я и сделал в тот день, когда Арни Кандерсон меня уволил.

С момента моего заселения квартира мало изменилась (за исключением одной стены в спальне, которую я превратил в своеобразную доску объявлений — распечатки статей и фотографий с сайтов о Хронолитах плюс мои многочисленные заметки на эту тему). Если это место и становилось лучше, то это была заслуга Кейтлин. Кейт было уже десять, и она охотно критиковала мои вкусы. Вероятно, это позволяло ей чувствовать себя взрослой. Я заменил диван, потому что мне надоело выслушивать, какой он «несовременный» — любимая претензия Кейт.

В любом случае, старый диван исчез; его место заняла строгая синяя мягкая банкетка, которая

выглядела великолепно, пока вы не пытались устроиться на ней поудобнее.

В тот день я думал позвонить Дженис, но не решился. Она не одобряла спонтанные телефонные звонки и предпочитала разговаривать со мной по привычному и предсказуемому расписанию. А Кейтлин… ее тоже лучше было не грузить этим. Иначе она могла пуститься в рассказы о том, что делала сегодня вместе с Уитом, так она предпочитала называть отчима. По мнению Кейт, он был отличным парнем и все время ее веселил. «Может, мне поговорить с Уитом? — подумал я. — Может, он и *меня* развеселит?»

Так что в тот вечер я ничего не делал, только опорожнял пивные бутылки и щелкал пультом.

Даже на дешевых серверах было несколько естественнонаучных каналов. Один из них транслировал недавнее видео из Таиланда — съемки реально опасной экспедиции вверх по Чао Прайя к развалинам Бангкока, поддержанной Национальным географическим обществом и полудюжиной корпоративных спонсоров, чьи логотипы красовались в списках успешных стартапов.

Я отключил звук, пусть картинка говорит сама за себя. Начиная с 2021 года, лишь небольшая

часть центра Бангкока была восстановлена. Никто не хотел жить или работать слишком близко к Хронолиту — слухи о «болезнях, вызванных соседством» пугали людей, хотя и не было такого диагноза в официальной медицинской литературе. Тем не менее бандиты и революционные дружины были вполне реальны и вездесущи. Однако несмотря на все это вдоль всего берега Чао Прайя шла бойкая торговля, даже в тени Куана.

Передача началась с кадров полета над городом. Грубые, перекошенные причалы позволяли подобраться к наскоро сооруженным складам; рынок, запасы свежих фруктов и овощей; обломки, приведенные в порядок; улицы, расчищенные от завалов и открытые для торговли. С большой высоты это выглядело как история человеческой стойкости перед лицом катастрофы. Вид с земли был менее обнадеживающим.

Когда экспедиция приблизилась к центру города, Хронолит замелькал в каждом кадре: издалека — нависая над коричневой рекой; вблизи — вздымаясь в тропическое полуденное небо.

На вид монумент оставался чистым. Даже птицы и насекомые избегали его. Воздушная пыль скапливалась в немногочисленных трещинах на лице скульптуры, слегка смягчая отрешенный

взгляд Куана. Но в земле рядом с Хронолитом ничего не росло: стопроцентная стерильность. В том месте на берегу реки, где основание памятника уходило в землю, несколько лиан попытались зацепиться за огромный восьмиугольный фундамент, но остальная зеркально-гладкая поверхность оставалась нетронутой и неприступной.

Экспедиция встала на якорь посредине реки и высадилась на берег, чтобы отснять побольше материала. В одном из эпизодов над городом свирепствовал шторм. Дождевая вода ниспадала по Хронолиту миниатюрными каскадами, небольшими водопадами, поднимавшими ил со дна реки. Торговцы на причалах закрывали прилавки брезентом и листами пластика и прятались под ними.

Вот кадр с дикой обезьяной, которая лает в небо, забравшись на рухнувший рекламный щит компании «Эксон».

Облака расступаются вокруг огромной головы Куана.

Солнце проглядывает над зеленым горизонтом. Хронолит отбрасывает на город тень, словно стрелка огромных угрюмых солнечных часов.

Было еще много разного, но никаких новых открытий. Я выключил монитор и лег спать.

Мы — англоговорящая часть мира — к тому времени договорились о некоторых терминах для описания Хронолита. Например, Хронолит, *появился* или *прибыл*, хотя некоторые предпочитали говорить «спустился», будто речь шла о застывшем торнадо.

Самый последний из Хронолитов явился (прибыл, спустился) больше восемнадцати месяцев назад, сравняв с землей прибрежную часть Макао. За полгода до этого похожий монумент разрушил Тайбэ.

Оба камня отмечали, как обычно, военные победы, которые случатся лет через двадцать. Двадцать и три: для целой жизни маловато, но, вероятно, достаточно для того, чтобы Куан (если он существовал, если не был вымышленным символом или абстрактной идеей) собрал силы для своих предполагаемых азиатских завоеваний. Достаточно, чтобы юноша стал мужчиной средних лет. Достаточно, чтобы девушка стала молодой женщиной.

Но уже больше года нигде в мире не появилось ни одного Хронолита, и некоторые из нас предпочитали верить, что если кризис и не миновал, то касался он исключительно Азии — ограниченный географически и связанный с океанами.

Наше общество оставалось в стороне, дистанцировалось. Большая часть южного Китая погрузилась в состояние политического и военного хаоса, в ничейную землю, где Куан, возможно, уже собирал своих последователей. Передовица вчерашней газеты задавалась вопросом, не произойдет ли так, что в долгосрочной перспективе Куан окажется позитивной силой: в империи куанистов едва ли воцарится доброжелательная диктатура, но она сможет восстановить порядок в дестабилизированном регионе. В прошлом году жалкие остатки пекинских властей уже взорвали ядерную боеголовку, безуспешно пытаясь уничтожить так называемый Куан из Ичана. В результате прорвало плотину, и водный поток протащил радиоактивную грязь до самого Восточно-Китайского моря. И если ослабевший Пекин способен на такое, то может ли режим Куана быть хуже?

Я не знал, что думать по этому поводу. Все в те годы строили хорошую мину при плохой игре, даже те из нас, кто занимался Хронолитами, анализировал их (по числу, времени, размеру, предполагаемой победе и так далее), чтобы мы могли делать вид, будто что-то понимаем. Но я предпочитал в эти игры не играть. Хронолиты

омрачали мою жизнь с тех пор, как все у нас с Дженис пошло прахом. Они стали символом злых и непредсказуемых сил мира. Это были времена, когда я до колик их боялся, хотя никогда не признавался себе в этом.

Была ли это навязчивая идея? Аннали именно так и думала.

Я попытался уснуть. «Сон, который тихо сматывает нити с клубка забот»[10] и так далее. Сон, который убивает вынужденное безделье между полуночью и рассветом.

Но и тут я потерпел неудачу. За час до восхода солнца зазвонил телефон. Надо было дать серверу перехватить вызов, но я нащупал трубку и ответил, по привычке боясь, что звонок поздней ночью, как это бывает, означает, что с Кейт произошло несчастье.

— Алло?

— Скотт, — раздался низкий мужской голос, — Скотти.

В панике я решил было, что это Хитч Пэйли. Хитч, с которым мы не говорили с 2021 года. Хитч Пэйли, явившийся из прошлого, как злобный призрак.

---

[10] Примечания: 10
Цитата из трагедии У. Шекспира «Макбет».

Но это был не Хитч.

Это было другое привидение.

Я прислушивался к тяжелому дыханию, похожему на хрипы высохших мехов.

— Папа?

— Скотти… — произнес он, как будто ничего больше не мог сказать.

— Папа, ты выпил? — я был достаточно вежлив, чтобы не добавить «опять».

— Нет, — ответил он сердито. — Нет, я… А ладно, хрен с ним. Это что-то вроде… что-то вроде лечения… Ладно, знаешь, хрен с ним.

И он отключился.

Я вылез из кровати.

Я смотрел, как солнце вставало над сельскохозяйственными кооперативами на востоке, великая корпорация коллективных ферм — наш бастион против голода. Снежная пыль легла на поля, сверкая белизной между пустыми грядами.

Позже я подъехал к квартире Аннали и постучал в дверь.

Мы не были вместе уже больше года, но, встречаясь в комнате отдыха или столовой, все еще вели себя по-дружески. Она проявляла ко мне несколько материнскую заботу в те дни — расспрашивала о здоровье, как будто рано или

поздно ожидала услышать что-то ужасное. (Возможно, этот день и настал, хотя я все еще был здоров как бык.)

Но, открывая мне дверь, она выглядела ошарашенной. Ошарашенной и явно смущенной.

Знала, что меня уволили. А может, знала намного больше.

Я и пришел сюда в последней надежде, что она поможет разобраться в том, что случилось.

— Скотти, — сказала она, — Надо было сначала позвонить.

— Ты занята?

Она не выглядела занятой. На ней были домашние брюки и застиранная желтая рубашка. Наверное, убиралась на кухне.

— Мне уходить через пару минут. Пригласила бы тебя войти, но мне нужно переодеться. Что ты здесь делаешь?

Я понял, что она на самом деле *боится* меня… или боится, что ее увидят рядом со мной.

— Скотт? — она осмотрела коридор. — У тебя неприятности?

— Почему у меня должны быть неприятности, Аннали?

— Ну, я слышала, что тебя уволили.

— И давно?

— Ты о чем?

— Давно ты знала, что меня собираются уволить?

— Думаешь, все об этом знали? Нет, Скотт. Боже, это было бы отвратительно. Нет. Конечно, ходили слухи…

— Что еще за слухи?

Она нахмурилась и прикусила губу. Новая привычка.

— Из-за той работы, которую делает «Кэмпион-Миллер», им не нужны неприятности с *правительством*.

— А каким боком это связано со мной?

— Знаешь, вот кричать не нужно.

— Аннали… проблемы с *правительством*?

— Я слышала, что какие-то люди спрашивали о тебе. Какие-то люди из правительства.

— Полиция?

— Нет… У тебя проблемы с полицией? Нет, просто люди в костюмах. Может, Налоговое управление, я не знаю.

— Чепуха какая-то.

— Просто люди болтают, Скотт. Может, все это ерунда. Честно, я не знаю, почему тебя уволили. Это все «К-М», их работа зависит от сохранения всех их лицензий. Все эти технические матери-

алы, которые они отправляют за границу. Если кто-то приходит и начинает задавать вопросы о тебе, это ставит под угрозу всех.

— Аннали, я не представляю никакой опасности.

— Знаю, Скотт.

Ничего такого она не знала и старалась не встречаться со мной взглядом.

— Честно говоря, я уверена, что это все ерунда. Но мне действительно надо переодеться, — она начала закрывать дверь. — В следующий раз звони мне заранее, ради Бога!

Она жила на втором этаже трехэтажного кирпичного дома в старой части Эдина. Квартира двести три. Некоторое время я тупо смотрел на номер, висящий на двери. Двадцать и три.

Я никогда больше не видел Аннали Кинкейд. Иногда задаюсь вопросом, как протекала ее жизнь… Как она прожила эти долгие трудные годы.

Я не признался Дженис, что потерял работу. Не то чтобы я все еще пытался что-то ей доказать. Разве что себе. И почти наверняка Кейтлин.

Кейт не особенно заботило, чем я зарабатываю на жизнь. В свои десять лет она воспринимала взрослые дела, как нечто непонятное и неин-

тересное. Знала только, что я «хожу на работу» и зарабатываю достаточно, чтобы считать меня если и не богатым, то уважаемым членом мира взрослых. И это было прекрасно. Мне нравилось время от времени видеть свое отражение в глазах Кейт: надежный, предсказуемый, даже скучноватый.

Но не разочаровывающий.

И, само собой, не опасный.

Я не хотел, чтобы Кейт, или Дженис, или даже Уит знали об увольнении… По крайней мере не раньше, чем у меня появится что добавить к этой истории. Если не счастливый финал, то хотя бы вторую главу, продолжение-следует…

Продолжение последовало в форме очередного телефонного звонка.

Счастливым финалом и не пахло. Во всяком случае, не финалом. Да и уж точно не счастливым.

Дженис и Уит пригласили меня на ужин. Они делали это раз в три месяца, словно жертвуя на благотворительность.

Дженис больше не была матерью-одиночкой в съемной квартире. Она избавилась от этого клейма, когда вышла замуж за своего начальника в биохимической лаборатории — Уитмена Делаханта. Уит был амбициозным парнем, на-

деленным большим управленческим талантом. Фирма «Клэрион Фармасьютикал» процветала, несмотря на Азиатский кризис, и занималась поставками на западные рынки, внезапно лишившиеся дешевого китайского и тайваньского импорта (Уит иногда называл Хронолиты «маленькой Господней пошлиной», отчего Дженис смущенно улыбалась). Не думаю, что я особенно нравился Уиту, но он принимал меня, словно дальнего родственника, связанного с Кейтлин неприятной и неупоминаемой случайностью отцовства.

Справедливости ради добавлю: он старался, чтобы я чувствовал себя желанным гостем, по крайней мере, в тот вечер. Уит распахнул дверь своего двухэтажного дома, подставляя себя теплому желтому свету, и ухмыльнулся. Он был одним из тех больших рыхлых мужчин, похожих на плюшевых медведей и таких же волосатых. Не красавец, но из тех, кого женщины называют милыми. Он был на десять лет старше Дженис. Лысеющий, но переносящий это спокойно. Его улыбка была пусть и ненастоящей, но широкой, а зубы ослепительно блестели. У Уита почти наверняка был самый лучший стоматолог, самый лучший проктолог и лучшая машина в квартале.

Я спрашивал себя: легко ли давались Дженис и Кейтлин роли лучшей жены и лучшей дочери?

— Входи, Скотт! — воскликнул он. — Снимай ботинки, садись к огню.

Мы ужинали в просторной столовой, где витражные окна от лучших мастеров позвякивали в своих рамах. Кейт немного рассказала о школе (у нее в этом году были проблемы, особенно с математикой). Уит с большим энтузиазмом говорил о своей работе. Дженис по-прежнему работала в «Клэрион» над довольно простым синтезом белка и не распространялась об этом вовсе. Она, казалось, сдерживала себя, чтобы дать Уиту возможность похвастаться.

Кейт первой извинилась и понеслась в соседнюю комнату, где, перебивая ветер, бубнил телевизор. Уит достал графинчик бренди. Он разливал напиток неуклюже, словно уроженец Запада, подражающий японской чайной церемонии. Уит не был любителем выпить.

— Боюсь, я всех заболтал, — произнес он, — А ты-то как, Скотт? Как жизнь?

— «Фортуна одаряет не по книгам»[11].

— Скотт опять цитирует стихи, — пояснила

---

[11] Примечания: 11
Цитата из песни австралийской группы Dead Can Dance.

Дженис.

— Я хотел сказать, что мне предложили работу.

— Ты хочешь уйти из «Кэмпион-Миллер»?

— Мы с «Кэмпион-Миллер» расстались две недели назад.

— О! Смелый шаг, Скотт.

— Спасибо, Уит, но в тот момент я так не думал.

Дженис, лучше понимавшая ситуацию, спросила:

— Так где же ты теперь?

— Ну, это еще не точно, но… ты помнишь Сью Чопра?

Дженис нахмурилась. Затем ее глаза расширились.

— Да! Корнелл, верно? Младший профессор. Она в первый год читала у нас какой-то странный курс.

Мы с Дженис познакомились в университете. Когда я впервые ее увидел, она шла по химической лаборатории с колбой алюмогидрида лития в руке. Если ба она ее уронила, могла бы убить нас обоих. Первое правило стабильных отношений: не бросайте чертову бутылку.

Именно Дженис и познакомила меня с Сулами-

фью Чопра, до нелепого высокой и коренастой аспиранткой, зарабатывавшей себе репутацию на факультете физики. Сью всучили (вероятно, в наказание за научную самоуверенность) второкурсников междисциплинарного факультета, давая возможность студентам с кафедры английского получить баллы по точным наукам, а студентам-технарям — баллы по английскому. По этому случаю она извернулась и написала такой страшный учебный план, что отпугнула всех, кроме нескольких наивных чудиков и смущенных заучек-компьютерщиков. И меня. Приятным сюрпризом стало то, что валить на экзаменах Сью никого не собиралась. Она дала такое описание курса, чтобы отпугнуть выскочек. Все, что ей нужно было от остальных, — это интересное общение.

В результате семинар «Метафора и моделирование реальности в литературе и физике» стал своего рода еженедельным салоном, а для проходного балла нужно было только продемонстрировать знание ее конспектов и не дать ей заскучать от наших рассуждений. А чтобы совсем не запариваться, достаточно было спросить о ее любимых темах исследований (геометрия Калаби-Яу, скажем, или разница между изна-

чальными и контекстными силами); она могла проговорить минут двадцать и оценить вас за умение правдоподобно изображать глубокий интерес.

Но Сью весело преподносила всю эту ерунду, поэтому ее лекции превращались в долгие посиделки. И к концу семестра я перестал видеть в ней пучеглазую плохо одетую чудачку шесть футов ростом, а начал воспринимать ее как забавную, жутко умную женщину, которой она и была.

— Сью Чопра предложила мне работу, — сказал я.

Дженис обернулась к Уиту:

— Это профессор Корнеллского университета. Кажется, я недавно видела ее имя в газете?

Может быть, но это была скользкая тема.

— Она входит в исследовательскую группу, которую финансирует правительство. У нее достаточно влияния, чтобы нанимать помощников.

— И она связалась с *тобой*?

— Звучит не очень вежливо, — заметил Уит.

— Все в порядке, Уит, Дженис имела в виду: что такому серьезному ученому, как Суламифь Чопра, может понадобиться от такой мелкой сошки, как я? Логичный вопрос.

— И ответ…

— Думаю, она ищет еще одного программиста.

— Ты говорил ей, что тебе нужна работа?

— Ну, понимаешь… Мы иногда общаемся.

(«Я найду тебя, когда понадобится, Скотти. Не волнуйся».)

— Ага, — хмыкнула Дженис, как обычно делала, давая мне понять: она знает, что я лгу. Но на этом расспросы кончились.

— Это здорово, Скотт, — сказал Уит. — Сейчас не то время, чтобы сидеть без работы. Так что это здорово.

До конца ужина мы больше не говорили на эту тему, потом Уит извинился и вышел. Дженис подождала, пока его шаги не затихнут.

— Ты о чем-то недоговариваешь?

Да, кое о чем. Но об одном я решил сообщить.

— Это работа в Балтиморе.

— В Балтиморе?

— В Балтиморе. Штат Мэриленд.

— То есть, ты поедешь через всю страну?

— Если получу работу. Это еще не точно.

— Но ты ничего не сказал Кейтлин.

— Да, не сказал. Хотел сначала поговорить с тобой.

— Ага. Ну, я не знаю, что сказать. В смысле, это

все очень неожиданно. Проблема в том, как воспримет это Кейтлин. Не могу даже представить. Не обижайся, но она уже не говорит о тебе так часто, как бывало раньше.

— Я не исчезну из ее жизни. Мы сможем ездить друг к другу в гости.

— Приезжать в гости — это не значит заниматься воспитанием, Скотт. Гости… Это *дядя* может приезжать в гости. Ну, я не знаю. Может, это и к лучшему. Они с Уитом очень хорошо ладят.

— Даже если меня не будет в городе, я все еще ее отец.

— Ровно настолько, насколько ты всегда им был.

— Ты злишься.

— Нет. Даже интересно, с чего бы мне?

Затем вернулся Уит, мы еще немного поболтали, но ветер усиливался, снег свирепо бил в окна, и Дженис забеспокоилась о том, что творится на улице. Поэтому я попрощался с Уитом и Дженис и дожидался Кейт у дверей, чтобы, как обычно, обнять ее перед уходом. Она вошла в холл, но остановилась в нескольких шагах от меня. Ее глаза сверкали, а нижняя губа дрожала.

— Кейти, птичка, — сказал я.

— Пожалуйста, не называй меня так. Я не ре-

бенок.

Тут я догадался.

— Ты все слышала.

Ослабленный слух не мешал ей подслушивать. Пожалуй, она стала даже еще более скрытной и любопытной.

— Ну, — ответила она, — это не важно. Ты уезжаешь. Все нормально.

Можно было много чего сказать, но меня хватило только на это:

— Нельзя подслушивать чужие разговоры, Кейтлин.

— Не указывай мне, что делать, — бросила она, развернулась и убежала в свою комнату.

Глава пятая

Дженис позвонила накануне моего отъезда на собеседование к Сью Чопра в Балтимор. Я удивился, услышав ее голос, она редко общалась со мной вне оговоренного графика.

— У нас ничего не случилось, — сразу сказала Дженис. — Я просто хотела… ну, знаешь, пожелать тебе удачи.

Удачи, которая будет держать меня подальше? Но это было мелочно, и я просто ответил:

— Спасибо.

— Серьезно. Я думала об этом. И хотела, чтобы ты знал: да, Кейтлин тяжело все это принять. Но она справится. Если бы ей было все равно, она бы так не расстроилась.

— Что ж, спасибо за такие слова.

— Это еще не все, — она помедлила. — Скотт, мы ведь облажались, да? Тогда, в Таиланде. Все было так непонятно. Так странно.

— Я уже просил прощения за это.

— Я звоню не ради извинений. Ты вообще слышишь, что я говорю? Может, в этом есть и моя вина.

— Давай не будем играть в кто-больше-виноват,

Дженис. Но я признателен тебе за этот разговор.

Пока мы говорили, я все время осматривал свою квартиру. Она казалась опустевшей. Окна за старыми жалюзи белели ото льда.

— Хочу сказать, что я понимаю, как ты стараешься. Не ради меня. Я — пройденный этап, правда? Но ради Кейтлин.

Я промолчал.

— Все те годы, что ты работал в «Кэмпион-Миллер»... Знаешь, когда ты вернулся из Таиланда, я очень переживала. Не знала, не собираешься ли ты объявиться у меня, не станешь ли преследовать, нужно ли Кейтлин даже видеться с тобой. Но должна признать, все, что должен делать отец после развода, у тебя прекрасно получалось. Ты так помогал Кейт справляться с ее проблемой, словно нес ее через минное поле, принимая все удары на себя.

Уже много лет у нас не было таких доверительных разговоров, и я не очень понимал, как на это реагировать.

Она продолжала:

— Казалось, ты что-то самому себе доказывал, доказывал, что можешь достойно вести себя, брать на себя ответственность.

— Не доказывал, — поправил я. — А делал.

— Делал, но и наказывал себя. Обвинял себя. А это и есть ответственность. Но в какой-то момент, Скотт, самонаказание становится проблемой. Только монахи постоянно себя терзают.

— Я не монах, Дженис.

— Вот и не веди себя, как монах. Если работа тебе нравится, соглашайся. *Соглашайся*, Скотт. Кейт не перестанет любить тебя только потому, что вы не сможете видеться каждую неделю. Сейчас она расстроена, но потом она все поймет.

А еще Дженис говорила долго. До сих пор это была лучшая попытка Дженис забыть прежние обиды, оценить, как сильно я себя виню за ту катастрофу, которая произошла в нашей жизни.

И это было прекрасно. Это было великодушно. Но я расслышал в ее речи хлопок закрывшейся двери. Дженис разрешала мне отправиться на поски лучшей жизни, поскольку любой намек на то, что мы сумеем восстановить прежние отношения, стал совершенно неуместным.

Что ж, мы оба это понимали. Но то, с чем согласен умом, не всегда принимает сердце.

— Мне пора прощаться, Скотти, — ее голос слегка дрогнул.

— Хорошо, Дженис. Передавай Уиту мои наилучшие пожелания.

— Позвони, когда найдешь работу.

— Ладно.

— Кейт нужно, чтобы вы общались, что бы она себе ни думала. Такое время, знаешь ли, мир стал таким… каким стал.

— Я понимаю.

— И будь осторожен по пути в аэропорт. Дороги скользкие после снегопада.

Я приземлился в Балтиморе, ожидая, что за мной пришлют водителя с моим именем на табличке, но меня встретила сама Суламифь Чопра.

Даже после стольких лет ее невозможно было ни с кем перепутать. Она была выше всех в толпе. И голова у нее была необычной — она напоминала нескладный арахис, увенчанный черной бахромой. Она носила огромные, как воздушный шар, безразмерные штаны цвета хаки и блузку, которая, возможно, когда-то была белой, но, видимо, выдержала немало сражений с линяющими вещами в прачечной. Она словно только что вышла из комиссионного магазина Армии спасения, и я даже задавался вопросом, была ли она вообще в состоянии предложить кому-то работу… Но потом я подумал об *исследованиях* и *науке*.

Она усмехнулась. Я тоже слегка улыбнулся. Протянул ей руку, но Сью ее проигнорировала.

Она сгребла меня в охапку и по-медвежьи обняла, отпустив за долю секунды до того, как затрещали ребра.

— Тот же старина Скотти, — сказала она.

— Та же старушка Сью, — не остался я в долгу.

— У меня тут машина. Ты уже обедал?

— Я еще не завтракал.

— Тогда угощаю.

Две недели назад ее звонок вырвал меня из смутного дневного сна. И первые ее слова были: «Скотти? Слышала, ты потерял работу».

Заметьте, эта была женщина, с которой мы не разговаривали с той случайной встречи в Миннеаполисе. Женщина, которая ни разу мне не перезвонила. Несколько секунд растерянности — и ко мне вернулся дар речи.

— Прости, что до сих пор не связалась с тобой, — продолжала она. — На то были причины. Но я следила за тобой.

— Вы *следили* за мной?

— Это долгая история.

Я ожидал, что она расскажет. Но вместо этого Сью какое-то время вспоминала Корнеллский и перечисляла главные вехи своей карьеры — ее исследования Хронолитов чрезвычайно меня заинтересовали. И увели разговор в сторону, на

что, уверен, Сью и рассчитывала.

Едва ли я был способен следовать за всеми научными подробностями, которыми изобиловал ее рассказ: пространства Калаби-Яу, нечто, названое ею «тау-турбулентность».

Наконец я спросил ее:

— Да, я потерял работу, а как вы об этом узнали?

— Ну, именно поэтому я и звоню. Я тоже несу за это ответственность.

Мне вспомнились слова Арни Кандерсона о «врагах в руководстве». И то, что Аннали рассказывала о «людях в костюмах».

Я произнес:

— Что бы вы ни собирались сказать, говорите.

— Хорошо, но наберись терпения. Надеюсь, тебе никуда не нужно отлучиться? Природа не гонит в туалет?

— Я буду держать вас в курсе.

— Хорошо. Что ж. С чего начать? Ты когда-нибудь замечал, Скотти, как трудно разобраться в причинах и следствиях? Все так запутано.

Сью опубликовала ряд статей на тему необычных форм материи и преобразований Калаби-Яу («Безбарионная материя, и как развязать узлы в последовательности») к тому времени, как в

Чумпхоне появился первый Хронолит. Многие из ее работ касались вопросов темпоральной симметрии — идея, которою она, казалось, решила объяснять мне до тех пор, пока я ее не прерву. После Чумпхона, когда Конгресс начал серьезно относиться к потенциальной угрозе, ее пригласили подключиться к исследованиям Хронолитов, которые спонсировались несколькими секретными агентствами и финансировались из федерального бюджета. Работа, сказали ей, будет внештатной, касающейся фундаментальных исследований; она подразумевает сотрудничество с Корнеллским университетом и многими авторитетными коллегами, и эффектно украсит ее *curriculum vitae*[12].

— Как в Лос-Аламосе, понимаешь, — описала она, — но поспокойнее.

— Поспокойнее?

— По крайней мере, на первых порах. В общем, я согласилась. Прошла пара месяцев, когда я наткнулась на твое имя. Тогда все еще было достаточно открыто. Я видела все их дерьмовые секреты. У них имелся полный список очевидцев,

---

[12] Примечания: 12

Описание жизни и профессиональных навыков, содержит подробную информацию о кандидате и может занимать с десяток страниц формата А4.

людей, которых допрашивали в Таиланде…

— А-а…

— И, конечно, там было и твое имя. Мы подумывали привлечь кого-то из этих людей, кого смогли бы найти, взять анализ крови и так далее, но решили, что не стоит, — слишком много работы, слишком похоже на агрессию, и скорее всего не даст заметных результатов. Плюс проблемы с их гражданскими правами. Но я помнила, что видела в списке твое имя. Я знала, что это точно ты, так как у них была практически вся твоя биография, включая Корнеллский и гипертекстовые ссылки на *меня*.

И снова я подумал о Хитче Пэйли. Его имя тоже там было. Возможно, они с тех пор повнимательнее присмотрелись к его деловой активности. Может, Хитч уже в тюрьме. Может, поэтому в тот день у почтовой конторы Изи не было слежки, а о Пэйли я с тех пор не слышал ни звука.

Но, конечно, ничего этого я Сью не сказал.

Она продолжала:

— Ну, я мысленно поставила галочку и отложила в сторону, по крайней мере до недавнего времени. Ты должен понимать, Скотти, что углубление этого кризиса превратило почти всех в параноиков. Может, оно и правильно. Тем более

после Ичана — тогда все просто с ума посходили. Знаешь, сколько людей погибло только из-за наводнения? Не говоря уже о том, что с начала века это был первый ядерный взрыв, произведенный во время чего-то-вроде-войны.

Она могла бы мне и не рассказывать. Я следил за ситуацией. Я даже не удивился, насколько глубоко АНБ, ЦРУ или ФБР вовлечены в исследования Сью. Хронолиты стали, по сути, проблемой национальной безопасности. Всем приходил в голову — хоть об этом и редко говорили — только один образ: Хронолиты на американской земле. Куан, нависающий над Хьюстоном, Нью-Йорком или Вашингтоном.

— Так что, когда я снова увидела твое имя… ну, это был уже другой список. ФБР опять разыскивало свидетелей. Я имею в виду, они, вроде как, приглядывали за тобой вполглаза. Не то чтобы *следили*, но если бы ты уехал из страны или что-то в этом роде, это отметили бы и занесли в твое досье.

— Боже, Сью!

— Но все это было безвредное рукоблудие. До недавнего времени. Твоя работа в «Кэмпион-Миллер» попала в их поле зрения.

— Я пишу софт для бизнеса. Не понимаю…

— Не скромничай, Скотти. У тебя было несколько довольно щекотливых разработок, касающихся маркетинговой эвристики и совокупного ожидания. Я просмотрела твой код…

— Вы видели исходный код «Кэмпион-Миллер»?

— «Кэмпион-Миллер» предпочел поделиться им с властями.

У меня начала складываться общая картина. Визиты и расспросы ФБР могли запросто встревожить руководство, особенно если под пристальным вниманием оказался исходный код. И это объясняло как странную несговорчивость Арни Кандерсона, так и атмосферу «не спрашивай — не говори», которая окружала мое увольнение.

— Вы хотите сказать, что это вы заставили их меня уволить?

— Никто такой цели не ставил. Хотя случилось все очень кстати.

«*Кстати*» — последнее слово, которое я бы использовал.

— Смотри, Скотти, как все срослось. Ты находился на месте прибытия первого Хронолита, что оставило след во всей твоей жизни. Теперь, спустя пять лет, оказалось, что ты разрабатыва-

ешь алгоритмы, которые имеют самое прямое отношение к исследованиям, которыми мы здесь занимаемся.

— Неужели?

— Поверь мне. Это украсило твое досье. Я замолвила словечко, чтобы они не висели у тебя на хвосте, но не буду скрывать от тебя: очень влиятельные люди слишком перевозбудились. Это не просто Ичан, это экономика, беспорядки, все эти проблемы на последних выборах… уровень нервозности неописуемый. Так что, когда я услышала о твоем увольнении, мне пришла гениальная идея переманить тебя сюда.

— В качестве кого? Заключенного?

— Вряд ли. Я серьезно отношусь к твоей работе, Скотти. С точки зрения экономичности код просто прекрасен. И очень, очень актуален. Возможно, он таким не кажется, но многое из того, что попадалось мне на глаза в последнее время, касается моделирования эффекта ожидания в поведении толпы. Применение обратной связи и теории рекурсии в области как физических явлений, так и человеческого поведения.

— Я рядовой программист, Сью. Я выстраиваю алгоритмы, на понимание которых не претендую.

— Не скромничай. Это ключевая работа. И, откровенно говоря, было бы гораздо лучше, если бы ты делал ее для нас.

— Не пойму: вас интересует моя работа или тот факт, что я был в Чумпхоне?

— И то, и другое. Подозреваю, что это не случайное совпадение.

— Но так и есть.

— Да, в *общепринятом* смысле, но… Ох, Скотти, обсуждать такое по телефону — это слишком. Нам нужно увидеться.

— Сью…

— Хочешь сказать, что у тебя ощущение, будто я сунула твою голову в блендер. Хочешь сказать, что не можешь принять такое решение, пока стоишь в пижаме, дуешь пиво из бутылки и жалеешь себя.

На мне были джинсы и толстовка. В остальном она попала в яблочко.

— Ну и *не решай*, — сказала она. — Но обязательно приезжай повидаться. Прилетай в Балтимор. За мой счет. Тогда и поговорим. Я все устрою.

Что всегда отличало Суламифь Чопра: если она обещала сделать, то делала.

Кризис ударил по Балтимору сильнее, чем по Миннеаполису/Сент-Полу. В первые годы на

заре столетия с городом все было в порядке, но со временем центр утратил блеск процветания, длившегося так недолго, замаячил пустыми витринами, потрескавшимися плазменными панелями, некогда кричащими рекламными щитами, выцветшими от солнца и непогоды.

Сью припарковалась позади небольшого мексиканского ресторана и проводила меня внутрь. Персонал узнал ее и приветствовал по имени. Наша официантка была одета как миссионерка семнадцатого века, но перечисляла специальные блюда дня с четким акцентом уроженки Новой Англии. Она улыбнулась Сью, как скромный фермер может улыбнуться щедрому лендлорду, и я сделал вывод, что Сью не скупится на чаевые.

Мы немного поболтали обо всем понемножку: о текущих событиях, пересыхании Огаллала, суде над Пембертоном. Сью пыталась восстановить наши былые отношения, ту родственную близость, которую она устанавливала со всеми своими студентами в Корнелле. Ей никогда не нравилось, если в ней видели начальство. Она никому не уступала и ненавидела уступать. Сью была довольно старомодной в своем представлении об ученых, воображая их равными истцами на абсолютном суде истины.

После Корнелла, по ее словам, изучение Хронолитов отнимало у нее все больше и больше времени; по сути к ним свелась вся ее карьера. Все это время она публиковала серьезные теоретические работы, которые обязательно проверяло Агентство национальной безопасности.

— И что самое главное, ту работу, которую мы проделали, мы никак не можем обнародовать, так как существует риск, что этим мы сами вложим Куану оружие в руки.

— То есть вы знаете больше, чем можете сказать.

— Да, мы знаем много… Но все равно *недостаточно*.

Официантка принесла рис и бобы. Сью, нахмурившись, принялась за обед.

— Я и о тебе много знаю, Скотти. Ты развелся с Дженис, или, наоборот, она с тобой. Твоя дочь сейчас живет с матерью. Дженис снова вышла замуж. Пять лет ты занимался хорошей, но узко специальной работой в «Кэмпион-Миллер», и это позор, потому что ты — один из самых умных людей, которых я знаю. Не такой умный, как гений-в-инвалидном-кресле, но очень смышленый. Ты мог добиться большего.

— Именно это обычно и писали на моих отче-

тах: можно было добиться большего. — Ты уже не переживаешь из-за расставания с Дженис? Сью задавала личные вопросы с бесцеремонностью чиновника по переписи населения. Думаю, ей даже в голову не приходило, что она может кого-то обидеть. Поэтому я не обижался.

— В общем, да, — сказал я.

— А девочка? Кейтлин, да? Боже, я помню Дженис беременной. Этот ее огромный живот. Как она пыталась угнать «Фольксваген».

— У нас с Кейт все в порядке.

— Ты все еще любишь свою дочь?

— Да, Сью, я все еще люблю свою дочь.

— Конечно, любишь. Как это похоже на тебя, — она, казалось, была искренне рада.

— Ну, а что у вас? Что нового?

— Ну, — протянула она. — Я живу одна. Кое с кем встречаюсь время от времени, но это не *отношения*, — Сью опустила глаза и добавила: — Она поэт. Из тех поэтов, которые днем стоят за кассой. Я не могу заставить себя сказать ей, что ФБР уже покопалось в ее прошлом. Она придет в бешенство. В любом случае, она встречается не только со мной. Мы не моногамные. Полиаморные. Чаще всего, каждый сам по себе.

Я поднял стакан.

— За странное время.

— За странное время. *Залпом*. Кстати, слышала, ты не разговариваешь со своим отцом.

Я чуть не подавился.

— Видела записи ваших телефонных разговоров, — пояснила она. — Он звонит, но беседы длятся не больше тридцати секунд.

— Это вроде состязания, — ответил я. — Кто первым бросит трубку. Но, черт возьми, Сью, это *личные* звонки.

— Он болен, Скотти.

— И вы мне об этом говорите?

— Да нет, в общем. Об эмфиземе ты знаешь, я думаю. А еще он был у онколога. Рак печени, неизлечимый, с метастазами.

Я положил вилку.

— О, Скотти, — сказала она. — Мне жаль.

— Вы понимаете, что я вас совсем не знаю?

— Конечно, знаешь.

— Знал когда-то давно. И не очень хорошо. Я знал младшего профессора, а не женщину, которая устраивает мое увольнение и прослушивает мой чертов телефон.

— Частной жизни больше не существует, увы.

— Так он что, умирает?

— Скорее всего, — она опустила голову, когда

поняла, что сказала. — О Боже, прости меня, Скотт. Я сначала говорю, а потом думаю. У меня что-то вроде аутизма на пограничном уровне.

Этого я точно о ней не знал. Наверняка у этого отклонения было название и свое место на генетической карте. Так вот почему Сью так плохо понимала и предугадывала чувства других людей. Вот почему она любила поболтать, по крайней мере в те дни.

— Не мое это дело, — сказала она. — Ты прав.

— Мне не нужна суррогатная мама. Я даже не уверен, что мне нужна эта работа.

— Скотти, не я начала записывать твои звонки. Берешься ты за эту работу или нет, но твой отказ не вернет тебе нормальную жизнь. Хотел ты того или нет, но ты отказался от нее в Чумпхоне.

А я думал о том, что *мой отец умирает*.

И задавался вопросом, волнует ли это меня.

В машине Сью продолжала извиняться:

— Разве я не права, считая, что у нас обоих нет другого выхода? Что Хронолиты настолько изменили нашу с тобой жизнь, что мы больше ее не контролируем? Но я пытаюсь найти оптимальный выход, Скотти. Ты нужен мне здесь, и я думаю, эта работа будет интереснее той, которой ты занимался в «Кэмпион-Миллер».

Она поехала на желтый свет, проморгав предупреждение, которое зажглось на индикаторе.

— Неужели я ошибаюсь и тебе неинтересно поучаствовать в нашем проекте?

Она не ошибалась, но я ничего не сказал, не дав ей повода для радости.

— И знаешь… — Она что, покраснела? — Честно говоря, мне нравится твоя компания.

— Да у вас миллион компаний.

— Это коллеги, а не друзья. Ни одного настоящего. К тому же, ты *прекрасно понимаешь*, что это неплохое предложение. Для того мира, в котором мы живем, — и почти застенчиво она добавила: — И ты сможешь путешествовать. Посетить другие страны. Своими глазами увидеть чудеса.

Непонятнее самой науки.

Глава шестая

В лучших традициях Федеральной службы занятости я ждал три недели, прежде чем что-то начало происходить. Наниматели Суламифь Чопра поселили меня в номере мотеля и оставили в одиночестве. Мои звонки Сью перенаправлялись чиновнику по имени Моррис Торранс, который советовал набраться терпения. Обслуживали меня в мотеле бесплатно, но человек не может жить только за счет бесплатного обслуживания. Я не хотел отказываться от своей квартиры в Миннеаполисе, пока не подписал постоянный контракт, и каждый день, проведенный в Мэриленде, приносил мне чистый финансовый убыток.

Терминал мотеля почти наверняка прослушивался, и я догадывался, что в ФБР знают способ считывать информацию с моей портативной панели еще до того, как сигнал достигал спутника. Тем не менее, я делал то, чего они, вероятно, ожидали: продолжал собирать данные о Куане и с большим вниманием изучил некоторые статьи Сью.

Она опубликовала две важные работы в «Нейчер нексус» и одну на портале «Сайенс». Все

три имели отношение к вопросам, в которых я слабо разбирался и которые, казалось, имели лишь отдаленное отношение к Хронолитам: «Гипотетический таон объединенной энергии», «Неадронные материальные структуры», «Гравитация и связующие темпоральные силы». Единственное, что я понял из этих текстов, так это то, что Сью вынашивала несколько интересных решений для фундаментальных проблем физики. Это были узкоспециальные статьи, малопонятные для меня, в отличие от их автора.

Я сидел и думал о Сью. Конечно, она была больше чем просто преподаватель для тех из нас, кому удалось узнать ее. Но она не слишком откровенничала о своей жизни. Родилась в Мадрасе, в три года родители перевезли ее в Штаты. В детстве была очень замкнутой, все ее внимание было приковано к занятиям в школе и растущим научным интересам. Она была лесбиянкой, но редко говорила о своих партнершах, которые, казалось, никогда надолго не задерживались, и не поднимала тему, как на ее сексуальную ориентацию отреагировали родители, которых она описывала как «довольно консервативных и несколько религиозных». Она давала понять, что все это вещи самые банальные, не стоящие

внимания. Если она и затаила давнюю боль, то отлично это скрывала.

Конечно, она умела радоваться жизни, но проявляла эту радость только в работе — она трудилась с самым настоящим энтузиазмом. Ее работа и даже сама возможность работать воспринимались ею как награда, которую она получила от жизни, и она считала это равноценной компенсацией за то, чего была лишена. Она умела получать удовольствие, но это были радости монашки.

Конечно, жизнь Сью этм не ограничивалась. Но это то, чем она была готова поделиться.

«Гипотетический таон объединенной энергии». Что бы это значило?

Это значило, что она близко заглянула в часовой механизм Вселенной. Это значило, что она чувствует себя как дома среди фундаментальных теорий.

Я был одинок, но не слишком уверен в себе, чтобы что-то предпринять. Мне стало так скучно, что я принялся сканировать автомобили на стоянке мотеля, проверяя, сумею ли распознать машину, попадись тут таковая, из которой за мной ведут слежку агенты ФБР.

Но когда, в конце концов, мне реально при-

шлось контактировать с ФБР, встреча прошла без всяких загадок. Позвонил Моррис Торранс и сказал, что у нас назначено деловое свидание в здании федералов в центре города, где меня ждет анализ крови и проверка на детекторе лжи. Через это нужно было пройти, чтобы получить высокооплачиваемую работу хранителя кодов у Сью Чопра, и это свидетельствовало о том, насколько серьезно правительство относится к ее исследованиям или, по крайней мере, к инвестициям, которые делают конгрессмены.

И все-таки Моррис недооценил федералов — им от меня потребовалось гораздо больше. У меня не только взяли кровь, но и сделали рентген грудной клетки и лазерное сканирование черепа. Я избавился от мочи, кала и пряди волос. Сдал отпечатки пальцев, подписал разрешение на расшифровку генетической последовательности и отправился под сопровождением в кабинет, где находился полиграф.

После того как Моррис Торранс упомянул в телефонном разговоре о полиграфе, у меня в голове начала вертеться одна-единственная мысль: «Хитч Пэйли».

На свою беду я знал за Хитчем делишки, способные упечь его за решетку, если, конечно, он еще

не сидит. Хитч никогда не был моим близким другом, и я не был уверен, что обязан хранить ему верность спустя столько лет. Но проведя бессонную ночь, я решил отказаться от предложенной Сью работы еще до того, как подвергну опасности его свободу. Да, Хитч нарушал закон и, возможно, заслуживал тюрьмы, но я не считал справедливым сажать в клетку человека, продающего марихуану богатым бездельникам, которые в противном случае потратили бы свои деньги на водку, кокс или метамфетамины.

Не то чтобы Хич был особенно разборчив в том, чем он торгует. Зато я был щепетилен в том, кем торгую *я сам*.

Полиграфолог, несмотря на свой белый халат, больше походил на вышибалу, чем на врача, вездесущий Моррис Торранс присоединился к нам в пустой комнате, чтобы понаблюдать за тестом. Моррис, явный федерал, был, наверное, фунтов на тридцать тяжелее, чем должен был весить в идеале, и уже лет десять как миновал пик своей формы. Редеющая шевелюра напоминала, как и у некоторых мужчин средних лет, монашескую тонзуру. Но рукопожатие у него было крепким, держался он спокойно, не проявляя никакой враждебности. Полиграфолог закрепил электро-

ды у меня на теле, и я без запинок ответил на основные вопросы. Затем Моррис включился в диалог и начал гонять меня по деталям первого знакомства с Хронолитом в Чумпхоне, иногда останавливаясь, пока гуру полиграфа вручную добавлял заметки в распечатку. (Техника выглядела устарелой. Такой она и была, приспособленная к нормам судебного права двадцатого века.) Я рассказывал честно, но осторожно: без колебаний упомянул Хитча, но не род его занятий, вспомнил какие-то пустяки про его магазин для рыболовов, ведь в конце концов это был легальный бизнес, по крайней мере время от времени.

Когда разговор зашел о тюрьме в Бангкоке, Моррис спросил:

— У вас искали наркотики?

— Меня обыскивали не один раз. Может, и наркотики искали, не знаю.

— Находили ли у вас наркотики или другие запрещенные вещества?

— Нет.

— Вы провозили запрещенные вещества через государственные границы или границы штатов?

— Нет.

— Вас предупреждали о появлении Хронолита? Знали ли вы о нем заранее?

— Нет.

— Это стало для вас неожиданностью?

— Да.

— Вам знакомо имя «Куан»?

— Только из новостей.

— Вы видели изображения, вырезанные на следующих монументах?

— Да.

— Это лицо вам знакомо? Вы узнали его?

— Нет.

Моррис кивнул и подошел к полиграфологу посовещаться. Через несколько минут меня отсоединили от аппарата.

Моррис проводил меня к выходу из здания.

— Я прошел? — спросил я.

Он только улыбнулся:

— Не моя вотчина. Но на вашем месте я бы не беспокоился.

Сью позвонила утром и сказала, чтобы я явился на работу.

Федеральное правительство, по причинам, вероятно, лучше известным старшему сенатору от штата Мэриленд, предоставило для этого филиала исследований Хронолитов неприметное здание в парке, посреди промышленной зоны в пригороде Балтимора. Низенькое строение,

разделенное на офисы, с импровизированной библиотекой, и ничего больше. Самый смак исследований достался университетам и государственным лабораториям, как объяснила Сью. То, чем она здесь руководила, походило на мозговой центр, систематизирующий результаты и выполняющий функции консультанта и координатора расходов. В основном Сью занималась тем, что оценивала актуальные данные и выявляла новые перспективные направления работы. Ее непосредственными начальниками были люди из агентства и личные помощники конгрессменов. Она представляла высший эшелон научно-исследовательских кадров, изучающих Хронолиты, то, что с полным основанием можно было назвать наукой.

Я все не мог понять, как неугомонная и азартная Сью Чопра могла довольствоваться менеджерской работой. Но я сразу перестал удивляться, едва она открыла дверь своего кабинета и поманила меня внутрь. В огромной комнате стоял подержанный лакированный стол и бессчетные ряды шкафов с картотеками. Пространство вокруг ее рабочего терминала было завалено газетными вырезками, журналами и распечатками электронных писем. А стены были заклеены

фотографиями.

— Добро пожаловать в *sanctum sanctorum*[13],– задорно сказала Сью.

Фотографии Хронолитов.

Они все были здесь, четкие профессиональные изображения рядом со снимками туристов и загадочными псевдоцветными спутниковыми фотографиями. Я никогда не видел Чумпхон в таких деталях, написанные на нем буквы резко выступали в безжалостном свете. Здесь был Бангкок и первое изваяние самого Куана. (Большинство экспертов полагало, что это может быть и не настоящий портрет. Черты лица были слишком обобщенными, словно графическому процессору дали задание создать образ «мирового лидера».)

Здесь были Пхеньян и Хошимин. Здесь были Тайбэй, Макао и Саппоро; здесь был Хронолит с равнин Канто, возвышающийся над перекрытиями взорванного зернохранилища. Здесь был Ичан до и после бесполезного ядерного удара, сам безучастный ко всему монумент ничуть не изменился, зато Желтая река хлещет, словно разорванная артерия, в том месте, где дамбу раз-

---

[13] Примечания: 13
Святая святых (*лат.*).

несло взрывом.

Вот сфотографированный с орбиты бурый поток, впадающий в Китайское море.

И, куда ни глянь, везде идеально спокойное лицо Куана, который наблюдает за всем этим, словно сидя на облачном троне.

Заметив, как я рассматриваю фотографии, Сью сказала:

— Фактически это инверсия самой идеи памятника, если вдуматься. Памятники создаются как послания в будущее — разговор умерших с потомками.

— «Взгляните на мои великие деянья, владыки всех времён, всех стран и всех морей!»[14]

— Именно. Но у Хронолитов все с точностью до наоборот: не «Я был здесь», а, скорее, «Я иду. Я — грядущее, нравится вам это или нет».

— «Взгляните на мои великие деянья и *трепещите*».

— Тебя, должно быть, восхищает его полнейшая извращенность.

— А вас?

— Признаюсь тебе, Скотти, иногда у меня дух захватывает.

---

[14] Примечания: 14

Цитата из сонета «Озимандия» Перси Шелли (перевод Константина Бальмонта).

— У меня тоже.

Он не только мой дух захватил, он еще и отнял у меня жену и дочь.

Меня встревожила моя одержимость Хронолитами, которыми Сью Чопра увешала все стены. У меня появилось ощущение, будто у нас со Сью одно дыхание на двоих. Для нее эта работа, конечно, выглядела соблазнительной: давала ей шанс узнать практически все, что только можно, о Хронолитах. А прикладные исследования намного сузили бы ее поле деятельности, сведя все к расчетам рефракции колец или охоте за неуловимыми бозонами.

И в то же время у Сью была возможность заниматься серьезными вычислениями — прекрасная возможность, так как практически каждый клочок строго секретных исследований ежедневно проходил через ее стол.

— Вот так вот, Скотти, — подытожила она.

Я попросил:

— Покажите мое рабочее место.

Она проводила меня в приемную, где стоял письменный стол и терминал. Терминал, в свою очередь, был подключен к замкнутой сети квантово-органической станции — куда более высокоточному оборудованию, чем «Кэмпион-

Миллер» мог в принципе себе позволить.

Моррис Торранс восседал в углу на стуле, читая бумажный журнал «Гольф».

— Он входит в пакет услуг? — спросил я.

— Вам придется какое-то время делить пространство. Моррис должен находиться рядом со мной, буквально.

— Моррис — настоящий друг?

— Моррис — мой телохранитель, между прочим.

Тот улыбнулся и отбросил журнал. Затем почесал голову, этот неуклюжий жест нужен был, вероятно, чтобы показать пистолет, который он носил под пиджаком.

— Как правило, я совершенно безобидный, — сказал он.

Мы снова пожали друг другу руки, на этот раз более сердечно, поскольку он не ворчал на меня из-за анализа мочи.

— Пока что, — сказала Сью, — тебе нужно просто познакомиться с работой, которую я делаю. Я — программист не твоего уровня, так что делай заметки. В конце недели обсудим, как нам действовать дальше.

На это у меня ушел весь день. Я изучал не вводные данные или результаты самой Сью, а

процедурные слои, протоколы, по которым ошибки попадали в закрытые системы и программные решения допускали самокопирование и сбой. Сью установила лучшие из коммерческих приложений по генетике, но они явно не подходили (да и были абсурдно громоздкими) для некоторых из ее замыслов. «Логарифмические линейки», как мы их называли, — на первый взгляд хорошие, но уж больно примитивные.

Моррис закончил листать «Гольф» и принес из магазина поблизости обед и свежий номер «Рыбака», с которым коротал остаток дня. Сью временами появлялась, одаривая нас счастливым взглядом: мы были ее буферной зоной, защитным слоем между внешним миром и тайнами Куана.

Спустя неделю работы над проектом по дороге домой, в новую полупустую квартиру, до меня вдруг дошло, как внезапно и безвозвратно изменилась моя жизнь.

Может быть, всему виной дорожная скука; может быть, вид палаточных городков и брошенных машин, изъеденных ржавчиной; может быть, перспектива провести одинокие выходные. У «отрицания» плохая репутация, но стоицизм считается добродетелью, а главное занятие стоиков — это отрицание, решительный отказ призна-

вать ужасную правду. В последнее время я стал настоящим стоиком.

Я перестроился, чтобы обогнать бензовоз, и желтая «Лейка» дорожной службы прижала меня сзади, а бензовоз начал переползать со своей полосы на мою. Водитель, должно быть, отключил индикатор приближения, весьма противозаконное решение, но не редкое среди дальнобойщиков. Я оказался в его слепой зоне, а «Лейка» и не думала притормозить, и добрых пять секунд перед глазами стояло видение, как меня размазывает по рулевой колонке.

Но тут водитель фуры заметил меня в боковое зеркало, взял вправо и дал проехать.

«Лейка» просвистела мимо, как ни в чем не бывало.

А я сидел за рулем в холодном поту — неприкаянный, совершенно потерянный, спешащий прочь по серой дороге между небытием и забвением.

Через неделю пришли хорошие вести: Дженис позвонила и сказала мне, что у Кейт будет новое ухо.

— Слух полностью восстановится, Скотт, ну, по крайней мере, это вполне возможно, учитывая, что родилась она без аномалий, и, вероятно, все

нервные окончания сохранены. Это называется сосцевидно-кохлеарный протез.

— И это реально?

— Процедура относительно новая, но среди пациентов с тем же диагнозом вероятность успеха почти стопроцентная.

— А это не опасно?

— В общем, нет. Но операция серьезная. Кейт положат в больницу как минимум на неделю.

— Когда?

— Планируют в течение шести месяцев.

— Как ты это оплатишь?

— У Уита хорошая страховка. Его страховое общество готово взять на себя часть оплаты. Некоторую помощь я могу получить по своему страховому плану, а остальное Уит готов покрыть из своего кармана. Возможно, придется оформить вторую закладную на дом. Зато у Кейтлин будет нормальное детство.

— Я бы тоже хотел помочь.

— Я знаю, что ты сейчас не при деньгах, Скотт.

— У меня есть счет в банке.

— Спасибо, что предложил. Но… честно говоря, Уиту будет спокойнее, если он все устроит сам.

Кейт неплохо приспособилась жить с ослабленным слухом. Если не замечать, как она

вздергивает голову, как хмурится, когда разговор становится тише, то можно и не догадаться о ее дефекте. Но на ней будто поставили несмываемое клеймо «другая»: обрекли сидеть за передней партой в классе, и при этом большинство учителей, обращаясь к ней, преувеличенно выделяли гласные звуки и вели себя так, словно у нее проблемы не со слухом, а с головой. Она неуклюже двигалась, играя с детьми на школьном дворе, ее легко было напугать, подкравшись сзади. Все это, вместе с ее природной застенчивостью, привело к тому, что у нее появилась интернет-зависимость, она уходила в себя и часто бывала не в духе. Но все можно изменить. Последствия травмы устранят благодаря последним достижениям биомеханической инженерии. А также благодаря Уитмену Делаханту. И если все, что он делает в интересах моей дочери, нанесет ущерб моему самолюбию… «Что ж, — подумал я, — тогда к черту самолюбие».

Кейтлин снова будет здорова. Остальное не важно. — Но я хочу в этом поучаствовать, Дженис. Это мой долг перед Кейтлин.

— Да нет, Скотт. Ты не виноват в том, что с ней случилось.

— Я хочу помочь все исправить.

— Ну… Уит, пожалуй, будет не против, чтобы ты вошел в долю, раз ты настаиваешь.

После этого еще пять лет мне пришлось на всем экономить. Моя «доля» покрыла половину стоимости лечения.

— Итак, Скотти, — сказала Сью Чопра, — ты готов к путешествию?

Я уже рассказал ей об операции, которая предстоит Кейтлин. И сказал, что хочу быть рядом с Кейт в период ее реабилитации — это даже не обсуждалось.

— То есть тебя не будет полгода, — ответила Сью. — Мы не можем так надолго пропадать.

Прозвучало загадочно. Но, кажется, она наконец готова была объяснить то, на что намекала в последнее время.

Мы сидели в просторном, но почти пустом кафетерии, за столиком у единственного окна, выходившего на автостраду. Я, Сью, Моррис Торранс и молодой человек по имени Рэймонд Моузли.

Рэй Моузли, физик-аспирант из Массачусетского технологического, работал со Сью над регистрацией физических данных. Двадцатипятилетний, пузатый, неухоженный, но сияющий, как новенький десятицентовик, он был еще и до

смешного застенчивым. Рэй избегал меня неделями, видимо, потому, что я был новым лицом, но постепенно снизошел, как только решил, что я не претендую на любовь Сью Чопра.

Конечно, Сью была старше его как минимум лет на двенадцать и ее сексуальные предпочтения не распространялись на мужчин в принципе, тем более на юных физиков, которые воображали, что долгий разговор о взаимодействии мю-мезонов — это приглашение к физической близости. Сью пару раз все это ему объясняла. И Рэй, по всей видимости, понял. Но все равно бросал на нее идиотские взгляды поверх липкого общепитовского стола и выслушивал ее мнение с преданностью воздыхателя.

— Как ни удивительно, — начала Сью, — мы очень мало узнали о Хронолитах со времен Чумпхона. Все, что мы можем сделать, это дать их описание. Известно, например, что нельзя опрокинуть камень Куана, даже если сделать подкоп под фундамент. Монумент все равно сохранит фиксированное расстояние от гравитационного центра Земли и постоянное положение — даже если при этом он воспарит в воздухе. Известно, что они невероятно инертны; известно, что они обладают определенным коэффициентом пре-

ломления; по результатам наблюдений мы знаем, что объекты скорее отлиты, чем высечены, и так далее, и тому подобное. Но все это не приближает нас к пониманию сути. Мы разбираемся в Хронолитах не больше, чем средневековый теолог мог бы разобраться в автомобиле: тяжелый, нагревается на солнце, местами угловатый, местами ровный. Отдельные детали наверняка очень важны, но большая часть из них, скорее всего, не имеет значения. Однако разобраться во всем этом без всеобъемлющей теории невозможно. Вот ее-то нам как раз и не хватает.

Мы кивали с умным видом, как обычно делали, когда Сью начинала излагать свои мысли.

— Но есть ряд фактов, которые вызывают особый интерес, — продолжала она. — Например, у нас есть данные, что за несколько недель до появления Хронолита происходило постепенное, ступенчатое повышение локального радиационного фона. Не опасное повышение, но зафиксированное приборами. Китайцы работали в этом направлении, но потом перестали делиться с нами своими результатами. Японцам тоже удалось кое-что зафиксировать. У них есть сетка радиационных мониторов, которые окружают термоядерный реактор «Саппоро-Текникс».

Токио пытался установить источник радиационных помех за несколько дней до появления Хронолита. Показания достигли пика к прибытию монумента, а затем быстро снизились до нормального уровня.

— А это значит, — добавил Рэй Моузли, словно переводя для тупых, — что хотя мы не можем предотвратить появление Хронолита, мы знаем способ, как его предсказать.

— Чтобы хоть как-то предупредить людей, — кивнула Сью.

— Звучит многообещающе, — сказал я. — Если вы знаете, где искать.

— Да, — призналась Сью, — в этом-то и загвоздка. Но есть много мест, где мониторят уровень радиации в воздухе. И Вашингтон договорился с правительствами ряда дружеских стран об установке детекторов вокруг крупных городов. С точки зрения безопасности это дает шанс эвакуировать людей.

— Тогда как мы сами, — добавил Рэй, — заинтересованы в том, чтобы оказаться как можно ближе.

Сью бросила на него такой взгляд, словно он украл ее шутку.

Я спросил:

— А разве это небезопасно?

— Зато это бесценно, если мы хотим сделать запись этого события, произвести точные измерения в момент прибытия, увидеть весь процесс своими глазами…

— Издалека увидеть, — вставил Моррис Торранс, — я надеюсь.

— Мы можем свести к минимуму любую физическую угрозу.

— И скоро это случится? — поинтересовался я.

— Мы уезжаем через пару дней, Скотти, и это несколько напрягает. Я знаю, что времени мало. Уже установлены наблюдательные пункты, и на место прибыли специалисты. По нашим данным, великое явление произойдет дней через пятнадцать. Новость о предстоящей эвакуации появится сегодня в вечерних газетах.

— И куда мы едем?

— В Иерусалим, — ответила Сью.

Она дала мне день, чтобы собрать вещи и привести дела в порядок. Вместо этого я сел в машину и отправился в дорогу.

Глава седьмая

Однажды, когда мне было лет десять, я вернулся из школы домой и застал мать на кухне — она занималась уборкой. Пока я наблюдал за ней, все выглядело вполне обычно. (Я уже научился следить за ней с осторожностью.)

Моя мать не была красавицей, и думаю, мне это было известно даже тогда, когда дети далеки от таких мыслей. У нее было суровое, узкое лицо, она редко улыбалась, из-за чего каждая ее улыбка запоминалась надолго. Если ей случалось смеяться, то я всю ночь лежал в постели, заново переживая это мгновение. В то время матери было всего тридцать пять. Она никогда не пользовалась косметикой, а иногда целыми днями даже не расчесывала волосы; она могла себе это позволить, потому что у нее были очень темные и блестящие от природы волосы.

Она ненавидела покупать одежду. Все вещи из ее гардероба донашивались до тех пор, пока не превращались в обноски. Порой, когда мы вместе ходили за покупками, мне было неловко за ее голубой свитер с подпалиной от сигареты, через которую проглядывала бретелька лифчика,

или желтую блузку с пятном от отбеливателя, похожим на карту Калифорнии, сбегавшим по правому плечу.

Стоило мне обмолвиться об этом, она молча смотрела на меня, возвращалась домой и переодевалась во что-нибудь более приличное. Но я очень не любил такие моменты, потому что сам себе казался избалованным неженкой, эдаким маленьким мальчиком, которого Волнует Одежда, а я таким вовсе не был. Я просто не хотел, чтобы люди в магазине косились на нее.

В тот день она была одета в синие джинсы и безразмерную рубашку отца. Желтые резиновые перчатки закрывали ее руки до локтей, спрятав — я их и не заметил — несколько глубоких, кровоточащих царапин. Она всегда одевалась так, когда убирала; она драила с удвоенным рвением. В кухне разило лизолом, аммиаком и полудюжиной других чистящих и дезинфицирующих средств, которые хранились в шкафу под раковиной. Мать убрала волосы под красную бандану и полностью сосредоточилась на кафеле пола. Она не замечала меня, пока я не стукнул коробкой для завтрака по столешнице.

— Выметайся из кухни, — глухо произнесла она. — Это ты виноват.

— Я? — Ну, это же твой пес.

Она говорила о Чаффи, нашем спрингер-спаниеле, и мне стало страшно… Но не из-за того, *что* она сказала, а из-за того — *как*.

Таким же тоном она желала мне спокойной ночи. Каждый вечер она приходила в мою комнату, наклонялась над кроватью, поправляла простыни и стеганое одеяло, целовала кончики своих пальцев и касалась ими моего лба. Чаще всего это было так же приятно, как звучит на словах. Но в иные вечера… В иные вечера она любила слегка выпить, а потом нависала надо мной, обдавая дикой вонью пота и алкоголя, исходившей от нее, как жар от угольной печки, и хотя слова она произносила те же самые: «Спокойной ночи, Скотти, сладких снов», они звучали как пародия, а пальцы, касавшиеся моей кожи, были холодными и шершавыми на ощупь. И тогда я натягивал одеяло на голову и считал секунды (*тысяча один, тысяча два*), пока ее шаги не затихали в коридоре.

В этот раз ее голос звучал точно так же. Глаза были слишком широко раскрыты, рот сжался в узкую щелочку, и мне показалось, что если я подойду ближе, то услышу такое же отвратительное соленое зловоние, как бывает на пляже во

время отлива.

Она продолжала убирать, а я прокрался в гостиную, включил телевизор и не отрываясь смотрел повторные серии «Сайнфелда», пока не задумался о том, что она сказала про Чаффи.

Моя мать никогда его не любила. Терпела. Но оставался он лишь нашей с отцом собакой, не ее.

Допустим, Чаффи сделал лужу на кухонном полу, не этим ли объясняется ее реакция? Но где сейчас Чаффи? Обычно в это время пес валялся на диване, мечтая, чтобы ему почесали уши. Я позвал его.

— Это мерзкое животное, — произнесла мать из кухни. — Оставь его в покое.

Я нашел Чаффи наверху, он был заперт в ванной, примыкавшей к спальне родителей. Спина и задние лапы у него были мокрыми и исцарапанными, видимо, по нему хорошо прошлись стальным ершиком для мытья жирной посуды. В тех местах, где слезла шерсть, кожа кровоточила, и когда я попытался приласкать его, пес вцепился зубами мне в руку.

Годы не пощадили пригород Мэриленда, где жил отец. Некогда полудеревенский район превратился в рассадник стриптиз-баров, мелких магазинчиков порнографии и многоквартирных

домов для рабочих. Закрытый жилой комплекс все еще существовал, но домик охранника у ворот выглядел заброшенным, его покрывали арабские граффити. За наваленными кучами снега я едва узнал дом на Провендер Лейн, в котором я вырос. Один из желобов под крышей болтался, черепица под ним угрожающе просела. Это был не тот дом, каким я его помнил, но он казался вполне подходящим жилищем, в котором может (или даже должен) жить мой отец — неряшливым, неприветливым.

Я припарковался, выключил двигатель и остался в машине.

Конечно, глупо было приезжать сюда. Это был один из тех безрассудных порывов, в которых полно драматизма, но никакого смысла. Я решил, что должен увидеть отца, прежде чем покину страну (подразумевая: прежде чем он умрет), но что это на самом деле значило? Что мы можем сказать друг другу?

Я уже тянулся к ключу зажигания, когда он вышел за вечерней газетой на скрипучее деревянное крыльцо. На фоне синих сумерек его лицо в электрическом свете приобрело желтушный оттенок. Отец посмотрел на мою машину, наклонился, чтобы поднять газету, и снова посмотрел.

Наконец он вышел на тротуар, в своих домашних тапочках и белой майке. Отвыкший от движения, он тяжело дышал.

Я опустил стекло.

Он произнес:

— Я так и подумал, что это ты.

Звук его голоса оживил полчища неприятных воспоминаний. Я ничего не ответил.

— Ну давай, заходи, — сказал он. — Тут холодно.

Я запер машину и включил протоколы безопасности. В некотором отдалении трое наглых азиатских парней наблюдали, как я следую за своим умирающим отцом к двери дома.

Чаффи оправился от ран, но никогда больше не приближался к моей матери. Зато ее болезнь никуда не девалась и мешала ей жить. Однажды, когда ее состояние ухудшилось, я узнал, что мать стала жертвой неврологического расстройства под названием приобретенная шизофрения; что это была болезнь, сбой в каких-то загадочных, но естественных процессах мозга. Я в это не верил, по собственному опыту зная, что проблема была и проще, и страшнее: в одном теле поселились хорошая и плохая мама. Хорошую маму я любил, поэтому вполне мог и даже должен был ненави-

деть плохую.

Увы, они сливались друг с другом. Хорошая мать могла утром поцеловать меня на прощание, а когда я (поздно и неохотно) возвращался домой из школы, безумный узурпатор уже захватывал контроль. С десяти лет у меня не было близких друзей, ведь когда есть друзья, нужно приглашать их домой. В последний раз, когда я попытался это сделать, приведя в дом робкого рыжего мальчика по имени Ричард, с которым подружился на уроках географии, мать прочитала ему двадцатиминутную лекцию о том, чем угрожают мониторы его способности к деторождению. Выражалась она при этом куда как живописно. На следующий день Ричард избегал меня и не разговаривал, будто я совершил что-то неописуемое. «Я не виноват, — хотел я сказать ему, — и моя мама тоже не виновата. Мы с тобой стали жертвами призрака».

В свою болезнь она не верила, и за все промахи упрекала в слабости меня, а не себя. Даже не знаю, сколько раз она требовала, чтобы я перестал смотреть на нее «так» — то есть содрогаясь от ужаса. Ирония параноидной шизофрении в том, что ваши собственные мрачные ожидания осуществляются почти с математической точно-

стью. Мама думала, что мы сговорились свести ее с ума.

Все это не сблизило нас с отцом. Наоборот. Он сопротивлялся диагнозу почти так же яростно, как и она, но отрицал очевидное с гораздо большей прямотой. Думаю, он всегда считал их брак неравным, словно сделал одолжение нью-гемпширской семье моей матери, предложив руку их угрюмой и нелюдимой дочери. Возможно, вообразил себе, что замужество изменит ее к лучшему. Однако этого не произошло. То ли она его разочаровала, то ли, наоборот, он ее. Но он продолжал предъявлять к ней самые высокие требования, стыдя ее за все необдуманные поступки, словно она могла рассуждать этично и нравственно. Она *могла*, но лишь изредка.

Выходило, что хорошая мать страдала за грехи плохой. Плохая позволяла себе резкости и непристойности, а хорошую можно было запугивать и терроризировать. Хорошую легко было заставить затравленно извиняться, что отец постоянно и проделывал. Он кричал на нее, иногда бил и без конца унижал, пока я прятался в своей комнате, пытаясь представить мир, в который мы с хорошей мамой смогли бы сбежать и от него, и от захватчицы — псевдомамы. «Мы бы здорово за-

жили, — твердил я себе, — в каком-нибудь милом домике, каким она когда-то пыталась сделать наш дом, а в это время отец воевал бы со своей чокнутой фальшивой женой где-нибудь подальше, в изоляции от всех. Например, в тюрьме. Или в дурдоме».

Позже, когда мне исполнилось шестнадцать и я научился водить машину, но до того как мать поместили в дом-интернат в Коннектикуте, где она провела свои последние годы, отец повез нас всех в Нью-Йорк. Думаю, он верил — и, должно быть, отчаянно хватался за эту хрупкую соломинку — что отпуск пойдет ей на пользу. «Очистит голову», как он любил повторять. Так что мы загрузили машину, поменяли масло, заправили полный бак и пустились в путь, как суровые паломники. Мать убедила уступить ей заднее сиденье. Я сидел впереди в роли штурмана, изредка оборачиваясь к ней и упрашивая, чтобы она перестала расковыривать губы, которые уже начали кровоточить.

От выходных в Нью-Йорке у меня остались только два ярких воспоминания.

В субботу мы посетили статую Свободы, и мысленно я практически до сих пор могу пересчитать полированные ступени, по которым мы забира-

лись наверх. Помню ощущение ничтожности и одновременно величия, охватившее меня наверху, запахи пота и горячей меди в безветренном июльском воздухе. Мама отшатнулась от вида Манхэттена и тихо причитала, пока я завороженно наблюдал за чайками, ныряющими в морскую гладь. Из этого путешествия я привез латунную модель Свободы размером с мою руку.

Я помню то воскресное утро, когда мама ушла из гостиничного номера, пока отец был в душе, а я в холле кидал четвертаки в автомат с газировкой. Когда я вернулся и обнаружил, что в номере никого нет, то запаниковал, но не смог заставить себя потревожить отца в ванной, ведь, наверное, он обвинил бы меня (или я так думал) в том, что я недоглядел. Вместо этого я прошелся туда и обратно по коридору, устланному красным ковром, мимо столиков с заказанными в номера завтраками и тележек с белоснежным бельем, а затем спустился на лифте в вестибюль. Я заметил темные волосы моей матери — она удалялась через холл и исчезла во вращающихся дверях. Я не окликнул ее по имени, побоявшись встревожить и смутить посторонних людей, а побежал следом, едва не споткнувшись о газетную стойку перед сувенирной лавкой. Но к тому моменту,

когда, толкнув стеклянную дверь, я выскочил на тротуар, мамы нигде не было. Швейцар в красной ливрее дул в своей свисток, но я не понимал зачем, пока не увидел маму, которая лежала, вытянувшись, на обочине дороги и тихо стонала, а водитель цветочного фургона, только что сломавшего маме ноги, выпрыгнул из кабины и стоял над ней, весь дрожа, глаза у него были круглые, как две полные луны. Единственное, что я почувствовал, это лишь зверский ледяной холод.

После поездки в Нью-Йорк мать отправили в заведение, предоставлявшее долгосрочный уход, — когда ноги уже срослись и докторам пришлось накачать ее галоперидолом, чтобы снять весь гипс.

Гостиная, где сидели мы с отцом, на удивление мало изменилась с тех пор. Не то чтобы он старался сохранить дом прежним, словно храм своей жене. Он просто ничего не менял. Ему это и в голову не приходило.

— Кто только не звонил и не спрашивал о тебе! — проговорил он. — Я даже подумал, что ты ограбил банк.

Шторы были задернуты. Этот дом был из тех, где, несмотря ни на что, всегда мало света. Как бы ни старался старенький торшер разогнать

сумрак.

Отец сидел в своем потрепанном зеленом кресле, прерывисто дыша, и ждал от меня ответа.

— Это было по работе, — сказал я. — Они проверяли биографию.

— Та еще работка, если тебе домой звонят из ФБР.

Сквозь прорези майки просвечивало его тощее тело. Когда-то он был крупным мужчиной. Большим и взрывным, с таким шутки плохи. Теперь его руки исхудали, кожа обвисла. Впавшая грудная клетка ощетинилась ребрами, ремень был затянут по крайней мере на пять дырок, а свободный конец болтался над торчащими костями таза.

Я произнес:

— Я собираюсь уехать из страны.

— Надолго?

— Честно говоря, не знаю.

— Федералы сказали тебе, что я болен?

— Да.

— Может, я не такой уж больной, как они думают. Чувствую себя не очень, но… — он пожал плечами. — Эти врачи ни хрена не знают, а ведут себя как пророки. Хочешь кофе?

— Я могу сам сделать. Наверняка чайник там

же, где и раньше?

— Думаешь, я уже так ослаб, что не смогу сделать кофе?

— Этого я не говорил.

— Ради Бога, я все еще могу сварить кофе.

— Не буду тебе мешать.

Он поплелся на кухню. Я встал, чтобы пойти за ним, но в дверях передумал, увидев, как он тайком щедро плеснул из бутылки «Джека Дэниела» в свою чашку. Руки отца дрожали.

Я ждал в гостиной, разглядывая книжные полки. Большинство книг принадлежали моей матери. Она отдавала предпочтение Норе Робертс, «*Мостам округа Мэдисон*» и бесконечным томам Тим Лахэй. Отец внес свою лепту старыми романами Тома Клэнси и изданиями «*Непонятнее самой науки*». У меня было много книг, пока я тут жил — я и отличником стал, наверное, из-за страха возвращаться из школы домой, — но свои детективные романы я выставлял отдельно, на полке у себя в комнате, педантично не позволяя Конан Дойлу или Джеймсу Ли Берку перемешиваться с В. С. Эндрюс и Кэтрин Коултер.

Отец вернулся с двумя кружками кофе. Он протянул мне одну с едва различимой надписью на оборотной стороне «Перевозки Кориолиса» —

название конторы его последнего нанимателя. Отец управлял этой сетью двадцать три года и по-прежнему получал от них пенсионные чеки. Кофе был горький и жидкий.

— У меня нет ни молока, ни сливок, — сказал он. — Знаю, что тебе нравится забеленный, поэтому добавил сухое молоко.

— Все в порядке, — ответил я.

Он откинулся в своем кресле. На журнальном столике лежал пульт дистанционного управления, возможно, от видеопанели. Отец посмотрел на него с тоской, но не потянулся. Он проговорил:

— Должно быть, какая-то особенная у тебя работа, раз люди из ФБР задавали такие странные вопросы.

— Например?

— Ну, в основном обычные вопросы: в какой школе учился, какие оценки получал, где работал и все такое. Но они постоянно требовали деталей. Занимался ли спортом, что делал в свободное время, много ли разговаривал о политике или истории? Много ли было у тебя друзей, или ты все держал в себе? Кто был твоим лечащим врачом, чем болел в детстве, бывал ли у психиатра? Об Элейн тоже. Они знали, что она была нездорова.

Тут я их в основном посылал. Но они, очевидно, уже были в курсе.

— Они спрашивали про маму?

— А о чем я только что сказал?

— И что хотели узнать?

— Ну, знаешь, про ее симптомы. Когда они начались, как она себя вела. Как ты это воспринял. Вещи, которые никого, кроме семьи, не касаются, честно говоря. Боже, Скотти, они совали нос во все. Хотели взглянуть на твое старое барахло в гараже. Взяли пробы воды из крана, можешь поверить?

— Ты хочешь сказать, что они и домой приходили?

— Угу.

— И не взяли ничего, кроме водопроводной воды?

— Нет, насколько я заметил, но их была целая толпа, я не мог уследить за всеми. Если хочешь проверить свои старые вещи, коробка все там же, позади «бьюика».

Гонимый любопытством и тревогой, я извинился и направился в неотапливаемый гараж.

В коробке, о которой он говорил, хранились нерассортированные осколки моей юности. Школьные ежегодники, пара научных наград,

старые романы и DVD-диски, несколько игрушек и сувениров. В том числе латунная статуя Свободы, которую я привез из Нью-Йорка. Зеленая войлочная подложка износилась, полый латунный корпус потускнел. Я вытащил ее и сунул в карман куртки. Если тут что-нибудь и пропало, я ничего не заметил. Но мысль об безымянных агентах ФБР, рывшихся в гараже, меня пугала.

Дно коробки устилали мои детские рисунки. Я никогда не блистал на уроках рисования, но маме они так нравились, что она их сохранила. Отслаиваясь, акварель облетала с плотной коричневой бумаги, словно палая листва. В основном тут были зимние сценки. Кривые сосны, грубые заснеженные домики — одинокие среди огромных пейзажей.

Когда я вернулся в дом, отец уже клевал носом в кресле, едва удерживая кофейную чашку в дрожащей руке. Я переставил ее на стол. Отец зашевелился, когда раздался звонок телефона. Старого телефона с цифровым адаптером, шнур от которого уходил в стену. Отец снял трубку, моргнул, произнес пару раз «да», а потом передал ее мне:

— Это тебя.

— Меня?

— А здесь есть кто-то еще?

Звонила Сью Чопра, старая линия со слабой полосой пропускания делала ее голос едва различимым.

— Ты заставил нас поволноваться, Скотти, — сказала она.

— Это взаимно.

— Удивляешься, как мы тебя нашли? Ты будешь рад, что мы это сделали. Мы очень беспокоились о тебе, когда ты вот так сбежал.

— Сью, я не сбегал. Я поехал к отцу.

— Понимаю. Просто нужно было предупредить нас перед отъездом. Моррис тебя выследил.

— Моррис может идти на хрен. Я что, должен просить разрешения, чтобы уехать из города?

— Это негласное правило, хорошо бы следовать ему. Скотти, я знаю, что ты очень сердишься. Я тоже через это проходила. У меня нет оправданий. Но времена меняются. Жизнь стала опаснее, чем раньше. Когда ты вернешься?

— Сегодня вечером.

— Хорошо. Думаю, нам нужно поговорить.

Я ответил ей, что тоже так считаю.

Я посидел с отцом еще несколько минут, а потом сказал, что мне пора. Тусклый дневной свет за окном уже совсем угас. По дому бродили

сквозняки, пахло пылью и сухим теплом. Отец шевельнулся в своем кресле и ответил:

— Ты проделал такой долгий путь, чтобы выпить кофе и побубнить? Слушай, я знаю, почему ты здесь. И скажу тебе, что я не особо боюсь умирать. И даже говорить об этом. Ты просыпаешься, читаешь почту, говоришь себе: «Ну, это случится не сегодня». Но это не то же самое, что не осознавать.

— Я понимаю.

— Нет, не понимаешь. Но я рад, что ты приехал.

Странно было слышать это от него. Я не знал, что ответить. Отец встал. Его штаны съехали на костлявые бедра.

— Я не всегда относился к твоей матери должным образом. Но я был рядом с ней, Скотти. Помни об этом. Даже когда она попала в клинику. Даже когда бредила. Я не брал тебя с собой в те дни, когда не был уверен, что у нее все в порядке. Она говорила вещи, которые могли тебя ранить. А потом ты уехал в колледж.

Она умерла от осложнений после пневмонии за год до моего выпуска.

— Ты мог бы позвонить, когда она заболела.

— Зачем? Чтобы у тебя в памяти осталось, как

твоя собственная мать проклинает тебя на смертном одре? Какой смысл?

— Я любил ее.

— Тебе это давалось легко. Может быть, и я любил ее, а может быть, нет. Не помню уже. Но я был рядом с ней, Скотти. Все время. Иногда я плохо с ней обращался. Но я не бросил ее. Я направился к двери. Он сделал несколько шагов следом и остановился, тяжело дыша.

— Не забывай об этом, — сказал он.

Глава восьмая

Когда мы приземлились в аэропорту имени Бен-Гуриона, там царил хаос — начался массовый исход туристов. Прибывший рейс «Эль Аль» — опоздавший на четыре часа из-за непогоды, после трехдневной «дипломатической» задержки, о которой Сью отказывалась говорить, — был почти пуст. Однако, вылетая обратно, он будет забит до отказа. Эвакуация Иерусалима продолжалась.

Сью Чопра, Рэй Моузли, Моррис Торранс и я вышли из самолета в сопровождении агентов ФБР в очках для стрельбы, со спрятанным оружием, которых, в свою очередь, сопровождали пять солдат израильской армии, которые встретили нас у трапа в джинсах, белых футболках и с автоматами узи, перекинутыми через плечо. Нас быстро провели через таможню и вывели из Бен-Гуриона к чему-то похожему на *sheruti*[15] — фургончик частного такси, реквизированный при чрезвычайной ситуации. Сью, измученная перелетом, поспешила занять кресло рядом со мной. Моррис и Рэй сели позади нас, двигатель

---

[15] Примечания: 15
Общественный туалет.

мягко загудел, и автомобиль покатил прочь.

Монотонный дождь полировал автостраду номер один. Длинный поток машин, ползущих в сторону Тель-Авива, тускло поблекивал под нависающими облаками, зато в направлении Иерусалима дорога была совершенно пустой. Впереди огромные придорожные экраны сообщали об эвакуации. Позади они показывали маршруты, по которым можно эвакуироваться.

— Все это действует на нервы, — сказала Сью. — Едем туда, откуда остальные бегут.

Мужчина из ЦАХАЛа[16] — он выглядел как подросток — только посмеивался на задем сиденье.

Моррис заметил:

— Они смотрят на все это скептически. И полны негодования. «Ликуд» может проиграть следующие выборы.

— Но только если ничего не случится, — ответила Сью.

— А есть шанс?

— Он практически равен нулю.

Израильский военный снова фыркнул.

Порыв дождя захлестнул *sheruti*. Январь и февраль — это сезон дождей в Израиле. Я отвернулся

---

[16] Примечания: 16
Армия обороны Израиля.

к окну и рассматривал оливковые рощи, клонившиеся от ветра. Я все еще думал о том, что сказала мне Сью в самолете.

После поездки к отцу несколько дней я не мог с ней связаться — она была занята улаживанием каких-то дипломатических сложностей, которые удерживали нас в Балтиморе чуть ли не до последней минуты.

Неделя у меня ушла на то, чтобы проверить код, пару вечеров я провел в местном баре вместе с Моррисом и Рэем.

Их компания оказалась приятнее, чем можно было предположить. Я злился на Морриса за то, что он выследил меня, когда я ездил к отцу… Но Моррис Торранс — один из тех людей, которые превращают любезность в искусство. Искусство, или, быть может, инструмент. Гнев отскакивал от него, как пули от Супермена. У него не было однозначного мнения о Хронолитах, он абсолютно не был уверен в том, что Куан так уж важен, но проявлял к этому вопросу глубокий интерес. Это значило, что с ним можно потрепаться: предлагать любые идеи, даже самые дикие, не боясь оскорбить религиозные или политические убеждения. Был ли Моррис с нами искренен? В конце концов, он представлял ФБР. Вероятнее всего, все,

что мы говорили ему, попадало в личное досье каждого. Но Моррис гениально умел делать вид, что все это не имеет никакого значения.

Даже Рэй Моузли раскрылся в компании Морриса. Я видел в Рэе очень умного, но социально ущербного типа, чей сексуальный радар безнадежно и некстати заело на Сью. И в этом была доля истины. Но в расслабленной обстановке Рэй вдруг признался, что он — страстный фанат Американской бейсбольной лиги, так у нас нашлось хоть что-то общее. Рэй любил новую команду из своего родного Тусона и сумел вывести из себя парня за соседним столиком парой реплик про балтиморских «Ориолс». И в споре от своих слов он не отступил. Рэй не был трусом. Он был очень одинок, но это было, по большей части, интеллектуальное одиночество. Он часто замолкал на полуслове, когда замечал, что забрел в такие дебри, куда мы следовать за ним не в состоянии. Он не смотрел на нас сверху вниз — разве что изредка, только заметно грустил, что не может поделиться своими мыслями.

Думаю, Сью в нем нравилось именно это одиночество. Не важно, что ее физическое влечение находило выход лишь в кратковременных отношениях, бережно отделенных от работы. Думаю,

когда Рэй говорил с ней о физике, он в каком-то смысле *занимался с ней любовью*.

Сью мы видели очень редко.

— В университете было то же самое, — рассказывал я Моррису и Рэю. — В смысле, так было с ее студентами. Она сводила нас вместе, но лучшие разговоры велись после занятий, без нее.

— Это было что-то вроде генеральной репетиции, — задумчиво протянул Моррис.

— Репетиции чего? Этого? Появления Хронолитов?

— Ну, об этом она, конечно, ничего не могла знать. Но разве у вас не бывало такого чувства, что вся ваша жизнь — одна большая репетиция какого-то важного события?

— Наверное. Иногда.

— Она словно оглядывается назад и понимает, что тогда, в Корнелле, подобрала не тех актеров, — продолжал Моррис. — И сценарий все еще нужно дорабатывать. Но ты, Скотт, оказался на высоте, — он улыбнулся. — Ты сделал окончательный монтаж.

— Так что за важное событие? — спросил я. — То, которого мы ждем в Иерусалиме? — То, которого мы ждем в Иерусалиме… или то, что наступит потом.

У нас со Сью не было возможности поговорить наедине, пока мы не оказались над Атлантикой. Она поманила меня в пустой салон экономкласса и произнесла:

— Прости, что ничего не рассказывала тебе, Скотти. И мне очень жаль, что так вышло с твоим отцом. Я думала, мы предлагаем тебе работу, а не…

— Домашний арест, — подсказал я.

— Точно, домашний арест. Да, в каком-то смысле так оно и есть. Но это касается не только тебя. Я в таком же положении. Они хотят, чтобы мы держались все вместе и находились под наблюдением.

Сью подхватила простуду и теперь билась с ней со своей привычной решимостью. Она сидела, сложив руки на коленях, и теребила платок, освещенный лучом света. Явное раскаяние сочеталось у нее с полнейшей невозмутимостью, как у Махатмы Ганди. Впереди стюард «Эль Аль» раздавал яичницу и тосты в пластиковых лотках. Я поинтересовался:

— Почему *я*, Сью? Вопрос, на который никто не хочет отвечать. Вы могли бы нанять кодера получше меня. Да, я был в Бангкоке, но это ничего не объясняет.

— Не стоит недооценивать свой талант, — ответила она. — Но я понимаю, о чем ты спрашиваешь. Слежка ФБР, агенты в доме твоего отца. Скотти, несколько лет назад я совершила ошибку — пыталась опубликовать статью про феномен, который назвала «тау-турбулентность». Кое-кто из влиятельных людей прочитал ее.

Ответ, который сводился к абстрактной теории, не сулил вообще никакого ответа. Я хмуро ждал, пока она громко сморкалась.

— Я прошу прощения, — Сью вернулась к разговору. — Речь в моей работе шла о причинно-следственной связи в явлениях, скажем так, касающихся темпоральной симметрии и Хронолитов. Это сплошная математика, в основом связанная с некоторыми спорными моментами квантового поведения. Также я рассматривала вопрос, каким образом Хронолиты могут перенастраивать наше привычное понимание причин и следствий в макроскопических процессах. Суть в том, что в локализованном тау-событии — созданном, гипотетически, Хронолитом — следствие естественным образом предшествует причине. Кроме того, оно создает своего рода фрактальное пространство, в котором наиболее значимые связи между событиями не детерминированы, а

соотносительны.

— Я не понимаю, что все это значит.

— Подумай о Хронолите, как о локальном событии в пространстве и времени. Есть интерфейс — граница между привычным течением времени и обратной тау-аномалией. Это не просто будущее, которое обращается к настоящему. Есть пульсации, водовороты, течения. Будущее преобразует прошлое, которое, в свою очередь, преобразует будущее. Ты следишь за мыслью?

— Более или менее.

— Итак, ты получаешь некую турбулентность, которая характеризуется не столько причинно-следственными связями или даже парадоксами, сколько некоей накипью соотношений и совпадений. Ты не сможешь найти причину событий в Бангкоке, потому что они еще не существуют, но можешь поискать разгадку в турбулентности, в неожиданных взаимосвязях.

— Каких например?

— Когда я писала статью, то не предлагала примеры. Но нашлись те, кто воспринял мою работу достаточно серьезно, чтобы отработать все последствия. ФБР вернулось и проверило всех людей, которые были опрошены в Чумпхоне; это была минимальная, но самая представительная

статистическая выборка, имевшаяся под рукой. Затем они собрали базу данных с именами и биографиями всех, кто когда-либо публично высказывался о Хронолитах, как минимум в самом начале; всех, кого подключали к исследованиям в Чумпхоне, в том числе ребят, которые работали на тягачах и устанавливали туалеты; всех, кого допросили после приземления. Затем начали искать между ними связи.

— И нашли, полагаю?

— Нашли кое-что странное. Самое странное, что в этом списке были ты и я.

— Потому что мы знакомы с Корнелла?

— Отчасти. Но сложи все вместе, Скотти. Вот женщина, которая рассуждает о тау-аномалиях и странных материях задолго до Чумпхона. Которая затем становится весьма авторитетным экспертом по Хронолитам. И вот ее бывший студент, старый друг, который совершенно случайно оказался на пляже в Чумпхоне и был арестован примерно в миле от первого Хронолита спустя несколько часов после его появления.

— Сью, — ответил я, — это *ничего* не значит. Вы же это понимаете.

— Ты прав, это ничего не значит, если искать причину, но суть не в этом. Суть в том, что это

ставит нас особняком. Пытаться выяснить происхождение Хронолита — все равно что распускать свитер до того, как он был связан. Это невозможно. В лучшем случае, найдутся нити нужной длины или похожего цвета, из чего можно предположить, как они могли бы соединяться вместе.

— Так вот зачем ФБР разузнавало все о моем отце?

— Они интересуются абсолютно всем. Потому что мы не знаем, что может иметь значение.

— Параноидальная логика.

— Ну да, именно с этим нам и приходится иметь дело — параноидальная логика. Поэтому мы оба под наблюдением. Нас не подозревают ни в чем криминальном, в общепринятом смысле. Но они беспокоятся о том, кем мы *могли бы стать*.

— Вдруг мы плохие ребята, вы это имеете в виду?

Она смотрела сквозь иллюминатор в просвет между кучевыми облаками на океан, раскинувшийся внизу, словно отполированное голубое зеркало.

— Запомни, Скотти: кем бы ни был Куан, не он создал эту технологию. Завоеватели и короли, как правило, не интересуются физикой. Они используют то, что могут взять. Куан может оказаться

кем угодно и где угодно, но, вероятнее всего, эту технологию он *украдет*, и кто даст гарантию, что не у нас? А может быть, мы и есть те хорошие ребята, которые решат головоломку. Такое тоже возможно — это другой тип взаимосвязей. Мы не арестованы, иначе сидели бы сейчас в тюрьме. Они наблюдают за нами, но в то же время и защищают.

Я выглянул в проход проверить, не подслушивает ли кто, но Моррис пошел поболтать со стюардессой, а Рэй увлекся книгой.

— Отчасти соглашусь, — произнес я. — Мне довольно хорошо платят, когда многим не платят вовсе, и я увижу то, чего никогда не предполагал увидеть; про то, что я утолю свою одержимость Хронолитами, я добавлять не стал. — Но только отчасти. Не могу обещать…

Хотел сказать, что долго я этого не потерплю. Не смогу стать шестеркой, вроде Рэя Моузли. Точно не сейчас, когда мир покатится к чертям, и мне нужно позаботиться о дочери.

Сью прервала меня с задумчивой улыбкой:

— Не волнуйся, Скотти. Никто больше ничего не обещает. Потому что никто ни в чем не уверен. Уверенность — та роскошь, без которой мы должны научиться жить.

Я этому давным-давно научился. Одно из правил жизни с матерью-шизофреничкой состоит в том, что к странностям можно притерпеться. Это можно научиться переносить. По крайней мере — как я уже сказал Сью — до какого-то предела.

За этой чертой безумие захлестывает все. Охватывает тебя изнутри и устраивается там, как дома, и вот ты уже никому не можешь доверять. Даже самому себе.

Пройти через первый контрольно-пропускной пункт на шоссе оказалось труднее всего. Именно здесь ЦАХАЛ разворачивал обратно мнимых паломников, которые так извращенно понимали эвакуацию. «Иерусалимский синдром» был назван психическим заболеванием несколько десятилетий назад. Иногда некоторых туристов настолько потрясает культурная значимость и мифологическая насыщенность города, что буквально растворяются в нем: рядятся в простыни и сандалии, проповедуют на Елеоне, пытаются приносить в жертву животных на Храмовой горе. На этом феномене в конце прошлого века хорошо зарабатывала психиатрическая лечебница Кфар Шауль.

Глобальная неуверенность, которую посеяли Хронолиты, уже всколыхнула новую волну

паломников, а массовый исход довел ее до апогея. Иерусалим эвакуировал жителей ради их безопасности, но когда это имело значение для фанатиков? Мы протискивались сквозь ряды машин, среди которых были автомобили, брошенные на КПП своими хозяевами, отказавшимися разворачиваться. Без помех проезжали лишь полицейские, медики и эвакуаторы.

Мы проехали КПП уже в сумерках и прибыли в огромный отель на горе Скопус, когда совсем стемнело.

Наблюдательные пункты развернули по всему городу: так поступили не только мы, но и военные, представители ООН, делегаций нескольких израильских университетов и международной прессы на Хаас Променад. Гора Скопус (*Хар ха-Цофим*, что на иврите означает «гора наблюдателей»), надо сказать, была местом непростым. Здесь в 70 году нашей эры римляне разбили лагерь незадолго до того, как отправились подавлять Иудейское восстание. Крестоносцы тоже отметились тут, и по тем же причинам. Вид на Старый город открывался впечатляющий, но вместе с тем тревожный. Эвакуация, особенно в палестинских районах, далась нелегко. Пожары все еще полыхали.

Мы прошли со Сью через пустой холл отеля и поднялись на верхний этаж к анфиладе смежных номеров. Здесь было расположено сердце нашей операции. Шторы сняли, и команда техников устаналивала записывающие и следящие устройства и, что еще хуже, батарею мощных обогревателей. Большинство этих людей участвовало в исследовательском проекте Сью, но лишь немногие были лично с ней знакомы. Кое-кто поспешил пожать ей руку. Сью была любезна со всеми, но выглядела явно уставшей. Моррис показал наши номера и предложил встретиться в ресторане в холле, после того как мы примем душ и переоденемся. Сью поинтересовалась, как ресторан умудрился не закрыться во время эвакуации.

— Отель находится за пределами зоны отчуждения, — ответил Моррис. — Остался только минимум персонала, который будет обслуживать нас. Все волонтеры. Им приготовили отапливаемый бункер позади кухни.

Я задержался на несколько минут в своей комнате, чтобы просто посмотреть на город, раскинувшийся, словно каменное одеяло, на Иудейских холмах. Близлежащие улицы были пусты, если не считать патрулей и редких машин

скорой помощи из больницы Хадасса в нескольких кварталах отсюда. Светофоры покачивались на ветру, словно дрожащие ангелы.

Когда мы проезжали контрольно-пропускной пункт, человек из ЦАХАЛа рассказал кое-что интересное.

— В былые времена, — говорил он, — фанатики, приходившие в Иерусалим, как правило, воображали себя Христом после второго пришествия, или Иоанном Крестителем, или первым и единственным подлинным Мессией. А в последнее время они чаще всего называли себя Куаном.

Город, чье прошлое было пропитано историей, готовился к истории и в будущем.

Сью, Моррис и Рэй ждали меня в огромном атриуме отеля. Моррис показал на пять ярусов парящих в воздухе растений и сказал:

— Зацени, Скотти, сады Семирамиды.

— Сады возводились в Вавилоне, а Вавилон находится значительно восточнее, — заметила Сью. — Но впечатляет.

В ресторане при отеле мы уселись за столик в противоположном конце от комнаты, занятой единственными посетителями — группой израильских военных обоего пола, теснившихся в красных виниловых кабинках. Наш столик обслу-

живала единственная оставшаяся официантка — пожилая женщина, говорившая с американским акцентом. Она заявила, что не собирается эвакуироваться, даже если спать придется в самом отеле:

— Меня все равно не привлекает идея разъезжать по опустевшим улицам, хотя раньше я всегда жаловалась на пробки. Основное блюдо сегодня — курица в миндале, — сказала она. — Это все. Конечно, если у вас аллергия или еще какая-нибудь проблема, можно попросить шеф-повара, и он что-нибудь придумает.

Курица так курица, а Моррис заказал нам бутылку белого вина.

Я поинтересовался планами на завтра. Он ответил:

— Помимо научной работы, у нас встреча с министром обороны Израиля во второй половине дня. Плюс фотографы и репортеры, — а потом добавил: — В этом нет смысла. Нас бы не было здесь, если бы израильское правительство уже не располагало всей информацией, которую мы можем им дать. Это просто цирковое представление для прессы. Но Рэй и Сью дадут кое-какие объяснения для обывателей.

Рэй спросил:

— Расскажем им про лед Минковского или обратную связь?

Мы с Моррисом озадаченно посмотрели на него.

Сью вмешалась:

— Не говори загадками, Рэй. Это невежливо. Моррис, Скотти, вы должны были кое-что знать об этом из сводок, которые мы готовили для Конгресса.

— Слишком серьезное чтение, — сказал Моррис.

— Мы тратим массу времени, чтобы перевести математику на человеческий язык.

— Подыскиваем метафоры, — добавил Рэй.

— Важно, чтобы люди понимали. Хотя бы в той же мере, в какой понимаем мы. А это не очень-то и много.

— Так лед Минковского? — упорствовал Рэй. — Или положительная обратная связь?

— Думаю, обратная связь.

Моррис стоял на своем:

— Я все еще не въезжаю.

Сью нахмурилась и собралась с мыслями.

— Моррис, Скотти, вы понимаете принцип обратной связи?

Половина из того, что я проделывал с кодом

Сью, предполагала повторение и самоусиление. Но сейчас она явно имела в виду не столь узкоспециальный предмет.

Я ответил:

— Что-то вроде того, что происходит в актовом зале школы, когда произносишь прощальное слово, а аппаратура начинает визжать, как свинья на скотобойне.

Она усмехнулась:

— Хороший пример. Опиши процесс, Скотти.

— Между микрофоном и динамиками стоит усилитель. В худшем случае они начинают общаться сами с собой. Если в системе есть какие-то шумы, микрофон их ловит, сигнал попадает в усилительный тракт и обратно в микрофон. Это создает петлю.

— Верно. Самый тихий звук, пойманный микрофоном, динамик делает более громким. А микрофон слышит его и снова усиливает, и так далее, пока система не начинает звенеть, как колокольчик… или визжать, как свинья.

— И это имеет отношение к Хронолитам, — кивнул Моррис, — потому что?..

— Потому что время само по себе является своего рода усилителем. Знаете старый афоризм о том, что, когда бабочка взмахнет крыльями в

Китае, на Огайо обрушится ураган? Это явление называется «чувствительной зависимостью». Часто большое событие — это всего лишь крошечное происшествие, усиленное потоком времени.

— Как во всех тех фильмах, где парень путешествует в прошлое и меняет свое собственное настоящее.

— Так или иначе, — продолжала Сью, — перед вами пример усиления. И когда Куан посылает нам монументы в честь победы, которая случится через двадцать лет, это все равно что наводить микрофон на говорящего, петля обратной связи, преднамеренно созданная петля. Усиливающая саму себя. Возможно, поэтому Хронолиты расширяют свою территорию так быстро. Каждый раз застолбив свою победу, Куан создает ожидание, что он будет победителем. И это делает победу гораздо более вероятной, даже неизбежной. А затем и следующую. И так далее.

Для меня это была не новая идея. Я пришел к такому же выводу, изучив работы Сью и домыслы желтой прессы.

— Пара вопросов, — сказал я.

— Давай.

— Во-первых, как это выглядит в глазах Куана? Как это сработало в первый раз, когда он прислал

нам Чумпхонский камень? Не изменилось ли его собственное прошлое? Теперь здесь два Куана, или как?

— Твое предположение так же вероятно, как и мое. Ты хочешь знать, есть ли у нас теория, которая все это объясняет. И да, и нет. Нам хотелось бы избежать многомерной модели мира, если возможно…

— Почему? А если это самый просто вариант?

— Потому что есть основания полагать, что он не соответствует истине. А если соответствует, то подобная вероятность очень ограничивает наши действия. Тем не менее, альтернатива…

— Альтернатива, — подхватил Рэй, — в том, что Куан каждый раз совершает своего рода самоубийство.

Официантка привезла нашу еду на тележке, покрытой белой скатертью, потом укатила пустую в сторону кухни. В противоположном конце зала люди из ЦАХАЛа заканчивали ужин, приступив к десертам. Я задавался вопросом, не впервые ли они попали в ресторан четырехзвездочного отеля. Они так сосредоточенно жевали и обменивались репликами о том, во что им обошелся бы такой стол, если бы они платили за него сами.

— Меняет того человека, каким он был, — про-

жевав, продолжила Сью. — Стирает его, заменяет его, это ведь не совсем самоубийство, правда? Представьте себе гипотетического Куана, местного военачальника из какой-нибудь глухомани, который каким-то образом завладевает подобной технологией. Он нажимает на кнопку, и вдруг он уже не просто Куан, а Куан, которого все ждали, с чисто практической точки зрения, настоящий Мессия, но для себя самого он никогда другим и не был. И хотя какая-то часть его биографии исчезла, это безболезненная потеря. Он прославился, у него есть целая армия, он пользуется доверием, перед ним прекрасное будущее. Либо так, либо место настоящего Куана занял какой-то более амбициозный человек, выросший с желанием стать Куаном. В худшем случае это своего рода смерть, но одновременно потенциальный билет к славе. А ведь вы не можете оплакивать то, чего у вас никогда не было, так ведь?

Я обдумывал ее слова.

— Все равно это слишком рискованно. Ну, проделал это один раз, но зачем снова нажимать на кнопку?

— Кто знает? Убеждения, мания величия, безрассудное тщеславие, саморазрушительный импульс. Или просто вынужденная мера перед

лицом военных переворотов. Каждый раз возможна иная причина. Но с любой точки зрения он находится ровно в центре петли обратной связи. Он сигнал, который генерирует шум.

— Так тихий звук становится громким шумом, — проговорил Моррис. — Так крошечный треск превращается в раскаты грома.

Сью с готовностью кивнула:

— Но коэффициент усиления — это не только время. Есть еще ожидания людей и их воздействие друг на друга. Камню наплевать на Куана, деревья не волнует это дерьмо, реагируем только *мы*. Мы действуем исходя из своих ожиданий, поэтому все проще и проще становится ждать всесокрушающего Куана, Куана — бога-царя. Существует соблазн — уступить, сотрудничать, идеализировать завоевателя, стать частью этого процесса, от такого почва уходит из-под ног.

— Хочешь сказать, мы сами создаем Куана?

— Не конкретно мы, а люди. Люди вообще.

Моррис заметил:

— То же самое происходило с моей женой, пока мы не развелись. Она до того ненавидела саму идею разочарования, что никак не могла от нее отделаться. И неважно было, что я делал, как успокаивал ее, сколько зарабатывал, ходил

ли в церковь каждую неделю. Это был вечный испытательный срок. «Однажды ты от меня уйдешь», — повторяла она. А если вы что-то говорите достаточно часто, оно имеет обыкновение сбываться.

Тут Моррис понял, что слишком разоткровенничался, и, покраснев, отодвинул свой бокал вина.

— Ожидание, — сказала Сью, — да, обратная связь. Точно. Вдруг Куан воплощает все то, чего мы боимся или втайне желаем…

— И что за чудище, — продекламировал я, — дождавшись часа, ползет, чтобы родиться в Вифлееме?[17]

От этой мысли словно холодом повеяло по всему залу. Даже шумная молодежь из ЦАХАЛа притихла.

— Ладно, — сказал я, — звучит не очень утешительно, но я следовал логике. А что за лед Минковского?

— Метафора другого плана. Но хватит об этом на сегодня. Подожди до завтра, Скотти. Рэй объяснит все министру обороны.

Рэй важно надулся, а Сью только грустно улыб-

---

[17] Примечания: 17
Уильям Йейтс «Второе пришествие» *(пер. с англ. Г. Кружкова)*.

нулась.

После обеда мы разошлись, и я отправился к себе в номер. Я собрался позвонить Дженис и Кейтлин, но, когда набирал номер, менеджер на ресепшене прервал меня, сообщив, что сеть перегружена и мне придется ждать своей очереди как минимум час. Так что я взял пиво из холодильника, закинул ноги на подоконник и стал наблюдать за автогонками по темным улицам зоны отчуждения. Купол Скалы, освещенный прожекторами, выглядел прочнее и почтеннее самой истории, но меньше чем через сорок восемь часов всего в нескольких милях отсюда появится монумент и выше, и эффектнее на вид.

Проснувшись в семь часов утра, я почувствовал беспокойство, но не голод. Принял душ, оделся и задумался, как далеко охрана позволит мне уйти, если я попытаюсь совершить небольшую экскурсию. Скажем, прогуляться вокруг отеля. Решил это выяснить.

У лифта меня остановил один из двух ладных фэбээровцев, разглядывавших меня безо всякого интереса:

— Куда это ты, приятель?

— Завтракать, — ответил я.

— Сначала мы должны увидеть твой бейдж.

— Бейдж?

— Никто не попадает на этаж и не уходит отсюда без бейджа.

Зачем мне какой-то вонючий бейдж? Но, видимо, все-таки он был нужен.

— А кто их раздает?

— Спроси у тех, кто привез тебя, приятель.

Что отняло совсем немного времени, поскольку следом за мной примчался Моррис Торранс, бодро пожелал доброго утра и приколол пластиковую карточку к отвороту моей рубашки.

— Я спущусь с тобой, — сказал он.

Охранники разошлись в стороны, как разъезжаются двери лифта, который они охраняли. Они кивнули Моррису, а тот, что был поспокойнее, пожелал мне хорошего дня.

— Постараюсь, — ответил я, — приятель.

— Всего лишь меры предосторожности, — объяснил Моррис, когда мы ехали вниз.

— Как и слежка за моим отцом? Или чтение моих медицинских записей?

Он пожал плечами:

— Разве Сью тебе все не объяснила?

— Кое-что. Ты ведь не просто ее телохранитель?

— Но и телохранитель тоже.

— Ты — надзиратель.

— Она не в тюрьме. Она может ходить, куда захочет.

— Пока ты знаешь, где она. Пока она под наблюдением.

— Это условие сделки, которую мы заключили, — ответил Моррис. — Так куда ты хочешь пойти, Скотти? На завтрак?

— Мне нужно немного подышать.

— Хочешь побыть туристом? Понимаешь, насколько это плохая затея?

— Считай меня любопытным.

— Ладно… Я думаю, что смогу взять автомобиль ЦАХАЛа с соответствующим допуском. Можем даже съездить в зону отчуждения, если ты этого действительно хочешь.

Я не ответил.

— Или так, или ты торчишь все время в отеле, — сказал он. — Такой расклад.

— Тебе нравится такая работа?

— Давай-ка расскажу тебе об этом, — ответил Моррис.

Он позаимствовал синий автомобиль без опознавательных знаков с общим пропуском, наклеенным на лобовом стекле, и сложной системой GPS, занимающей всю приборную панель

со стороны пассажира. Моррис поехал по улице Лехи, а я снова глазел в окно.

Был еще один дождливый день, финиковые пальмы нависали над бульварами. Днем улицы были далеко не пустынны: на больших перекрестках стояли наблюдатели из гражданской обороны, повсюду полицейские и военные патрули, и только зона отчуждения вокруг предполагаемого места прибытия была полностью эвакуирована.

Моррис поехал в Новый город и свернул на улицу Царя Давида — самое сердце закрытой территории.

Эвакуация больших городов — это больше чем просто вывоз людей, впрочем, и это происходит в едва ли контролируемых масштабах. А ведь есть еще и техническая сторона вопроса. Самый большой ущерб, который наносит Хронолит, обусловлен первоначальным ударом холода, это так называемый термальный импульс. Буквально перед самым прибытием взрываются все контейнеры с водой. Владельцам недвижимости в Иерусалиме настоятельно рекомендовали перед отъездом слить всю воду из труб, а городские власти старались спасти гидротехнические сооружения, сбросив давление в осевой зоне, хотя

это и затруднит тушение пожаров, которые неизбежно случатся, когда испаряющиеся жидкости и газы вырвутся из пробитых или испорченных холодом емкостей. Газопровод уже отключили.

Теоретически, должен быть слит каждый сливной бачок, опустошен каждый бензобак, увезен каждый баллон пропана. На самом деле без всеобъемлющей проверки каждого дома ничего нельзя было гарантировать. Поэтому непосредственно перед моментом прибытия термальный импульс мог превратить даже бутылку молока в смертоносное взрывное устройство.

Я молчал, пока мы ехали мимо контор с окнами, закрытыми жалюзи и заклеенными полосами скотча, темных небоскребов и тихого, словно труп, отеля «Царь Давид».

— Пустой город — это противоестественно, — сказал Моррис. — Даже жутко — если ты понимаешь, о чем я.

Он притормозил на КПП и помахал солдатам, когда те заметили его наклейки.

— Знаешь, Скотти, мне на самом деле не доставляет никакого удовольствия сторожить тебя и Сью.

— Меня это должно утешить?

— Я просто поддерживаю разговор. Но ты дол-

жен признать, во всем этом есть смысл. Есть своя логика.

— Неужели?

— Тебе ведь прочитали целую лекцию.

— Все дело в совпадениях? В том, что Сью называет тау-турбулентностью? Не уверен, что всему этому стоит верить.

— Стоит, — ответил Моррис. — А также тому, как на это смотрит Конгресс и Администрация президента. Два реальных факта о Хронолитах. Первый: никто понятия не имеет, как они сделаны. Второй: знание об этом зарождается где-то прямо сейчас, пока мы разговариваем. Поэтому мы предоставляем Сью и людям вроде нее средства выяснить, как построить такую штуку, но, возможно, такая тактика *ошибочна* — и мы выпускаем знание на свободу, оно может попасть не в те руки, и, возможно, ничего бы этого не случилось, не открой мы первыми ящик Пандоры.

— Закольцованная логика.

— И поэтому она неправильная? Учитывая ситуацию, в которой мы находимся, ты хочешь исключить такую возможность только потому, что она не укладывается в красивый силлогизм?

Я пожал плечами.

Он добавил:

— Я не собираюсь извиняться за то, каким образом мы копались в твоем прошлом. Это одна из вещей, которые всегда делаются в условиях чрезвычайного положения. Вместе с мобилизацией людей или подготовкой запасов еды.

— Не знал, что я мобилизован.

— Попробуй относиться к этому именно так.

— Потому что я учился у Сью Чопра? Потому что оказался на пляже в Чумпхоне?

— Скорее, потому что мы связаны одной нитью, которую пока не можем увидеть.

— Как… поэтично.

Несколько минут мы ехали молча. Солнце проглядывало сквозь прорехи в облаках, лучи света блуждали по Иерусалимским холмам.

— Скотти, я человек здравомыслящий. Во всяком случае, мне нравится так думать. Я до сих пор хожу в церковь по воскресеньям. Работа в ФБР не делает из человека монстра. Ты знаешь, что такое современное ФБР? Это не игра в «полицейские и воры», темные плащи и прочее дерьмо. Я двадцать лет занимался канцелярской работой в Куантико. Я — квалифицированный стрелок, но ни разу не спускал курок во время полицейской операции. Мы не такие уж и разные, ты и я.

— Ты меня не знаешь, Моррис.

— Ладно, ты прав, я преувеличиваю, но давай примем как данность, что оба мы нормальные люди. Самое сверхъестественное, во что лично я верю, это то, о чем я прочитал в Библии, да и верю-то один день из семи. Все считают меня рассудительным. Даже скучным. А ты считаешь меня скучным?

Я пропустил это мимо ушей.

Он продолжал:

— Но мне снятся сны, Скотти. В первый раз я увидел Чумпхон по телеку в Вашингтоне, но, что удивительно, я его узнал. Потому что видел раньше. Во сне. Ничего конкретного, ничего пророческого, ничего такого, что убедило бы кого-то. Но как только я его увидел, сразу понял, что это станет частью моей жизни, — он смотрел прямо перед собой. — Хорошо бы, чтобы завтра к вечеру облака рассеялись. Будет проще наблюдать.

— Моррис, — подал я голос, — и я должен тебе поверить?

— Зачем мне врать тебе?

— А почему нет?

— Почему нет? Ну, может, потому, что я тебя тоже узнал, Скотти. В смысле, я видел тебя во сне. Узнал сразу, как только увидел. Тебя и Сью, обоих.

Глава девятая

Когда я оглядываюсь назад, мне начинает казаться, что я слишком много говорю о себе и слишком мало о Сью Чопра. Но я могу рассказать только свою собственную историю, то, что пережил сам. Думаю, Сью была слишком занята своей работой и не замечала, что к ней относятся как к ребенку, находящемуся под опекой государства. То, что она смирилась с таким положением вещей, беспокоило меня. Вероятно потому, что я сам сталкивался с этими ограничениями и пожинал те же плоды. У меня был доступ к лучшим и новейшим процессорным платформам, к эксклюзивным инкубаторам кодов. Но в то же время я стал объектом пристального наблюдения, даже пожертвовал образцы ДНК и мочи ради молодой науки о тау-турбулентности.

Я пообещал себе, что буду терпеть все это, пока не оплачу большую часть операции, которая нужна Кейтлин. А потом возможно что угодно. Если марш Хронолитов продолжится и кризис будет усугубляться, я хотел бы быть дома, рядом с дочерью.

Что касается Кейт… Максимум, что я мог для

нее сейчас сделать — это поддержать эмоционально и утешить, если отношения с Уитом испортятся, быть дублером отца. И у меня было чувство, можеть быть такое же сильное и необъяснимое, как сны Морриса, что рано или поздно я ей понадоблюсь.

Мы находились в Иерусалиме, где Хронолит извещал о своем прибытии повышением радиационного фона, как извержению вулкана предшествует подземный грохот. «А не наблюдались ли здесь, — думал я, — заодно и предостерегающие всплески тау-турбулентности, что бы это ни значило? Странные ощущения, витающие в воздухе, фрактальный каскад совпадений? И если так, можно ли было их уловить? Дать им объяснение?»

Когда я проснулся в четверг утром, до расчетного времени прибытия оставалось меньше пятнадцати часов. В этот день весь наш этаж изолировали, не пропуская никого, кроме техников, сновавших между мониторами внутри и рядами антенн на крыше. По всей видимости, поступали угрозы от анонимных радикальных группировок. Еду доставляли из гостиничной кухни строго по графику.

Сам город излучал тишину и спокойствие под

пыльным бирюзовым небом. После обеда прибыл министр обороны Израиля для короткой фотосъемки. Два фотографа из пресс-пула, три младших военных советника, а также несколько членов кабинета министров последовали за ним в техническую комнату. Парни из прессы таскали камеры на плечах. Министр обороны, лысый мужчина в хаки, выслушал Сью, которая рассказала про разведывательную аппаратуру, и уделил положенное внимание путаным объяснениям Рэя Моузли о льде Минковского — довольно неуклюжая метафора, на мой вкус.

Минковский — физик двадцатого века, который утверждал, что Вселенную можно представить в виде четырехмерного куба. Любое событие может быть описано, как точка в четырехмерном пространстве; сумма этих точек и есть Вселенная: прошлое, настоящее и будущее.

— Попробуйте представить куб Минковского, — объяснял Рэй, — как глыбу воды, которая замерзает (вопреки нашим представлениям) снизу вверх. Процесс заморозки отражает наши представления о ходе времени. Замерзшая часть — это прошлое, незыблемое и неизменное. Жидкая — будущее, изменчивое и неопределенное. Мы живем на границе кристаллизации. Чтобы

попасть в прошлое, вам придется разрушать (или, предположим, *растопить*) всю Вселенную. Очевидный абсурд: какая сила могла бы отмотать назад жизнь планет, разбудить мертвые звезды, растворить младенцев в утробе? Однако Куан проделал не это, хотя и то, что ему удалось, вызывает изумление. Хронолит, — продолжал Рэй, — это словно горячая игла, вбитая в лед Минковского. Эффект поразительный, но строго локальный. Для Чумпхона, Таиланда, Азии, а возможно, в конечном итоге и для всего мира, это имело странные и парадоксальные последствия. Но луны это никак не коснулось, кометы двигаются по своим орбитам, звезды равнодушно взирают. Лед Минковского кристаллизуется снова вокруг остывающей иглы, и время течет как и прежде, слегка поврежденное, но в сущности не изменившееся.

Министр обороны реагировал на услышанное с едва скрываемым скепсисом — как мулла на приеме в Ватикане. Он задал несколько вопросов, восхитился взрывобезопасными стеклами, которыми заменили гостиничные окна, и одобрительно отозвался о самоотверженности мужчин и женщин, обслуживавших аппаратуру. Он высказал надежду, что мы все узнаем что-то

полезное в ближайшие часы, если, не дай Бог, предсказанная трагедия действительно случится. Потом его проводили наверх, чтобы взглянуть на ряды антенн, и фотографы потянулись следом, отхлебывая кофе из бумажных стаканчиков.

Все это, конечно, будет отредактировано для публики, чтобы продемонстрировать спокойствие властей перед лицом кризиса. Незаметно и неотвратимо лед Минковского таял. Линии отеля были перегружены нашей широкополосной системой обмена данных, но я тогда все-таки принял один звонок: Дженис сообщила, что мой отец умер во сне.

Снегопад в тот день занес почти весь Мэриленд, выпало около шести дюймов снежной пыли. У отца был медицинский маячок, передававший сигнал тревоги, когда у него начинало болеть сердце, но к тому моменту, когда приехала скорая помощь, помочь ему уже было нельзя.

Дженис предложила все устроить, пока я за границей (других родственников у отца больше не было). Я согласился и поблагодарил ее.

— Мне очень жаль, Скотт, — добавила она. — Знаю, он был непростым человеком. Но мне очень жаль.

Я попытался осмыслить эту утрату.

И в то же время поймал себя на мысли о том, каких новых травм он избежал, дезертировав из истории именно в этот момент, какую дань он теперь может не платить.

Уже начинало темнеть, когда Моррис постучал в мою дверь и проводил меня обратно в техническую комнату, залитую голубым светом мониторов. Как наблюдателей, нас с ним оттеснили в дальний угол, чтобы мы не путались под ногами. В комнате было жарко и душно, переносные обогреватели грели вовсю. Одетые как на Северный полюс техники потели за своими пультами.

Снаружи в безоблачном небе сгустилась чернильная тьма. В городе было сверхъестественно тихо.

— Уже недолго, — прошептал Моррис.

Впервые прибытие Хронолита предсказывалось хоть с какой-то точностью, но расчеты были все еще приблизительными.

Сью, проходя мимо, предупредила:

— Будьте начеку.

— А если ничего не произойдет? — спросил Моррис.

— Тогда «Ликуд» проигрывает выборы. А нам перестанут доверять.

Текли минуты. Тем из нас, кто не надел защитную спецодежду, раздали стеганые куртки. Из полумрака снова высунулся Моррис, мокрый от пота и очень возбужденный.

— Наиболее вероятное место прибытия — деловой район. Интересный выбор. Старый город и Храмовая гора остаются в стороне.

— Куин как Цезарь, — заметил я. — Пока вы преклоняетесь перед завоевателем, молитесь любым богам, каким пожелаете.

— Не в первый раз для Иерусалима.

Но, возможно, в последний. Хронолит вновь разжег все апокалиптические страхи, которые в XX веке вызывало ядерное оружие: было ощущение, что новая технология уже подняла ставки в конфликте, что тысячелетний парад восходящих и закатывающихся империй вошел в финальную стадию. В которую в эти минуты было очень легко поверить. Долина Мегиддо, в конце концов, находилась всего в нескольких милях отсюда.

Нам напомнили, что куртки нужно плотно застегнуть, несмотря на жару. Сью хотела, чтобы в комнате стояла максимально высокая температура, которую мы сможем вытерпеть, — наш буфер против термального удара.

Благодаря тщательному анализу предыдущих

прибытий мы имели представление о том, чего ожидать. Хронолит не вытесняет воздух и почву из того места, где появляется, он трансформирует материю и включает в свою структуру. Ударная волна — результат явления, которое Сью окрестила «радиантным охлаждением». В нескольких ярдах от камня Куана сам воздух начнет сгущаться, твердеть и опускаться на землю. За доли секунды с воздухом, хлынувшим заполнить пустоту, произойдет то же самое. В нескольких метрах от камня в атмосфере начнут замерзать слой за слоем составляющие ее газы — кислород, азот и углекислый газ. Водяной пар оседает на гораздо более обширном пространстве.

Грунтовые воды вызовут то же явление в почве и горных породах — трескающийся камень и разбегающаяся вокруг наземная ударная волна.

Потоки охлажденного воздуха создадут конвективные ячейки: сильный ветер у поверхности земли и непредсказуемые всепроникающие туманы на мили вокруг.

Именно поэтому никто не возражал против иссушающей жары в герметичной комнате.

Техники в белом, в большинстве своем аспиранты, бравшие студенческий кредит, обслуживали ряд терминалов, установленных перед

окнами. Поступление телеметрии обеспечивали ряды антенн на крыше или удаленные датчики, расположенные ближе к зоне приземления. Периодически технари выкрикивали числа, которые для меня ничего не значили. Но напряжение явно росло. Сью расхаживала среди этих энергичных молодых ребят, словно нетерпеливая мамаша.

Она остановилась перед нами, похрустывая новыми джинсами и белой блузкой.

— Показатели фона ползут вверх, — сказала она, — по очень резкой кривой. Это что-то вроде двухминутного предупреждения, парни.

Моррис спросил:

— Может, нужны очки или что-то типа того?

— Это не водородная бомба, Моррис. Вас не ослепит.

И она отвернулась.

Одна из техников — молодая блондинка, которая выглядела ненамного старше Кейтлин, — поднялась и подошла к Сью с умоляющей улыбкой. Сотрудники безопасности ЦАХАЛ впились в девушку глазами. Как и Моррис.

Она выглядела ошеломленной и, казалось, плохо владела собой. После некоторого колебания почти детским, трогательным жестом она потянулась к Сью и взяла ее за руку.

— Кэсси? Что такое? — спросила та.

— Я хотела сказать… спасибо, — застенчиво, но с воодушевлением произнесла Кэсси.

Сью нахмурилась:

— Пожалуйста, только… за что?

Но девушка только склонила голову и попятилась, как будто мысль вылетела у нее из головы так же быстро, как пришла. Она прикрыла рот ладошкой:

— Ой! Простите. Я только… Я просто почувствовала, что должна это сказать. Не знаю, о чем я думала…

Она покраснела.

— Лучше оставайся на месте, — мягко заметила Сью.

Мы уже погрузились в зону тау-турбулентности. В жаркой комнате воздух был наэлектризован. За окнами содрогнулся центр города, залитый внезапным сиянием.

Все произошло за считаные мгновения, но время стало эластичным; мы проживали секунды так, словно они были минутами. Признаюсь, что я испугался.

Неожиданный свет, возникший в момент прибытия, окутал город мерцающей завесой, которая быстро меняла цвет: сине-зеленый перетекал в

красный и фиолетовый и наполнял нашу комнату зловещими тенями.

— 1907 минут, — произнесла Сью, сверившись с часами. — Отметим.

— Уже похолодало, — сказал мне Моррис. — Заметил?

Чувствовалось, что температура в комнате упала на несколько градусов. Я кивнул.

Один из солдат ЦАХАЛа нервно встал с места, теребя свое оружие. Быстро вспыхнув, свет так же стремительно начал угасать.

А потом…

А потом мы внезапно увидели, что Хронолит уже прибыл.

Он молниеносно возник в нашей реальности, нависая над Куполом Скалы, выше холмов, гротескно огромный, белый ото льда под хрупким диском луны.

— Приземлился! — объявил кто-то за пультом. — Рассеянное излучение слабеет. Температура снаружи опускается…

— Держитесь, — сказала Сью.

Ударная волна сотрясла оконные стекла и взревела, словно гром. Почти сразу Хронолит исчез в белом вихре, термальный удар выдавил влагу из атмосферы. На несколько миль вокруг

нас из-за перепада температур ломался бетон, трескалось дерево и, конечно, погибало все живое, что на свою беду забрело в зону отчуждения. (Их оказалось немного: несколько кошек, собак, паломников и скептиков.)

Белая волна вырвалась из основого вихря, мороз побежал по Иудейским холмам, словно пожар, городские огни погасли, когда в трансформаторах, фонтанируя искрами, начались замыкания. Облако поглотило отель, от резкого сильного ветра дребезжали стекла. Внезапно в комнате стало темно, датчики на пультах мерцали, как звезды, отраженные в воде.

— Чертовски холодно, — пробормотал Моррис.

Я обхватил себя за плечи и заметил, как это же движение повторила Сью Чопра, отворачиваясь от окна. Солдат, вставший с места несколько минут назад, поднял вверх автомат. Он кричал что-то — но в шуме урагана было не разобрать. А потом начал стрелять по темной комнате.

Стрелка звали Аарон Вайцак.

Я знаю о нем лишь то, что прочел на следующий день в газетах. Может быть, мир можно было бы спасти от горя, знай мы заранее заголовки завтрашних газет?

А может быть, и нет.

Аарон Вайцак родился в Кливленде, штат Огайо, эмигрировал в Израиль вместе со своей семьей в 2011 году. Он провел детство в пригороде Тель-Авива и еще до призыва на службу в 2020-м заигрывал с несколькими радикальными организациями. Вайцака ненадолго задержали во время беспорядков на Храмовой горе в 2025-м, но обвинений не предъявили. Однако его досье в ЦАХАЛе было безупречным, он действовал очень осторожно, скрывая от начальства, что связан с экстремистской группой куаннистов, называвшей себя «Объятия Будущего».

Он был если и не психом, то неуравновешенным. Мотивы его остались непонятны. Он успел сделать лишь несколько выстрелов, прежде чем другой солдат израильской армии — женщина по имени Лия Агнон — срезала его короткой автоматной очередью.

Вайцак скончался от ран почти мгновенно. Но в комнате он оказался не единственной жертвой.

Я часто думал, что поступок Аарона Вайцака был не менее зловещим предвестником, чем прибытие камня Куана в Иерусалим — в своем роде более точным символом грядущих событий.

Последний выстрел винтовки Вайцака разбил одно из якобы взрывобезопасных (но, видимо, не

пуленепробиваемых) окон, которое обрушилось градом серебристых осколков. Холодный ветер и густой туман ворвались в комнату. Я поднялся, оглушенный выстрелами, глупо моргая. Моррис вскочил с кресла, кинулся к Сью Чопра, которая упала на пол, и накрыл ее своим телом. Никто из нас не понимал, закончилось нападение или только началось. Я не мог разглядеть Сью под тушей Морриса, не знал, ранена ли она, но кровь была повсюду — кровь Вайцака везде на обоях и кровь молодых техников, забрызгавшая клавиатуры. Я сделал вдох и начал снова слышать звуки — вопли людей, вой ветра. Мелкие крупинки льда шрапнелью пролетали по комнате, запущенные невероятно резким скачком температур, захлестнувшим город.

Военнослужащие ЦАХАЛа окружили упавшего Вайцака, нацелив винтовки в его неподвижное тело. Команда ФБР рассредоточилась, обеспечивая безопасность, а некоторые из аспирантов Сью склонились над своими товарищами, пытаясь оказать первую помощь. Раздавались крики о помощи, и мне показалось, что я слышу среди них голос Морриса. В комнате находился медик, но даже если его не ранили, то он был в шоке.

Я пригнулся и пополз к Моррису. Он скатился

со Сью и бережно придерживал руками ее голову. Она была ранена. Кровь заливала ковер, из-за лютого мороза от красных капель шел пар. Моррис взглянул на меня.

— Ничего серьезного, — проговорил он, старательно выговаривая слова, чтобы перекричать вой ветра. — Помоги вытащить ее в коридор.

– *Нет!* — Сью рванулась вверх, опираясь на него, и я увидел кровавую рану в том месте, где ее джинсы разорвало то ли пулей, то ли шрапнелью, кровоточащее месиво на правом бедре. Но если это единственная рана, то Моррис прав, опасность ей не грозила.

— Мы сейчас поможем тебе, — твердо сказал Моррис.

— Тут столько раненых! — ее взгляд метнулся к терминалам, к ее студентам и техникам, парализованным ужасом или тяжело осевшим в своих креслах. — Боже мой… Кэсси!

Кэсси, этой миловидной аспирантке, в перестрелке снесло половину черепа. Сью закрыла глаза, мы вытащили ее из холода, Моррис тут же позвонил куда-то по сотовому, а я зажимал ладонью рану на ноге Сью.

В это время машины скорой помощи уже выехали из больницы Хадасса, скользя по корке

льда, который все еще облеплял улицу Лехи.

Сортировку раненых медики проводили прямо в холле, где вместо разбитых окон повесили термоодеяла и подключили обогреватели к генераторам отеля. Один из врачей наложил Сью давящую повязку и направлял прибывавших врачей на помощь тем, кто пострадал сильнее; кого-то уже перенесли вниз, кто-то остался наверху, не в силах двигаться. Военные и полиция оцепили здание, отовсюду доносился вой сирен.

— Она умерла, — мрачно произнесла Сью.

Это о Кэсси, конечно.

— Она умерла… Скотти, ты же ее видел. Двадцать лет. Диплом Массачусетского технологического. Милый и славный ребенок. Она поблагодарила меня, а потом ее убили. Что это значит? Значит ли это хоть что-нибудь?

На улице с карнизов и крыши отеля падал лед и разбивался о тротуар. Лунный свет проникал сквозь прозрачные белые осколки и очерчивал наметившиеся контуры Иерусалимского Куана.

Иерусалимский Куан: четырехгранный столп в форме трона, на котором сидит фигура Куана.

Его спокойный взгляд устремлен мимо разрушенной мечети Купол Скалы, он вглядывается в

Иудейскую пустыню. Одет в крестьянскую рубаху и штаны. Голову обвивает лента, которую можно принять за скромную корону, украшенную полумесяцами и лавровыми листьями. У него церемонное и величественное лицо с неопределенными чертами.

Необъятное основание монумента погрузилось в землю на глубину руин площади Сиона. Вершина достигает высоты четырнадцать сотен футов.

Часть вторая
Потерянные дети

Глава десятая

О чем я думаю сейчас — вы уж простите старика, забегающего вперед в своих воспоминаниях, — так это о том, каким странным должно было казаться появление Хронолитов тому поколению, чья молодость пришлась на годы после распада Советского Союза, поколению моего отца, хотя он и не дожил до самого худшего.

Это было поколение, которое наблюдало за диктатурами третьего мира скорее с раздражением, чем с возмущением, они относились к помпезным дворцам и памятникам как к позорному пережитку прошлого, как к домам с привидениями, готовым рухнуть под натиском ветров Никкеи и НАСДАКа.

Появление Куана застало это поколение врасплох. Угрозу они восприняли всерьез, но остались глухи к его привлекательности. Они могли представить себе миллионы голодных азиатов, присягающих на верность Куану. Это хоть как-то было похоже на правду. Но когда их начинали презирать собственные дети и внуки, их уверенность испарялась.

Защиту они искали, по большей части, в ору-

жии. В памятниках Куану можно было, конечно, видеть нечто мистическое, но в конечном итоге они предрекали и увековечивали именно военные победы, а хорошо защищенный народ нельзя завоевать. Или, по крайней мере, ход мысли был именно такой.

События в Иерусалиме вызвали новый всплеск правительственных инвестиций: в исследования, спутники слежения, новое поколение беспилотников-перехватчиков, «умные» мины, боевых и обслуживающих дронов. В 2029-м вновь ввели военный призыв, и регулярная армия выросла на полмиллиона человек. (Что помогло скрыть спад в экономике, который последовал за водным кризисом, обвалом азиатской торговли и началом многолетнего бедствия в бассейне Атчафалайа[18].)

Мы сбросили бы бомбы на Куана еще в начале его пути, если бы кто-то смог его найти. Но юг Китая и большая часть Юго-Восточной Азии находились в состоянии анархии, превратились в места, где полевые командиры на бронированных вездеходах запугивали голодающих крестьян. Любой из этих локальных тиранов

[18] Примечания: 18

Бассейн Атчафалайа — заболоченная местность на юге Луизианы. Крупнейший водоболотный комплекс Соединенных Штатов.

— или все они вместе — мог оказаться Куаном. Многие из них так и утверждали. Но, вероятно, ни один им не был. Нельзя было даже уверенно утверждать, что Куан — китаец. Он мог появиться где угодно.

Теперь уже очевидно (но тогда не было), что Куан был опасен именно потому, что не объявлялся лично. У него не было никакой политической платформы, кроме завоеваний, никакой идеологии, кроме окончательной победы. Ничего не обещая, он обещал все. Обездоленные, бесправные и просто несчастные — все чувствовали с ним солидарность, все тянулись к Куану. Куану, который сровнял бы горы и поднял равнины. Куану, который говорил от их имени, чего никто другой не делал.

Для поколения, следующего за моим, Куан стал символом радикального обновления, свержения устаревших властных структур и прихода силы столь же холодной и безжалостно современной, как сами Хронолиты.

Короче говоря, он отнял у нас наших детей.

Когда мне позвонили насчет Кейт (звонила Дженис, она не стала включать монитор, чтобы я не видел ее слез), я понял, что придется покинуть Балтимор, и сделать это нужно без Морриса

Торранса, сидевшего у меня на хвосте в семи штатах.

Это будет нелегко, но проще, чем до Иерусалима. До Иерусалима Сью Чопра контролировала исследования Хронолитов с великодушного разрешения властей. Сью лишилась этого преимущества, скомпрометировав себя сама — она сосредоточилась на чисто теоретических аспектах в изучении Хронолитов, она была одержима математической стороной тау-турбулентности, а не практическими вопросами распознавания и обороны; ее появление в Конгрессе в июне 28-го закончилось катастрофой. В ходе публичных слушаний она отказалась всерьез рассматривать домыслы сенатора Лазара о том, что Хронолит Иерусалима может быть знаком конца света. (Она обозвала сенатора «неучем», а идею надвигающегося Апокалипсиса «нелепым мифом, подстегивающим именно те процессы, которые мы изо всех сил пытаемся сдерживать». Лазар, бывший республиканец, ставший политической проституткой, называл Сью «атеисткой в башне из слоновой кости», которую надо «отлучить от федеральной кормушки».)

Она, конечно, была слишком ценным кадром, чтобы полностью ее отстранить. Но она переста-

ла быть центральной фигурой в координации всех исследований Хронолитов. К ней уже не было приковано общественное внимание. Она оставалась главным национальным экспертом по феномену тау-турбулентности, но перестала быть его символом.

Одно было хорошо — теперь ФБР гораздо меньше интересовалось такой мелкой рыбешкой, как я, даже если мое досье по-прежнему томилось в цифровых катакомбах заведения Эдгара Гувера.

Моррис Торранс подал в отставку, отказавшись принять новое назначение. Он был верующим. Верил в божественность Иисуса Христа, праведность Суламифь Чопра и правдивость своих снов. В эпоху Хронолитов такие превращения стали нередки. Думаю, он тоже был немного влюблен в Сью, хотя (в отличие от Рэя Моузли) у него никогда не было иллюзий относительно ее сексуальных предпочтений. Он оставался ее телохранителем и начальником службы безопасности, получая жалованье, которое было лишь малой частью прежнего оклада.

Оба — и Сью, и Моррис — хотели, чтобы я держался поближе к проекту. Сью — потому что я участвовал в разработке ее развивающейся модели значимых совпадений; Моррис — потому

что считал, что для Сью это было важно. Я мог бы поспорить, что законных оснований удерживать меня у них больше нет. Моррис — теперь гражданское лицо. Однако я не сомневался, что он повиснет на хвосте, если я заявлю, что собираюсь уехать. Может быть, даже потянет за нужные ниточки, чтобы заставить меня остаться. Моррис симпатизировал мне, в своей осторожной манере, но по-настоящему верен он был только Сью.

Сью тем временем пыталась восстановить раздробленный проект «Хронолит» в виде сетевого кружка, делясь данными Министерства обороны, которые еще не были засекречены, углубляя и расширяя математический аппарат тау-турбулентности. В феврале 2031 года она лишилась стипендии Департамента энергетики и была вынуждена в очередной раз искать финансирование, в то время как деньги обильной рекой текли в гламурные программы, вроде стэнфордского коллайдера лазерных гамма-лучей и «Группы экзотической материи», работавшей в Чикаго.

Утро я провел, подчищая код, который для нее разработал, коротенькую программу, которая разойдется по миру в поисках узлов релевантных совпадений, имеющих отношение к нашему делу, следуя алгоритму сортировки существительных,

который Сью сама состряпала. Моррис то и дело входил и выходил из офиса, за последнее время он как-то похудел. И постарел. Но не утратил своей несокрушимой жизнерадостности.

Сью сидела в своем кабинете, я подошел и постучался, предупреждая, что ухожу. Имелось в виду обедать, но она, наверное, почувствовала что-то в моем голосе.

— Ты надолго? И далеко ты собрался, Скотти?

— Недалеко.

— Ты ведь знаешь, что мы не закончили.

Наверное, она имела в виду программу, над которой мы работали, но я в этом сомневался.

Рана у Сью на ноге затянулась много лет назад, но испытания, пережитые в Иерусалиме, оставили другие шрамы. Однажды она призналась мне, что именно в Иерусалиме она ясно поняла, насколько опасна ее работа — находясь в эпицентре тау-турбулентности, она подвергала риску не только себя, но людей вокруг.

— Но я думаю, что это неизбежно, — сказала она с сожалением, — и это хуже всего. Если долго стоять на путях, рано или поздно столкнешься с поездом.

Я ответил, что закончу работу после обеда. Она смерила меня долгим скептическим взглядом:

— Хочешь мне еще что-нибудь сказать?

— Не сейчас.

— Мы еще поговорим, — пообещала она.

Как и большинство ее пророчеств, это тоже сбылось.

Моррис предложил составить мне компанию, но я ответил, что мне нужно выполнить пару поручений и, скорее всего, я просто перекушу сэндвичем по дороге. Если он что-то и заподозрил, то вида не подал.

Я закрыл счет в Цюрихском Американском, перевел большую часть суммы на транзитную карту и забрал остальное старомодными зелеными бумажками. Еще какое-то время покружил по улицам, чтобы убедиться, что Моррис не сидит у меня на хвосте, хотя это было маловероятно. Скорее всего, он подкинул маячок мне в машину. Поэтому я заехал в салон «Крайслер» в центре города, чтобы поменять автомобиль, но ничего из имевшегося в наличии мне не понравилось, и я спросил у продавщицы, не будет ли она против, если я выберу другую марку?

— Конечно, — ответила она, добавив, что с удовольствием проведет меня по виртуальному складу в служебном помещении.

Поколебавшись, я выбрал курносый «Фолькс-

ваген Эдисон» пыльно-голубого цвета, наверное, самый неприметный на вид автомобиль из когда-либо сделанных, оставил свой «Крайслер» на стоянке и любезно согласился немного покататься по городу. Вблизи «Фольксваген» выглядел еще более потрепанным, чем его голографическая модель, но, насколько я мог судить, движок был надежным и чистым.

Конечно, вся эта любительская шпионская ерунда оставила электронный след шириной с Миссури. Моррис Торранс, разумеется, мог бы легко связать одно с другим и выследить меня, но не так быстро, чтобы удержать в Балтиморе. К концу дня, двигаясь на запад, я проехал двести миль, гнал с открытыми окнами сквозь теплый июньский вечер и закидывался антацидами, чтобы унять бурчащий живот.

В том месте, где шоссе пересекало Огайо, стоял большой сортировочный лагерь, около тысячи потертых холщевых палаток колыхалось на весеннем ветру, в дюжинах железных бочек лихорадочно бился огонь. Большинство людей здесь были беженцы из долин Луизианы, трудяги с нефтеперерабатывающих и нефтехимических заводов, оставшиеся без работы, фермеры с затопленных земель. Несмотря на все усилия

инженерного корпуса армии США, затвердевшая глина бассейна Атчафалайа начала в конце концов вытеснять воды Миссисипи из ее илистой дельты. Более миллиона семей переселилось этой весной из-за наводнений, не говоря уже о том, какой хаос начался, когда стали рушиться мосты и шлюзы, а дороги затопило грязью.

Изможденные люди выстроились по обеим сторонам дороги, пытаясь поймать попутку и уехать. Автостоп тут запретили пятьдесят лет назад, и попутчиков подбирали очень редко. Но этим людям (почти сплошь мужчинам) было уже все равно. Они стояли неподвижно, как пугала, и только щурились от света фар.

Я надеялся, что Кейт переночует в безопасном месте.

Доехав до окраин Миннеаполиса, я зарегистрировался в мотеле. Портье, похожий на старую черепаху, выпучил глаза, когда я достал из бумажника наличные.

— Мне придется идти с этим в банк, — заявил он.

Так что я накинул полсотни за беспокойство, и он был так любезен, что не стал обрабатывать мои личные данные. В номере, который мне достался, был закуток с кроватью, бесплатный

терминал и окно с видом на парковку.

Мне отчаянно хотелось спать, но прежде нужно было поговорить с Дженис.

На звонок ответил Уит.

— Скотт, — сказал он приветливо, но не без радости в голосе, да и выглядел так, будто ему тоже не мешало выспаться. — Ты, наверное, звонишь по поводу Кейтлин. К сожалению, новой информации нет. В полиции считают, что она до сих пор в городе, так что есть повод для некоторого оптимизма. Само собой, делаем все возможное.

— Спасибо, Уит, но сейчас мне нужно поговорить с Дженис.

— Уже поздно. Терпеть не могу ее беспокоить.

— Я быстро.

— Хорошо, — ответил Уит и отошел от терминала.

Через несколько секунд появилась Дженис, на ней была ночная рубашка, но сна ни в одном глазу.

— Скотти, — сказала она, — я пыталась дозвониться тебе, но никого не было дома.

— Все в порядке. Я в городе. Мы можем встретиться завтра и поговорить обо всем?

— Ты в городе? Тебе не обязательно было так далеко ехать.

— А по-моему, обязательно. Уделишь мне часок? Я зайду или…

— Нет, — ответила она, — я сама встречусь с тобой. Где ты остановился?

— Здесь мне бы не хотелось. Как насчет того маленького стейк-хауса в Дукейне, ты помнишь?

— Думаю, он по-прежнему работает.

— Давай в 12?

— Договорились.

— Постарайся поспать, — сказал я.

— Ты тоже, — она запнулась. — Уже четыре дня, Скотти. И четыре ночи. Я думаю о ней постоянно.

— Мы поговорим об этом завтра, — ответил я.

Глава одиннадцатая

Это большая разница — видеть человека на экране телефона и встречаться с ним в реальности. За последние пару месяцев я звонил Дженис раз шесть, но едва узнал ее, когда она вошла в двери стейк-хауса.

Думаю, больше всего ее изменило сочетание достатка и страха.

Несмотря на экономический кризис, Уит преуспевал. На Дженис был явно дорогой твидовый костюм синего цвета и куртка, но вид у нее был такой, словно эти вещи она выхватила из шкафа не глядя — воротник помят, карманы расстегнуты. Глаза у нее покраснели и опухли, под глазами — серые мешки.

Мы обнялись — приветливо, но без особой теплоты. Она села на стул напротив.

— Никаких новостей, — сказала она и коснулась сумочки, где, без сомнения, лежал ее телефон. — Полицейские обещали позвонить, если что-то выяснится.

Она заказала салат, но к еде не притронулась, зато «маргариту» пила даже слишком жадно. Неплохо было бы поговорить о чем-то другом, но

мы оба понимали, ради чего мы тут.

— Хочу еще раз помочь тебе пройти через все трудности, — произнес я. — Ты согласишься?

— Да, — ответила она. — Я не против, но, Скотт, ты должен рассказать мне, что собираешься делать.

— Что я собираюсь делать?

— Ну… со всем этим. Потому что сейчас все в руках полиции, и если ты подключишься слишком рьяно, могут возникнуть проблемы.

— Я ее отец. И думаю, что имею право знать.

— Знать, да, конечно. Но не вмешиваться.

— Я не собираюсь вмешиваться.

Она вымученно улыбнулась:

— Почему я не могу в это поверить?

Я начал было расспрашивать ее, но Дженис прервала:

— Нет, подожди минуту. Хочу отдать тебе кое-что.

Она вынула из сумочки большой конверт и передала его мне. Внутри оказалась недавняя фотография Кейтлин. Дженис отпечатала снимок на мелованной бумаге, он вышел четким и рельефным.

В свои шестнадцать Кейт была довольно высокой и несомненно хорошенькой. Судьба избавила

ее от проклятия подростковых прыщей и, судя по невозмутимому выражению лица, заодно и от подростковой неуклюжести. Вид у нее был несколько угрюмый, но здоровый.

Я не сразу понял, что необычного было в этом снимке. Потом сообразил: ее волосы. Кейт заплела свои темно-русые волосы в косу, открыв уши.

Оба уха.

— Это ты подарил ей, Скотт. И я хотела поблагодарить тебя.

Разумеется, протеза внутреннего уха не было видно, но и пластические хирурги поработали безупречно. Как и положено. Это было не искусственное ухо, генетически это был ее орган, выращенный из ее собственных стволовых клеток. Не осталось никаких шрамов, кроме едва приметной линии шва. Но еще много лет после операции она испытывала неловкость.

— Знаешь, когда сняли бинты, оно было еще пунцовым, но чудесным. Словно свежая роза.

Я был рядом во время операции, но не присутствовал на «торжественном открытии». Оно совпало с кризисом, вызванным прибытием в Дамаск, и я тогда был там вместе со Сью. Дженис продолжала:

— Я сказала ей, что она красавица, — прямо

там, в больнице, в присутствии врача и медсестер. Она повела головой, словно не понимала, откуда доносится мой голос. Нужно время, чтобы приспособиться. Знаешь, что она мне сказала?

— Что?

Одинокая слезинка скатилась по щеке Дженис:

— Она сказала: «Не нужно так кричать».

Проблемы начались, рассказывала Дженис, когда Кейтлин не вернулась домой после собрания молодежной группы.

— Что еще за молодежная группа?

— Всего лишь… ну… — Дженис замялась.

— Ты должна мне все честно рассказать, иначе какой во всем этом смысл? — сказал я.

— Это молодежное отделение организации, в которую входит Уит. Пойми, Скотт. Это не про-Куановское движение. Просто люди обсуждают возможные альтернативы вооруженному конфликту.

— Господи Иисусе! — ответил я. — Дженис, Уит — *медноголовый*?

Не так давно газеты возродили словечко вре-

мен Гражданской войны — медноголовые[19], как оскорбительную издевку над различными движениями куанистов.

Дженис опустила глаза и ответила:

— Мы не пользуемся таким выражением.

То есть это, догадался я, не понравилось бы Уиту.

— Я не лезу в политику. Ты сам знаешь. И Уит тоже, он примкнул к ним только потому, что кое-кто из высшего руководства тоже в этом участвует. Уит говорит, что готовиться к войне, в которой нам, возможно, даже не придется сражаться, это экономически не выгодно.

Типичный аргумент медноголовых, и было очень неприятно услышать его из уст Дженис. Не то чтобы в этом не было ни капли правды. Но за этим скрывалось презрение куанистов к демократии, мысль о том, что Куан наведет порядок на планете, раздираемой противоречиями во многих сферах — экономике, религии, экологии.

---

[19] Примечания: 19

Во время Гражданской войны в США медноголовыми называли сторонников южан среди жителей северных штатов. Прозвище пошло от названия медноголовой змеи, которая нападает без предупреждения, являясь воплощением коварства. Медноголовые объединялись в тайные общества, занимались терроризмом и иногда носили в лацканах значки в виде медных голов, вырезанные из монет. Слово «медноголовый» осталось в английском языке как обозначение тех, кто в военное время симпатизирует врагу.

Я постоянно отслеживал расширение движения медноголовых в сети, так как Сью считала, что это важно, а Моррис — что потенциально опасно. И то, что я увидел, мне не понравилось.

— И он втянул в это Кейтлин?

— Кейт сама захотела. Сначала он брал ее на взрослые собрания, потом она заинтересовалась молодежным подразделением.

— И ты вот так просто позволила ей?

Она умоляюще посмотрела на меня:

— Честно говоря, Скотти, я не видела в этом ничего плохого. Ради Бога, они же не бомбы делали. Просто общались. В смысле, играли в бейсбол. Ставили пьесы. Подростки, Скотт. Она нашла себе новых друзей, у нее впервые в жизни появились настоящие друзья. Что я должна была делать, запирать ее дома?

— Я не осуждаю тебя.

— Хорошо.

— Просто скажи мне, что случилось.

Она вздохнула:

— Ну, думаю, среди них были какие-то радикалы. Трудно этого избежать, знаешь ли. Молодежь особенно уязвима. А это везде — в новостях, в интернете. Она говорила иногда об этом, о… — она понизила голос, — о Куане, о том, что нельзя осуж-

дать то, что не понимаешь, и тому подобное. Для нее это было куда серьезнее, чем я думала. Потом она отправилась на собрание и не вернулась.

— Да, и кроме нее еще десять других, в основном старше Кейт. Судя по всему, они не одну неделю обсуждали идею паломничества, которое называют хаджем.

Я закрыл глаза.

— Но полиция говорит, что дети, возможно, все еще в городе, — заторопилась Дженис. — Наверное, прячутся в каком-нибудь заброшенном здании вместе с другими мнимыми радикалами, бахвалятся друг перед другом и воруют еду в магазинах. Надеюсь, что это правда, но… это ужасно.

— Ты сама ее искала?

— В полиции сказали, не нужно.

— А Уит?

— Уит говорит, что мы должны действовать заодно с полицией. Это и тебя касается, Скотт.

— Можешь мне дать контакты кого-нибудь из полицейских?

Она вынула записную книжку, записала имя и телефон на бумажной салфетке, но делала это неохотно, мрачно поглядывая на меня.

Я попросил:

— И название того клуба медноголовых, в кото-

рый вступил Уит.

Но она отказалась:

— Не хочу, чтобы ты наломал дров.

— Я здесь не для этого.

— Чушь собачья. Ты приехал сюда такой оскорбленный, с *моральными принципами*…

— Моя дочь пропала. Поэтому я здесь. Что из этого тебя больше пугает?

Она сделала паузу, потом произнесла:

— Еще недели не прошло, как Кейт ушла. Она может вернуться домой завтра. Я должна в это верить. Я должна верить, что полиция делает все возможное. Но я вижу, как ты смотришь. И ненавижу твой взгляд.

— Какой взгляд?

— Как будто ты готовишься к самому худшему.

— Дженис…

Она ударила ладонью по столу:

— Нет. Прости, Скотт. Я благодарна за все, что ты сделал для Кейт. Знаю, как тяжело тебе пришлось. Но не могу назвать тебе организацию, в которую входит Уит. Это его личное дело. Мы обсуждали все это с полицией, и хватит. Во всяком случае, пока. Так что не смотри на меня этим ужасным *похоронным взглядом*!

Мне было больно, но я не винил Дженис, даже

когда она встала и вышла на выбеленную солнцем улицу. Я понимал, что она чувствует. Кейтлин грозила опасность, и Дженис спрашивала себя: сделала ли она все, что могла, какую ошибку допустила, почему все так быстро пошло под откос?

Я задавал себе те же вопросы десять лет назад. Но Дженис столкнулась с этим впервые.

После обеда я отправился в «Клэрион Фармасьютикал», большой промышленный комплекс на окраине, где начинаются пшеничные поля, и сказал охраннику на воротах, что хочу увидеть мистера Делаханта. Охранник приткнул карточку под левый стеклоочиститель и напомнил, что я должен получить пропуск посетителя на главном входе. Охранялся «Клэрион» кое-как. Я припарковался, вошел через открытую дверь рядом с погрузочными площадками и поднялся на лифте прямо в офис Уита, как сообщал указатель.

Я прошел мимо его секретаря, сойдя за своего, покружил по лабиринту кабинок, где мужчины и женщины в костюмах с иголочки проводили телефонные переговоры, пока не нашел самого Уитмена Делаханта, осушавшего кулер с родниковой водой в узеньком холле. При виде меня глаза его округлились.

Уит выглядел, как всегда, безупречно. Виски у него чуть поседели, а талия поплыла, но держался он отлично. Он слегка улыбался чему-то своему, хотя улыбка тут же исчезла, едва он заметил меня. Он выбросил бумажный стаканчик в мусорное ведро.

— Скотт, — сказал он, — боже мой, ты мог бы позвонить.

— Я подумал, что нам нужно встретиться и поговорить.

— Конечно, нужно, и не хочу показаться бессердечным, я знаю, что ты переживаешь, но сейчас не самый подходящий момент.

— Я бы предпочел не откладывать.

— Скотт, будь благоразумен. Может, сегодня вечером…

— Я не думаю, что веду себя неблагоразумно. Моя дочь уже пять дней Бог знает где. Ночует на улице, насколько я знаю. Так что извини, Уит, если помешал твоей работе и все такое, но нам действительно нужно поговорить.

Он замялся, а потом произнес с важным видом:

— Мне бы не хотелось вызывать охрану.

— Пока ты обдумываешь эту идею, расскажи мне о том клубе медноголовых, в котором ты

состоишь.

Глаза его округлились.

— Следи за выражениями.

— Или мы можем обсудить это с глазу на глаз.

— Черт, Скотти! *Ладно*. Боже! Иди за мной.

Он отвел меня в кафе для руководства. Столы раздачи пустовали, кухня уже не работала. В зале никого не было. Мы сели за лакированный деревянный стол, как цивилизованные люди.

Уит ослабил галстук.

— Дженис говорила, что так и произойдет. Что ты приедешь в город и все усложнишь. Тебе придется поговорить с полицией, Скотт, потому что я обязательно поставлю их в известность о том, что ты задумал.

— Ты упомянул о клубе медноголовых.

— Нет, это ты упомянул, но сделай одолжение, не употребляй это непотребное выражение. Это совсем другое. Бога ради, это *гражданский комитет*. Да, иногда мы говорим о разоружении, но мы также говорим и о гражданской обороне. Мы всего лишь обычные богобоязненные люди. Не принимай нас за маргиналов, о которых ты читал в газетах.

— И как же тогда вас называть?

— Мы… — у него хватило совести выглядеть

смущенным. — Мы — Комитет почетного мира городов-побратимов. Ты должен понять, здесь многое поставлено на карту. У детей своя точка зрения, Скотт… Наращивание вооружений уродует экономику, и нет абсолютно никаких доказательств, что ружья и бомбы помогут в борьбе против Куана, даже если предположить, что он представляет реальную угрозу для Соединенных Штатов, а это далеко не доказано. Мы выступаем против всеобщего убеждения, что…

— Мне не нужны манифесты, Уит. Кто входит в этот Комитет?

— Важные люди.

— И сколько их?

Он снова покраснел:

— Около тридцати.

— И ты втянул Кейт в детское подразделение?

— Вовсе нет. Молодежь смотрит на это гораздо серьезнее, чем мы. Наше поколение, я имею в виду. Они не настолько циничны. И Кейтлин — прекрасный пример. Она возвращалась домой после собраний и рассказывала о том, сколько всего мог бы сделать такой лидер как Куан, если бы мы не боролись с ним на каждом шагу. Как будто можно бороться с человеком, который контролирует само время! Вместо того чтобы

придумать, как сделать будущее *надежным*.

— Ты когда-нибудь обсуждал это с ней?

— Я ничего ей не внушал, если ты на это намекаешь. Я уважаю идеи Кейтлин.

— Но она связалась с какими-то радикалами, не так ли?

Уит поерзал.

— Не такие уж они и радикалы. Кое с кем из этих детей я знаком. Они, возможно, слегка переходят границы, но это энтузиазм, а не фанатизм.

— И с субботы ни одного из них не видели.

— По моим ощущениям, с ними все в порядке. Такие вещи иногда случаются. Дети сбрасывают GPS-метки, берут автомобиль и отправляются куда-нибудь на несколько дней. Это нехорошо, но в этом нет ничего особенного. Мне жаль, что Кейтлин попала под влияние каких-то засранцев, но юность — это сложная штука.

— Они когда-нибудь говорили о хадже?

— Прости?

— Хадж. Дженис так сказала.

— Она не должна была. Мы против этого слова. Хадж — это паломничество в Мекку. Но дети вкладывают в него другой смысл. Они имеют в виду поехать и увидеть камень Куана или место, где ожидается прибытие.

— Думаешь, у них это было на уме?

— Не знаю, что у них было на уме, но я сомневаюсь, что хадж. Нельзя доехать на «Даймлере» до Мадраса или Токио.

— Поэтому ты не волнуешься.

Он отстранился и посмотрел так, будто хотел в меня плюнуть.

— Как ты можешь такое говорить? Разумеется, я волнуюсь. Мир — опасное место. На мой взгляд, куда опаснее, чем когда бы то ни было раньше. Мне страшно, что с Кейтлин может что-то случиться. Вот почему я не хочу мешать полиции делать свою работу. И тебе советую то же самое.

— Спасибо, Уит, — сказал я.

— Не порть Дженис жизнь, ей и так несладко.

— Даже не знаю, как бы я мог это сделать.

— Поговори с полицией. Я об этом. Или я пообщаюсь с ними от твоего имени.

К нему вернулось прежнее самообладание. Я поднялся: даже ради Кейт я не хотел больше слушать никаких нотаций. Не от него — однозначно. Он восседал на своем стуле, как обиженный князек, и молча провожал меня взглядом.

Из машины я снова позвонил Дженис — хотел опередить Уитмена и поговорить с ней еще раз.

Тяжелые времена изменили город. Я проезжал

мимо зарешеченных или заколоченных окон, лавочек уцененных товаров, выросших на месте респектабельных магазинов, мимо церквей непонятных конфессий. Мусорщики бастовали, и тротуар превратился в помойку.

Набрав Дженис, я признался, что разговаривал с Уитом.

— Тебе обязательно было это делать, да? Именно сейчас, когда я думала, что хуже уже не бывает.

В ее голосе появились нотки, которые мне не понравились.

— Дженис… ты боишься его?

— Конечно, нет, не боюсь физически. Но что, если он потеряет работу? Что тогда? Ты *не понимаешь*, Скотти. Многое из того, что делает Уит, это просто… Он вынужден это делать, чтобы выжить. Он должен шагать в ногу, чтобы не скатиться на дно. Понимаешь, о чем я говорю?

— Сейчас меня волнует только Кейтлин.

— Не уверена, что это пойдет Кейт на пользу, — она вздохнула. — Полицейские говорили, что родители объединились в группу. Может, ты захочешь пообщаться с ними.

— Какие еще родители?

— Родители, чьи дети сбежали, обычно это дети, увлеченные идеями куанистов. Хадж-родители,

если ты понимаешь, о чем я.

— Меньше всего мне нужна группа поддержки.

— Ты мог бы сравнить факты, узнать, что делают другие люди.

У меня были сомнения. Но она скинула адрес, и я скопировал его в свои контакты.

— А я пока, — сказала она, — извинюсь за тебя перед Уитом.

— А он извинился за то, что втянул Кейт во все это?

— Не твое дело, Скотт.

Глава двенадцатая

Примерно через месяц после Иерусалимского прибытия я сходил к врачу и довольно долго беседовал с ним о генетике и безумии.

Мне пришло в голову, что коррелятивная логика, о которой говорила Сью, может проявляться и на личном уровне. Она говорила о том, что, по сути, наши ожидания формируют будущее, и те из нас, кто подвергся экстремальной тау-турбулентности, влияют на него больше, чем остальные.

И если то, что происходит с миром, можно назвать безумием, то не сыграли ли в этом свою роль глубочайшие тайники моей психики? Не унаследовал ли я от матери неправильный генетический код, и не мое ли латентное безумие виновато в том, что случилось в гостиничном номере на горе Скопус, когда он наполнился выстрелами и битым стеклом?

Врач, с которым я общался, взял образец крови и согласился поискать все генетические маркеры предрасположенности к запоздалой шизофрении.

Но он предупредил, что это будет не так-то легко. Шизофрения — это не наследственное

заболевание в узком смысле, хотя предрасположенность к ней обусловлена генетически. Вот почему для нее не делают генного редактирования. Существует целый комплекс внешних пусковых механизмов. Самое большее, что он сможет сказать: унаследовал ли я *склонность* к приобретенной шизофрении — почти бесполезный факт, не позволяющий делать никаких прогнозов.

Я снова задумался обо всем этом, когда вызвал на терминале мотеля карту мира, где были отмечены места появления Хронолитов. Если имело место безумие, то здесь были видны его реальные симптомы. Азия оказалась в красной зоне, растворилась в лихорадке анархии, хотя эфемерное правительство продолжало существовать в Японии, где правящая коалиция пережила референдум (с трудом), и в Пекине, но не в китайской деревне или в глубине континента, вдали от побережья. Индийский субконтинент пестрел значками прибытий, как и Ближний Восток, и речь идет не только об Иерусалиме и Дамаске, но и о Багдаде, Тегеране, Стамбуле. Европа была свободной от физического присутствия куанизма, который до сих пор буксовал на Босфоре, но не от его политического двойника: конкурирующие

группировки куанистов устраивали массовые уличные беспорядки в Париже и Брюсселе. Северная Африка пережила пять катастрофических прибытий. Около месяца назад небольшой Хронолит уничтожил центр Киншасы.

Планета была больна, больна смертельно.

Я свернул окно с картой и позвонил по одному из номеров, который дала Дженис, лейтенанту полиции Рэймону Дадли. Его интерфейс сообщил, что он вне зоны доступа, но мой звонок зарегистрирован, и он мне ответит.

Пока тянулось ожидание, я набрал другой номер, который впарила мне Дженис, — «группы поддержки». Это оказался домашний терминал дамы средних лет по имени Регина Ли Сэдлер. Она ответила, кутаясь в банный халат, с ее волос капала вода. Я извинился за то, что вытащил ее из душа.

— Не берите в голову, — отозвалась та глубоким южным контральто, таким же сумрачным, как ее смуглая кожа. — Если только вы не из гребаного коллекторского агентства, простите мой французский.

Я рассказал про Кейтлин.

— Да, — ответила она, — на самом деле, я уже знаю об этом. После этого инцидента к нам присо-

единилось еще несколько родителей. В основном мамочки, конечно. Отцы обычно противятся вечно той помощи, которую мы предлагаем, бог знает почему. Однако вы, видимо, не входите в число этих упрямцев.

— Меня не было здесь, когда Кейт исчезла, — я рассказал ей про Дженис и Уита.

— Итак, вы — папаша-прогульщик, — сказала она.

— Не по своей воле. Миссис Сэдлер, можно задать вам откровенный вопрос?

— Я предпочитаю именно такие. И все зовут меня Регина Ли.

— Даст ли мне что-нибудь встреча с этими людьми? Поможет ли это вернуть мою дочь домой?

— Нет. Нет, этого я не могу вам обещать. Наша группа существует ради нас самих. Мы спасаем *себя*. В такой ситуации многие родители впадают в отчаяние. Мы помогаем людям делиться своими чувствами с теми, кто переживает такие же трудности. И я подозреваю, что вы сейчас меня не слушаете, а повторяете про себя: «Ну, мне-то не нужна вся эта слезливая ерунда с обнимашками». И, возможно, правы. Но некоторым она нужна, и мы этого не стыдимся.

— Понимаю.

— Нельзя сказать, что мы не налаживаем полезные связи. Многие наняли частных детективов, добровольных агентов по розыску, специалистов по депрограммированию и так далее, они сравнивают, у кого какие новости, обмениваются информацией, но скажу откровенно, я мало верю в эту деятельность, и те результаты, что я видела, только подтверждают это.

Я ответил, что все равно хотел бы поговорить с этими людьми, хотя бы для того, чтобы избежать их ошибок.

— Ну, если вы придете на нашу встречу сегодня вечером… — она дала мне адрес церкви. — Если вы появитесь, то, конечно, у вас будет возможность поговорить на эту тему. Но могу и я вас кое о чем попросить? Оставьте скепсис за дверью. Не судите предвзято. Будьте честным с самим собой, я имею в виду. Вы кажетесь таким спокойным и собранным, но я по личному опыту знаю, что вы переживаете, как хочется схватиться за любую соломинку, когда близкий человек в опасности. Не тешьте себя иллюзией, ваша Кейтлин в опасности.

— Знаю, миссис Сэдлер.

— Есть знание, а есть осознание, — она огля-

нулась через плечо, наверное, на часы. — Мне нужно привести себя в порядок, но могу ли я надеяться, что увижусь с вами вечером?

— Да, спасибо.

— Я надеюсь, вы добьетесь положительного результата, мистер Уорден, что бы вы ни делали.

Я еще раз поблагодарил.

Встреча проходила в зале собраний пресвитерианской церкви, в бывших рабочих кварталах, которые несколько лет назад начали скатываться в откровенную нищету. Регина Ли Сэдлер важно прохаживалась по сцене в цветастом платье, у нее перед лицом покачивался старомодный головной микрофон. Выглядела она коренастее и фунтов на двадцать тяжелее, чем на видеоэкране. Мне стало интересно, неужели Регина Ли настолько тщеславна, что установила на компьютер приложение для визуального похудения.

Я не представился, незаметно нырнув в глубину зала. Это не была в точности двенадцатишаговая терапия, но что-то очень похожее. Пятеро новых гостей назвали себя и рассказали о своих проблемах. У четверых из них за последний месяц пропали дети, связавшись со сторонниками куанистов или хаджа. Одна не видела свою дочь уже больше года и искала место, где могла бы по-

делиться горем… Не то чтобы она уже перестала надеяться, настаивала женщина, совсем нет, просто очень, очень устала и думала, что если просто поговорит с кем-нибудь, то что-то изменится и она сможет спать по ночам.

Раздались сдержанные, сочувствующие аплодисменты.

Затем снова поднялась Регина Ли и зачитала распечатанные новости и свежие данные: о вернувшихся детях, о новых маршах куанистов на западе и юге, о грузовике с несовершеннолетними паломниками, перехваченном на границе с Мексикой. Я кое-что записал для себя.

После этого собрание приобрело более приватный характер: участники разделились на «секции» для обсуждения «стратегий преодоления», а я тихо выскользнул за дверь.

Я бы отправился прямо в мотель, если бы не женщина, сидевшая на ступенях церкви и курившая сигарету.

Примерно моего возраста, она выглядела изможденной, глубоко погруженной в размышления. Ее короткие волосы блестели в свете уличных фонарей. Она окинула меня мрачным взглядом.

— Простите, — сказала она автоматически, гася

сигарету.

Я ответил, что все в порядке. Недавно принятый закон запрещал продажу табака без рецепта и справки о наркозависимости, но я считал себя человеком широких взглядов — я вырос во времена легальной табакоторговли.

— Вам хватило? — спросила она, махнув рукой в сторону церковной двери.

— Пока да, — ответил я.

Женщина кивнула:

— Регина Ли многим приносит пользу и, видит Бог, она непоколебима. Но мне не нужна такая помощь. Во всяком случае, я так считаю.

Мы познакомились. Ее звали Эшли Миллс, а ее сына — Адам. Адаму было восемнадцать, он был глубоко вовлечен в местную сеть куанистов; он пропал шесть дней назад. Как и Кейтлин. Поэтому мы сопоставили наши сведения. Адам оказался связан с молодежным подразделением комитета, в который входил Уит Делахант, и с рядом других радикальных организаций. Так что они с Кейт, наверное, знали друг друга.

— Это совпадение, — сказала Эшли.

Я ответил, что совпадений не бывает.

Когда Регина Ли закончила собрание, мы еще разговаривали; люди начали расходиться, от-

тесняя нас с церковных ступеней. Я предложил выпить кофе где-нибудь поблизости — она жила рядом.

Эшли окинула меня задумчивым взглядом, откровенным и немного пугающим. Она показалась мне женщиной, которая не питает никаких иллюзий по поводу мужчин. Затем она ответила:

— Ладно. Рядом с аптекой есть круглосуточное кафе, прямо за углом.

Мы отправились туда.

Было очевидно, что живет Эшли небогато. Ее юбка и блузка, казалось, были куплены в «Гудвилл»[20] — аккуратные, но далеко не новые. Но она носила их с каким-то природным, а не наносным достоинством. В кафе она начала отсчитывать долларовые монеты, чтобы заплатить за свой кофе; я велел ей не беспокоиться и бросил на стойку свою карту. Она снова очень внимательно на меня посмотрела, затем кивнула. Мы нашли тихий столик в углу, подальше от трескотни видеопанелей.

— Вы хотите знать о моем сыне? — спросила она.

Я кивнул:

---

[20] Примечания: 20
Популярная в США сеть секонд-хендов.

— Но это не должна быть очередная «секция» Регины Ли. Что я на самом деле хочу узнать, так это — как помочь своей дочери.

— Я ничего не могу вам обещать, мистер Уорден.

— Мне это все говорят.

— И они правы, как это ни печально. По крайней мере, исходя из моего опыта.

Эшли родилась и получила образование в Южной Калифорнии, приехала в Миннеаполис и работала регистратором в приемной у своего дяди-ортопеда. Он уже умер от аневризмы. Прямо в регистратуре она познакомилась с Такером Келлогом, программистом, специализировавшимся на инструментах и красителях, и в двадцать лет вышла за него замуж. Такер ушел из семьи, когда их сыну Адаму было пять. И с тех пор не появлялся. Эшли подала на развод и могла бы отсудить алименты, но не стала. Ей было лучше без Такера, призналась она, без малейших напоминаний о нем. Десять лет назад она вернула свою девичью фамилию.

Своего сына она любила, но тот был сущим наказанием.

— Между нами родителями, мистер Уорден, временами я доходила до отчаяния. Даже когда

Адам был маленький, его трудно было удержать в школе. Я понимаю, никто не любит школу, но в любом случае, все равно приходится ходить туда каждый день, из чувства долга или опасаясь последствий, да не важно почему. У Адама никаких таких чувств не было. Его нельзя было ни запугать, ни пристыдить.

То и дело он участвовал в психиатрических программах, потом обучался заочно, попадал в специальные учебные заведения, а иногда и в тюрьму для подростков. И не то чтобы он плохо соображал.

— Он все время читает. И не просто рассказики какие-нибудь. Вообще-то, такому как он, чтобы выжить на улице, где он проводит половину жизни, нужно иметь голову на плечах. Адам на самом деле очень умный. Способный.

Когда Эшли говорила о сыне, на ее лице сменялись чувства гордости, вины и страха, а иногда они появлялись одновременно. Взгляд ее огромных глаз метался из стороны в сторону, словно она боялась, что ее подслушают. Пальцы теребили салфетку, то разворачивая, то складывая ее, пока наконец не разорвали на длинные полоски, которые остались на столе, как несостоявшиеся поделки оригами.

— Однажды, когда ему было двенадцать, он уже сбегал, но тогда это не имело никакого отношения к медноголовым. Клянусь, я понятия не имею, что Адам вообразил себе, глядя на этого Куана, кроме того что он разрушает города и делает людей несчастными. Но это его завораживает. Он так смотрит в сети новости, что становится даже страшно, — она опустила голову. — Мне неприятно это говорить, но, кажется, Адам, по большей части, любит только *разрушение*. Думаю, он ставит себя на место Куана. Он хочет поднять ногу и уничтожить все, что ненавидит. А разговоры о новом мировом правительстве, на мой взгляд, всего лишь декорация.

— Он когда-нибудь говорил вам о Кейтлин и ее группе?

Эшли грустно улыбнулась:

— Это больше чем вопрос. А Кейтлин когда-нибудь говорила *вам* об этой чепухе?

— Мы иногда разговаривали. Но, конечно, она никогда не упоминала о политике.

— Но вы все равно на шаг впереди меня. Адам ни о чем мне не рассказывал. Вообще ни о чем. О своем сыне я знаю только из собственных наблюдений. Извините, думаю, мне нужен еще один кофе.

Я подумал, что на самом деле ей нужно еще раз покурить. Она остановилась у барной стойки, заказала кофе с двойным молоком и сахаром и скрылась в туалете. А когда вернулась, выглядела более спокойной. Кажется, бармен учуял запах табака, когда она забирала свою чашку. Он пристально взглянул на мою спутницу и закатил глаза.

Она снова села, вздохнув:

— Нет, Адам никогда не рассказывал, с кем встречался. Ему семнадцать, но, как уже я говорила, он далеко не наивен. Свои дела он обставляет очень осторожно. Но, знаете, иногда я подслушивала. Знала, что он связался с одним из клубов медноголовых в пригороде, но какое-то время мне даже казалось, что это не так и плохо. Он вращался среди людей, ну, вроде как с положением. С перспективами. Наверное, в глубине души я надеялась, что он найдет друзей и, может быть, это что-то даст, появятся какие-то возможности, когда, простите за грубость, утихнет все это дерьмо с путешествиями во времени. Я думала, что он может познакомиться с девушкой, или, может, чей-то отец предложит ему работу.

Я вспомнил, как жаловалась Дженис: «*А что я должна была делать? Запереть ее дома?*»

Дженис явно не представляла свою дочь в компании Адама Миллса.

— Я стала думать иначе, после того как однажды вошла к нему, когда он говорил по телефону. Разговор шел об этих ребятах — сожалею, но думаю, среди них была и ваша Кейт. В его голосе слышались злость и презрение. Он сказал, что в группе полно, — от стыда она опустила голову, — полно «унылых девственниц».

Должно быть, она заметила мою реакцию. Эшли вскинула подбородок и твердо произнесла:

— Я люблю своего сына, мистер Уорден. У меня нет ни малейших иллюзий, что он за человек и каким *станет*, если не возьмется за ум. У Адама очень серьезные проблемы. Но он мой сын, и я люблю его.

— Это вызывает уважение.

— Надеюсь.

— Они оба пропали. Вот о чем мы должны сейчас беспокоиться.

Она нахмурилась, возможно, ей не понравилось быть частью местоимения «мы». Эшли привыкла разбираться со своими проблемами по-своему, поэтому она и сбежала с собрания у Регины Ли.

Но я тоже ушел.

— Не вздумайте приударить за мной, мистер Уорден. Это меня бесит.

— И в мыслях не было.

— Я хочу попросить ваш номер, чтобы мы могли найти друг друга, если что-то узнаем об Адаме и Кейтлин, могли быть на связи. Точной информации у меня нет, но думаю, их маленькая компания пытается совершить какое-то дурацкое паломничество, один Бог знает куда. Так что, возможно, они вместе. И мы должны быть на связи. Просто не хочу, чтобы вы меня неправильно поняли.

Я дал ей номер своего сотового, она — номер домашнего терминала, затем допила кофе и произнесла:

— Слишком много у вас плохих новостей.

— Но не только плохих, — ответил я.

Эшли встала:

— Что ж, приятно было познакомиться.

Она повернулась, открыла дверь и вышла на улицу. Я наблюдал в окно, как она прошагала полквартала среди островков уличного освещения, подошла к двери рядом с китайским ресторанчиком и стала возиться с ключами. Квартира над рестораном. Я представил себе: потертый диван и, может быть, кошка. Роза в бутылке из-под вина

или плакат в раме на стене. Эхо утраты сына.

Лейтенант полиции Рэймон Дадли, отвечающий за поиски пропавших, согласился встретиться со мной у себя в кабинете на следующий день. Разговор был недолгим.

Явно перегруженный работой кабинетный коп, Дадли слишком часто сообщал одни и те же плохие новости.

— У этих детей, — сказал он (очевидно, в представлении Дадли они срослись в однородную массу «этих детей»), — нет будущего, и они об этом знают. Проблема в том, что это правда. Не секрет, что экономика в заднице. А что мы можем им предложить? Все, что они слышат о будущем, — это только Куан, Куан, Куан. Долбаный Куан. По мнению фундаменталистов, Куан — Антихрист, и нам остается только молиться и ждать вознесения. Вашингтон готовит детей к какой-то войне, которой может не быть. А медноголовые говорят: может, Куан и не причинит нам большого вреда, если мы почтительно склонимся перед ним. Не такой уж букет вариантов, если вдуматься. Плюс всего этого дерьма полно в их музыке и шифрованных чатах.

Понятно, что основную вину лейтенант Дадли возлагал на мое поколение. По характеру своей

работы ему, должно быть, приходилось встречаться с неадекватными родителями. Да и на меня он смотрел так, словно был абсолютно уверен, что я один их них.

Я спросил:

— А что по поводу Кейтлин?..

Коп взял со стола досье и зачитал. Никаких сюрпризов. Восемь молодых людей, все из младшего подразделения клуба Уитмена, не вернулись домой с собрания. Друзья и родители пропавших детей были подробно опрошены.

— За исключением вас, мистер Уорден, и я ожидал, что вы появитесь.

— Уит Делахант сообщил вам обо мне, — догадался я.

— Он упоминал о вас, когда его опрашивали, но не только в этом дело. Мне звонил федерал в отставке по имени Моррис Торранс.

Быстро сработали. Впрочем, Моррис всегда был добросовестным.

— Что же он сказал?

— Попросил оказывать вам всяческое содействие. Собственно, я уже сделал все, что мог. Больше мне нечего добавить, разве что у вас есть какие-то конкретные вопросы. Ах да, у него была еще одна просьба.

— Какая?

— Он просил передать, чтобы вы с ним связались. Сказал, что ему очень жаль, что с Кейтлин такое случилось, и он, возможно, сумеет помочь вам.

Глава тринадцатая

Может, мне и стоило поучаствовать в коллективной терапии Регины Ли и признаться, что я испытываю страх за Кейтлин — страх и предчувствие несчастья, которые накрывали меня всякий раз, стоило только закрыть глаза. Но это не в моих правилах. С ранних лет я научился притворяться спокойным перед лицом катастрофы. Скрывать свои страхи, как постыдный секрет.

Но я постоянно думал о Кейт. Я все еще помнил ее той Кейтлин, какой она была в Чумпхоне, пятилетней малышкой, настолько же бесстрашной, насколько и любопытной. Дети по своей природе очень открыты, поэтому их ложь так очевидна. А жизнь взрослых — это искусство обмана. Я хорошо знал, каким Кейтлин была ребенком, поэтому никогда не забывал про ее ранимое сердце. И от этого еще более мучительно было думать (или стараться не думать) о том, где она сейчас и с кем. Самый главный родительский порыв — воспитывать и оберегать. Убиваться по ребенку — это признавать свою полную беспомощность. Ты не сможешь оберегать то, что ложится в землю. Не сможешь подоткнуть одеяло вокруг могилы.

Я плохо спал по ночам, подолгу смотрел в окно мотеля, пил пиво вперемежку с диетической колой (и бегал в уборную каждые полчаса), пока сон не накрывал меня тягучей волной. Сны я видел сумбурные и бессмысленные. А просыпаясь, я словно попадал в другой сон, полный жестокой иронии: весеннее утро, солнечный свет льется с бескрайнего неба.

Я думал, что знакомство с Эшли Миллс останется без продолжения, но она позвонила мне через десять дней после исчезновения Кейтлин. Голос у нее был деловой, и она быстро перешла к сути:

— Я договорилась о встрече кое с кем, — сказала она. — Этот человек может что-то знать об Адаме и Кейтлин, но я не хочу встречаться с ним наедине.

— Сегодня днем я свободен, — ответил я.

— Он работает по ночам. Если то, что он делает, можно назвать работой. Это малоприятно.

— Он что, сутенер?

— Ну-у… — протянула она, — он что-то вроде наркодилера.

На прошлой неделе большую часть времени я провел в сети, изучая феномен «молодежного хаджа» и движение куанистов, продирался сквозь их скрытые чаты.

Никакого единого движения куанистов, конечно, не существовало. Лишенное плоти и крови Куана, «движение» представляло собой мешанину из утопических теорий и квазирелигиозных культов, которые состязались за первенство. Объединяло их лишь почитание, преклонение перед Хронолитами. Для хаджистов любой Хронолит был священным предметом. Физическая близость к камню Куана представлялась хаджистам источником всевозможных способностей: просветления, исцеления, изменения сознания, прозрений великих и малых. Но в отличие, например, от паломников в Лурд подавляющее большинство хаджистов были совсем юными. Это было «молодежное движение» — по терминологии двадцатого века. Как и в большинстве ему подобных, мода играла здесь такую же роль, как и убеждения. На самом деле очень немногие американцы совершали реальное паломничество к Хронолиту, но довольно часто можно было увидеть подростка в бейсболке или рубашке с фирменной эмблемой куанистов — чаще всего вездесущее «К+» в красном или оранжевом круге. (Или более хитрые и якобы тайные знаки: шрамы на сосках или мочках ушей, серебряные браслеты на лодыжках, белые повязки.)

Символом «К+», намалеванным мелом или краской на стенах и тротуарах, изобиловал район Эшли. В назначенное время я подъехал к китайскому ресторану, Эшли выскочила из двери своей квартиры и заняла пассажирское сиденье.

— Хорошо, что у вас дешевая машина, — заметила она. — Не привлечет внимание.

— Куда едем?

Она назвала адрес в пяти кварталах отсюда, в районе, где работали только склады, забегаловки, продающие фастфуд на вынос, и винные магазины.

— Этого парня зовут, — сообщила Эшли без долгих предисловий, — Чивер Кокс, почти все его сделки — из числа тех, о которых не упоминают в декларации о доходах. Я знаю его, потому что покупала у него табак, — произнесла она нарочито нейтральным тоном, но мельком взглянула на меня, ожидая неодобрения: — До того как получила лицензию наркозависимой, я имею в виду.

— Что он знает про Кейт и Адама?

— Может, и ничего, но когда мы вчера созванивались, он сказал, что слышал про легкодоступный хадж и кое-что новое о Куане, но не захотел говорить об этом по открытому каналу. У Чивера легкая паранойя на этот счет.

— Вы думаете, это законно?

— Сказать вам правду? Я уже не знаю.

Она опустила стекло и закурила почти демонстративно, ожидая моей реакции. В Миннесоте одно из самых строгих антитабачных законодательств. Но я был из другого штата и слишком стар, чтобы ужасаться.

— Эшли? А вы не пробовали бросить?

— О, пожалуйста…

— Я не осуждаю, просто веду беседу.

— Не очень хочется об этом говорить, — она шумно выдохнула. — Не так много есть вещей, которые помогали мне держать себя в руках в последние пару лет, мистер Уорден.

— Скотт.

— Ладно, Скотт. Это не значит, что я слабый человек. Но… вы когда-нибудь курили?

— Нет.

Я обходился без прививок против злоупотреблений, которыми увлекались многие молодые люди в те дни (как и от связанного с ними риска иммунных заболеваний), просто я никогда не питал слабости к курению.

— Наверное, это убивает меня, но у меня ничего больше нет, — казалось, она сопротивлялась какой-то мысли, а затем уступила. — Сигареты

успокаивают.

— Я вас за это не осуждаю. Вообще-то, мне всегда нравился запах горящего табака. По крайней мере, на расстоянии.

Она криво усмехнулась:

— Ага. Да вы прямо настоящий вырожденец, я вам скажу.

— Скучаете по Калифорнии?

— Скучаю ли я по *Калифорнии*? — она закатила глаза. — Вы действительно хотите поговорить или просто нервничаете перед встречей с Чивером? Потому как не стоит. Он немного подозрительный, но не плохой человек.

— Обнадеживает, — ответил я.

— Сами увидите.

По названному адресу находился ветхий деревянный дом. Крыльцо было погружено во тьму — видимо, навсегда. Лестница просела. Эшли откинула ржавую москитную сетку и постучала в дверь.

Чивер Кокс открыл, когда Эшли назвала себя. Кокс оказался лысым мужчиной лет тридцати пяти, одетым в джинсы и бледно-голубую рубашку, по воротнику которой стекало что-то вроде соуса маринара.

— Привет, Эшли, — рявкнул хозяин дома, обни-

мая гостью. Меня он окинул беглым взглядом.

Эшли представила меня и произнесла:

— Это насчет того, о чем мы с тобой говорили по телефону.

В гостиной стоял выцветший диван, два складных деревянных стула и журнальный столик с пепельницей. В глубине тусклого коридора я разглядел угол кухни. Если Кокс и делал хороший навар на незаконной торговле наркотиками, то на интерьер он его не тратил. Но, кто знает, может, у него загородный особняк.

Он заметил пачку сигарет, торчащую у Эшли из кармана рубашки.

— Черт, Эшли, — сказал он, — и ты тоже по рецепту? Долбаное правительство своими тупыми бумажками отжимает мой бизнес.

— В следующем году я останусь без рецепта, — ответила Эшли, — если не буду носить никотиновый пластырь или не войду в программу. Хуже того, потеряю медицинскую страховку.

Он ухмыльнулся:

— Возможно, тогда мы станем видеться чаще?

— Исключено, — она мельком взглянула на меня. — Я сделаю отбеливание зубов и найду хорошую работу.

— Станешь добропорядочной, — добавил Кокс.

— Абсолютно верно.

— И выйдешь за своего ухажера?

— Он мне не ухажер.

— Ладно, Эш, прости, не обращай внимания. Ты чего-то хочешь? Чего-нибудь, кроме того, что готов продать аптекарь?

— Хочу задать тебе несколько вопросов об Адаме.

— И что, это все, что вам нужно?

Кокс дал понять, что ничего не станет говорить, пока Эшли что-нибудь у него не купит. Бизнес есть бизнес, как он выразился.

— Речь о моем сыне, Чивер.

— Знаю, и люблю вас обоих, но, Эшли, это бизнес.

Она заплатила ему за коробку, в которой было то, что она назвала «сыпучим куревом». Кокс притащил ее из подвала. Она держала коробку, от которой ужасно разило, на коленях.

Кокс устроился на стуле.

— Ну, так вот, — сказал он Эшли, — я часто наведываюсь к сквоттерам, особенно на Франклина, в Лоуэртаун или на старые склады «Каргилл», так что вижу этих детишек. И, знаешь, Адам тоже зависает с этой компанией. Мне там торговать нечем, у детей редко водятся деньжата. Они еду

в магазинах воруют. Но каждый раз, когда кто-то из них разживается наличкой, я не спрашиваю, откуда, они берут одну-две картонки, сигареты, выпивку, химию и тому подобное. Адам часто бывал у меня, ведь я с ним знаком еще с тех пор, когда мы с тобой регулярно проворачивали общие дела.

Эшли опустила глаза, но ничего не сказала.

— Кроме того, если честно, у Адама в черепушке побольше, чем у большинства этих типов. Они называют себя хаджистами или куанистами, а у самих идейности, как у кирпича. Знаешь, кто реально устраивает хадж? Богатые детки. Богатые детки и знаменитости. Они едут в Израиль или Египет, жгут вонючие свечи или что там. Центр города — он совсем другой. Большинство этих малолеток не сдвинутся с места ради Куана, даже если он устроит коронацию у них на заднем дворе. Ну, Адам просек это. Вот почему он болтался в клубах для медноголовых в Уайзете и Идайне — искал людей, думающих как он, но чуток более доверчивых и быстрых на подъем, чем народ в центре.

— Чивер, — попросила Эшли, — ты можешь ответить, он еще в городе?

— Однозначно не могу сказать ни да, ни нет,

но лично я сомневаюсь. Если он и здесь, то я его не видел. Я толкую с людьми, знаешь ли, отслеживаю связи, держу нос по ветру. Слухов всегда хватает. Помните Керкуолл?

Прошлым летом в городе Керкуолл, штат Нью-Мехико, клинический параноик, мясник на пенсии объявил о том, что обнаружил за городом, на месте высохшего родника, повышение радиационного фона — по невероятному совпадению, эта территория была у него в собственности. Вероятно, он надеялся превратить это место в туристическую достопримечательность. И преуспел. К сентябрю там стояли лагерем десять тысяч обнищавших молодых хаджистов. Национальная гвардия снабжала их едой и питьем и уговаривала вернуться домой, пока наконец вспышка холеры не очистила владения мясника. Сам пенсионер вскоре исчез, оставив после себя гору коллективных и общественных исков о нарушении общественного порядка.

— Слухи приходят и уходят, — продолжал Кокс, — но больше всего болтают про Мексику. *Ciudad Portillo*[21]. Три недели назад Адам сидел в этой самой комнате и говорил о нем, но на это

---

[21] Примечания: 21
Город Портильо (*исп.*).

мало кто обратил внимание. Вот почему, я думаю, он связался с медноголовыми из пригорода — захотел махнуть в Мексику и считал, что их компашка подкинет деньжат и какой-нибудь транспорт.

— Так он отправился в *Мексику*? — спросила Эшли.

Кокс поднял руки:

— Точно сказать не могу. Но если бы мне пришлось держать пари, я бы сказал, что он сейчас направляется к границе, если еще не пересек ее.

Эшли ничего не ответила. Ее бледное лицо было печально, она казалась сбитой с толку. Кокс сочувственно хмыкнул.

— Беда, — сказал он. — Глупые люди делают глупые вещи, но Адам слишком хорошо соображает, поэтому он может наделать *больших* глупостей.

Мы поболтали еще немного, но Кокс уже рассказал все, что знал. Наконец, Эшли встала и направилась к двери.

Кокс снова обнял ее.

— Заходи ко мне, когда рецепт закончится, — сказал он.

На обратном пути я поинтересовался, как она узнала, что Адам пропал.

— В каком смысле? — преспросила она.

— Адам, похоже, связался со сквоттерами. Если он не жил дома, то как вы узнали, что он пропал?

Мы остановились у обочины. Эшли ответила:

— Я вам покажу.

Она отперла дверь и повела меня по узкой лестнице в свою квартиру. Здесь все было устроенно, как в любой похожей квартирке с проходной планировкой: большая гостиная с видом на улицу, две маленькие спальни по обеим сторонам коридора, квадратная кухня с окном, выходящим на проулок позади дома. Внутри было душно; Эшли объяснила, что во время забастовки мусорщиков предпочитает держать окна закрытыми. Но обставлено все было аккуратно и толково. Это был дом человека пусть и не богатого, но обладающего вкусом и здравым смыслом.

— За этой дверью, — сказала мне Эшли, — комната Адама. Ему не нравится, когда к нему входят, но его сейчас нет, и он не будет против.

В некотором смысле, мое первое настоящее знакомство с Адамом началось с этого беглого осмотра его комнаты. Наверное, я ожидал, что будет хуже: порнография, граффити, возможно, дробовик, спрятанный в корзине для белья.

Но комната Адама была совсем не такой. Здесь был не просто порядок, но ледяная чистота. Кровать заправлена. Дверь стенного шкафа открыта, и судя по количеству пустых вешалок, можно было понять, что Адам собирался в долгое путешествие, но оставшаяся одежда висела ровными рядами. На импровизированных книжных полках, сложенных из кирпичей и досок, книги выстроились по алфавиту, но не по фамилиям авторов, а по названиям.

Книги многое говорят о людях, которые их покупают и читают. Адам явно тяготел к технической литературе — справочники по электронной аппаратуре, учебники (в том числе по органической химии и истории Америки), «Основы вычислений», плюс случайные биографии (Пикассо, Линкольн, Мао Цзэдун), «Громкие судебные процессы XX века», «Как отремонтировать все что угодно», «Десять шагов к повышению эффективности топливных элементов». Детская книга по астрономии и руководство по корректировке пилотируемых орбитальных спутников. «Лед и пламя: нерассказанная история трагедии Лунной Базы». И, конечно, книги о Куане. Были среди них и серьезные работы, в том числе «Азия в осаде» МакНила и Касселя; но большинство — цветастые

потрепанные издания под названиями вроде «Конец дней» или «Пятый всадник».

Ни одной фотографии реального живого человека, стены были увешаны фотографиями разных Хронолитов из журналов. (На какое-то мгновение это напомнило мне офис Сью Чопра в Балтиморе, мне стало неприятно.)

Эшли спросила:

— Похоже, что Адам никогда не приходил домой? Это его отправная точка. Может, каждую ночь он здесь и не спал, но проводил тут по восемь или десять часов каждый день. Всегда.

Она прикрыла дверь.

— Забавно, я всегда думала, что обустраиваю дом для Адама. Но все пошло не так. Он обустроил собственный дом. Просто так случилось, что он находится внутри моего.

Она налила кофе и мы еще немного поговорили, сидя на длинном диване и слушая уличный шум, проникавший сквозь закрытые однокамерные окна. Во всем этом было что-то невероятно уютное — Эшли ходила по кухне, рассеянно приглаживая рукой взъерошенные волосы, — какой-то *внутренний* уют, тень той семейности, которую я потерял больше десяти лет назад. И я был благодарен ей за это.

Но все когда-нибудь кончается. Эшли спросила меня о Кейтлин, и я рассказал кое-что (не все) про Чумпхон и про то, как я прожил последние десять лет. Ее поразило то, что я видел Иерусалимское прибытие, не потому, что она испытывала какое-то благоговение перед Куаном, а потому что я вращался, пусть и где-то с краю, среди тех, кого она считала относительно богатыми и известными.

— Ты хотя бы делал что-то, — сказала Эшли, — а не буксовал.

Я ответил, что и она вряд ли буксовала: одинокой женщине нелегко растить сына во времена экономического кризиса.

— Когда буксуешь, — сказала она, — не можешь двигаться дальше. Наверное, именно так я себя и чувствую. Я пыталась помочь Адаму, но не сумела продвинуться дальше, — она помолчала, затем обернулась ко мне, она казалась уже не такой настороженной, как раньше: — Допустим, они поехали в Мексику — Адам, Кейтлин и вся их компания. Что же нам теперь делать?

— Не знаю, — ответил я. — Мне нужно кое с кем переговорить.

— Ты бы отправился за Кейтлин в Портильо?

— Если бы был уверен, что могу помочь ей. Если

бы был уверен, что у меня все получится.

— Но ты не уверен.

— Нет. Я не уверен.

В кармане зазвонил телефон. Он был переключен на прием сообщений, но я проверил дисплей, чтобы увидеть, кто звонит. Вдруг это Дженис, которая скажет, что Кейт вернулась домой, и вся эта история — просто глупое недоразумение. Или Рэймон Дадли звонит сказать, что полиция нашла тело моей дочери.

Ни то, ни другое. На экране высветился номер Сью Чопра. Она выследила адрес моего личного терминала (несмотря на то что я сменил его, когда покинул Балтимор) и просила, чтобы я ответил как можно скорее.

— Личный звонок, — сказала я Эшли.

Она проводила меня вниз по лестнице, до машины. Я взял Эшли за руку. Было поздно, и улица опустела. В коротких светлых волосах Эшли играли янтарные блики, которые отбрасывали старомодные ртутные фонари. Рука была теплой.

— Если что-нибудь узнаешь, — сказала она, — обязательно сообщи мне. Пообещай.

Я пообещал.

— Позвони мне, Скотт.

Уверен, она искренне хотела, чтобы я позвонил. Уверен, она сомневалась, что я это сделаю.

— Прежде всего, — сказала Сью, склоняясь к объективу, так что ее лицо заполнило монитор терминала, словно близорукая смуглая Луна, — хочу, чтобы ты знал, я не обиделась на тебя, когда ты вот так уехал из города. Я понимаю, почему ты так поступил, и если ты не захотел рассказать мне, значит, я сама виновата. Хотя… Я не знаю, почему, Скотти, ты всегда ждешь от людей худшего. А тебе не приходило в голову, что мы могли бы *помочь*?

— Так вы знаете про Кейт, — сказал я.

— Да, мы занимались этой историей.

— Вы общались с полицией.

— Знаю, ты собираешься делать то, что должен, но хочу убедиться, что ты не чувствуешь себя дезертиром. Мне так хочется иногда поговорить с тобой, — добавила она жалобно. — Насколько я в курсе, ты все еще здесь работаешь. Рэй — хороший напарник в математических расчетах, и Моррис изо всех сил старается понять то, что мы делаем, но мне нужен кто-то, достаточно сообразительный, чтобы следить за мыслью, но умеющий судить непредвзято, — она опустила глаза и добавила: — А может, это лишь предлог.

Может, мне просто нужно с кем-то поговорить.

Таким способом, ко всему прочему, она еще и пыталась попросить прощения за все назойливые понукания последних лет. Но я никогда не винил Сью за это. Вполне возможно, что именно из-за ее идей о тау-турбулентности я оказался в такой сложной ситуации, но она заботливо возводила буфер между мной и государственной машиной. Машина в последнее время переключила внимание на других, но Сью по-прежнему искала моей дружбы.

— Я так расстроилась из-за всего, что случилось с Кейтлин, — сказала она.

— Единственное, что я могу вам сообщить: она еще не вернулась домой. Мне не хочется мусолить эту тему. Лучше отвлеките меня. Какой-нибудь сплетней. Рэй нашел себе подружку? А вы?

— Ты выпил, Скотти?

— Да, но не так много, чтобы оправдать эти вопросы.

Она грустно улыбнулась:

— Все в порядке. Рэй по-прежнему живет отшельником. Я встречаюсь с одной женщиной, с которой познакомилась в баре. Она очень славная. Рыжая, коллекционирует дрезденский фарфор и тропических рыб. Но у нас ничего се-

рьезного.

Конечно, нет. Все свои любовные истории Сью проживала словно отстраненно — тактично и заранее ожидая разочарования. Настоящий роман у нее был только с работой, о которой она и предпочла поговорить.

— Вот что, Скотти, у нас наметился определенный прорыв. И все словно помешались. Большая часть информации засекречена, но поскольку по сети уже вовсю ходят слухи, кое-чем я могу с тобой поделиться.

Наверное, она рассказала больше чем следовало, но я многое пропустил мимо ушей. А суть состояла в том, что кому-то из Массачусетского технологического удалось наколдовать отрицательные тау-частицы в вакууме (который, в любом случае, есть не что иное, как кипящий котел, полный того, что физики называют «мнимыми частицами») и стабилизировать их на достаточно долгое время, чтобы продемонстрировать эффект. Это были адроны, по сути, с отрицательной продолжительностью. Они прорезали, если хотите, щели в прошлое — на миллисекунды в прошлое, не те Куановские увесистые двадцать лет и три месяца, но, в принципе, это было одно и то же явление.

— Мы невероятно близки, — сказала Сью, — к пониманию того, как именно Куан это делает. И даже он, возможно, не понимает всех аспектов. Со временем мы сможем разработать целую новую технологию. Я имею в виду путешествия к звездам, Скотти. Это на самом деле возможно!

— А это так важно?

— Разумеется, важно! Мы говорим о новой эпохе в истории гребаного вымирающего человечества — *да*, это важно!

— Полмира уже живет под печатью Куана, Сью. Я бы не хотел, чтобы он выбрался за пределы планеты.

— Да, но у нас будет ключ и к *этому*. Если мы сможем выяснить, как работает Хронолит, то сможем и вмешаться. При правильном подходе мы сможем сделать так, что Хронолиты просто *исчезнут*.

— И чего мы добьемся? — в последние несколько дней мой цинизм только укрепился. — Не думаете, что вы уже опоздали?

— Нет, — сказала она, — я так не думаю. Вспомни, мы не Куана должны бояться. Даже не Хронолитов. *Обратная связь*, Скотти, вот самое главное. Настоящая проблема — это образ неуязвимого Куана, который сформировался благодаря

неуязвимости его монументов. Уничтожь Хронолиты — и ты уничтожишь миф. Сразу вдруг выяснится, что он не богоподобный властелин, а всего лишь очередной будущий Гитлер.

Тем не менее, я упирал на то, что может быть слишком поздно.

— Нет, если мы сумеем показать его слабость.

— А вы сумеете?

Она замолчала. Ее улыбка дрогнула.

— Ну, может быть. Может быть, даже очень скоро, — сказала она.

Но не так скоро, как нужно Кейт, которая, вероятнее всего, сейчас в Мексике, вдохновленная своими фантазиями о непобедимом Куане, дарящем надежду. Я напомнил Сью, что у меня дела.

— Прости, что задержала тебя, Скотти, — ответила она, — но я на самом деле думаю, что нам обязательно нужно оставаться на связи.

А все потому, что она, конечно же, не отказалась от своей псевдоюнгианской идеи о том, что наше с ней будущее переплелось, так как Куан, помимо прочего, повлиял на нашу общую судьбу.

— В любом случае, я звоню по другой причине. Я рассказала кое-кому о твоей проблеме. И он хочет помочь.

— Только не Моррис, — ответил я. — Мне нра-

вится Моррис, но он и сам вам скажет, что у него нет опыта полевого игрока.

— Нет, не Моррис, хотя он тоже хотел бы помочь. Нет, это человек, обладающий совершенно другим опытом.

Я должен был догадаться. В конце концов, это же Сью, которая хорошо изучила мое прошлое, особенно время, проведенное в Чумпхоне. Но все-таки я был ошарашен:

— Может быть, ты его помнишь. Его зовут Хитч Пэйли.

Глава четырнадцатая

Как-то раз на той же неделе, еще до приезда Хитча, до того, как события вышли из-под контроля, Эшли посреди телефонного разговора вдруг спросила:

— Ты знаешь «Рождественскую песню в прозе» Диккенса?

— А что?

— Да вот я думала про Куана, про Хронолиты и так далее. Помнишь, как у Диккенса Скрудж отправляется в будущее и видит собственные похороны? И он разговаривает с призраком: «Ты намерен открыть мне то, что еще не произошло, но должно произойти в будущем?». Что-то в этом роде?

— Ну да, — сказал я.

— Вот и Хронолиты, Скотт, это то, что *должно быть* или *может быть*?

Я ответил, что никто не знает наверняка. Но если я правильно понимаю Сью, события, в честь которых возведены уже существующие Хронолиты, в том или ином виде *случатся*. У нас нет ясной альтернативной картины будущего, в котором мы остановим Куана еще до его побед и

превратим монументы в безвредные парадоксы в свободном плавании. Куан все-таки *завоюет* Чумпхон, Таиланд, Вьетнам, всю Юго-Восточную Азию; время может быть изменчивым, но сами Хронолиты незыблемы и неизменны.

Как тут не прийти в отчаяние? Думаю, Сью ответила бы, что битва еще не закончилась. Большая часть цивилизованного мира по-прежнему свободна от Хронолитов, а это наводит на мысль, что завоевания Куана были ступенчатым процессом, со своими успехами и откатами назад. В Северной Америке не было еще ни одного Хронолита. Возможно, никогда и не будет, если мы все сделаем правильно. Каким бы ни было это «правильно».

Сью подкинула мне идею «отрицательной обратной связи». Если то, что делает Куан со своими Хронолитами, представляет собой положительную обратную связь — сигнал, усиливающийся и расширяющийся под влиянием времени и людских ожиданий, — тогда решение нужно искать в обратном процессе. Прибывший Хронолит, который будет затем уничтожен, подвергнет сомнению весь процесс; растущая как раковая опухоль вера в непобедимость Куана если и не будет разбита, то по крайней мере ослабнет.

Он может занять половину Земли, но не *нашу* половину.

Сью Чопра была в этом убеждена. Я надеялся, что она права. И готов был действовать, исходя из этого допущения.

Однако положа руку на сердце, я не мог сказать, что верю в это.

Ну, а потом на парковке рядом с мотелем появился Хитч Пэйли, выбравшийся из потрепанного «Сони Компакта» (хотя по закону жанра должен был примчаться на мотоцикле). Мы договорились встретиться в девять утра. Он опоздал на пятнадцать минут. А в некотором смысле на десять лет.

Хитч не очень изменился. Я узнал его сразу, еще за десять метров, в тени от тента у кофейного магазинчика. Я был рад, но и напуган.

Он отрастил бороду и носил кожаную куртку мерзкого зеленого цвета. Он слегка располнел, что придало особую выразительность его широкому носу, высоким скулам и скошенному лбу неандертальца. Заметив меня, Хитч пересек враскоряку залитое солнцем пространство между нами и протянул свою огромную правую руку.

— Привет, дружище, — сказал он. — Пакет, который я просил забрать, все еще у тебя?

На мое невнятное бормотание он ухмыльнулся и хлопнул меня по спине со словами:

— Да я просто издеваюсь над тобой, Скотти, позже об этом перетрем.

Мы зашли в кафе и заняли кабинку. Конечно, Сью Чопра знала о Хитче. Все мои ухищрения — например, попытка не вспоминать о нем во время проверки на полиграфе — были очевидны и бесполезны. Хитч был одним из тех, кого Сью называла первичными наблюдателями, и с самого начала должен был фигурировать в ее проекте «сложи пазл». Хитч глубоко связан с тау-турбулентностью, так же глубоко, как и я сам.

Я допускал, что Хитча не смогут разыскать, но он, вероятно, завис в Чумпхоне немного дольше, чем собирался, пока не сообразил, как тщательно проверяют свидетелей — он пробыл как раз столько, чтобы ФБР смогло отследить его электронную подпись или даже повесить на него жучок. В любом случае, они его нашли.

Они его нашли, и Сью предложила ему альтернативу: немедленный арест или работа. Хитч сделал правильный выбор.

— Это не совсем работа в офисе, — рассказывал он. — Хорошая зарплата, путешествия, никаких обязательств. Якобы снятие судимости в конце,

хотя конца не видать. Первое, что они сделали, — отправили меня вокруг Тихоокеанского рубежа охотиться за слухами о Куане, но ничего стоящего из этого не вышло. Но мне было чем заняться, Скотти. Разнюхивал, знаешь ли, обстановку в Анкаре и Стамбуле, где появились Хронолиты, обделывал кое-какие неофициальные дела там и сям, болтал с куанистами — в последнее время с местными. С медноголовыми, с хаджистами.

— Так ты шпион?

Он угрюмо посмотрел на меня:

— Ну да, я шпион. Пью мартини, играю в баккара.

— Но ты в курсе всего, что связано с хаджем.

— Я знаю про хадж больше, чем все остальные. Я втерся в их ряды. И сделаю все, что смогу, чтобы помочь тебе найти Кейт.

Я откинулся на спинку кресла, задумавшись, этого ли я хотел. И благоразумно ли это.

— Знаешь, — сказал Хитч, — когда я думаю про Кейтлин, то вспоминаю, какой она была в Чумпхоне. Как она бежала по линии прилива в простом розовом платьице, в которое Дженис любила ее наряжать, а на песке оставались следы — пятка и пальчик, как после крошечной птички. Мы должны были не спускать с нее глаз, Скотти.

Он сказал «мы», чтобы звучало дружелюбней. Но говорил он обо мне.

Хитч не стал пускаться в воспоминания, он не тратил времени зря. Рэймон Дадли уже посвятил его в детали всей истории, а пока мы листали меню, я рассказал то немногое, что мне лично удалось узнать.

— Мексика — неплохой вариант, — сказал Пэйли. — Но нам нужно узнать побольше, прежде чем мы сможем делать выводы.

Он предложил еще раз поговорить с Уитом Делахантом. Я согласился при условии, что мы не будем напрасно беспокоить Дженис.

— И еще нужно пообщаться с Эшли Миллс. Если она дома, можем захватить ее по дороге к Уиту.

— Не дело, — заметил Хитч, — втягивать в это слишком много людей.

— Эшли уже втянулась не меньше моего. И на самом деле от нее больше пользы, чем от полиции.

— Ты ручаешься за нее, Скотти?

— Да.

— Ладно, — он критически меня оглядел. — Ты, похоже, плохо ел и мало спал.

— Это заметно?

— Как насчет стейка и яичницы?

— Я не голоден.

— Стейк и яичница, Скотти. Считай, что ради Кейт.

Я не хотел есть, но еда, принесенная официанткой, выглядела так соблазнительно, что я без проблем опустошил тарелку.

— Ну как, лучше? — спросил Хитч.

— Уже чувствую, как прогрессирует атеросклероз.

— Фигня. Тебе нужен белок. Нас ждет работа, и не только сегодня.

— Мы действительно сможем вернуть ее? — услышал я собственный голос.

— Мы вернем ее. Точняк.

Эшли долго и пристально изучала Хитча Пэйли, когда в первый раз его увидела, потом одарила меня выразительным взглядом: «И с такими людьми ты дружишь?»

Что было вполне справедливо. Хитч по-прежнему выглядел мелким жуликом: он мог бы сойти за торговца наркотиками à la Чивер Кокс, или за громилу, который возвращает безнадежные долги. Я вкратце обрисовал наше с ним прошлое и повторил кое-что из того, о чем узнал от Хитча. Эшли кивала, но явно не могла отделаться от подозрения, что Хитч — это нечто большее, чем

просто глаза и уши Сью Чопра на дне общества.

Отведя меня в сторону, она спросила:

— Он поможет нам найти Кейт и Адама? Больше меня ничего не интересует.

— Думаю, да.

— Тогда поехали, поглядим на этого Уитмена Делаханта.

Я сидел за рулем. После обеда повеяло легким ветерком, и небо очистилось от облаков. Хитч молчал. Эшли напевала мелодию, в которой я узнал старую песню Люкс Эбен, что-то грустное. Что-то из тех времен, когда песням придавали значение, когда все их знали. Песни, популярные в этом году, напоминали мне марши: барабаны, тарелки и трубы, утопающие в собственном отражении. Но, думаю, каждое десятилетие рождает ту музыку, которой оно заслуживает.

Хитч заметил пятна никотина у Эшли на пальцах.

— Кури, не стесняйся, — сказал он. — Мне по барабану.

Дом, в котором жили Уит и Дженис, не отличался особым изяществом стиля, как и вся территория вокруг, но жили они намного лучше, чем в среднем по стране. Местные обитатели могли себе позволить вывоз мусора даже во время

забастовки коммунальщиков. Газоны зеленели. Тут и там между рядами живой изгороди ползали изъеденные ржавчиной ландшафтные роботы, похожие на ленивых броненосцев. Если окинуть беглым взглядом, могло показаться, что последних десяти лет как не бывало.

Уитмен открыл дверь и отшатнулся, увидев меня. Не понравились ему своим видом и Хитч с Эшли. Он казался озадаченным. — Дженис наверху, Скотт. Хочешь, чтобы я позвал ее? — спросил он.

— Мы всего лишь хотим задать тебе пару вопросов, — ответил я. — Не нужно вмешивать Дженис.

Он явно не горел желанием приглашать нас внутрь, но также не мог пойти на то, чтобы обсуждать свои медноголовые дела на виду у случайных прохожих. Мы шагнули в прохладную тень дома. Я представил Хитча и Эшли, не вдаваясь в объяснения, зачем их привел. Едва мы отошли от двери, Хитч перехватил инициативу:

— Скотти рассказал мне о клубе, в котором вы состоите, мистер Делахант. Что нам сейчас нужно — так это список остальных его членов.

— Я уже отдал его полиции.

— Да, но нам он тоже нужен.

— Вы не имеете права требовать.

— Да, — согласился Хитч, — и вы не обязаны давать его нам, но это поможет нам найти Кейтлин.

— Сомневаюсь, — Уит обернулся ко мне. — Я мог бы рассказать о тебе в полиции, Скотт. Жаль, что я этого не сделал.

— Все в порядке. Я сам с ними поговорил.

— Тебе придется встретиться с ними снова, если будешь настаивать на…

— На чем? — прервал Хитч. — На попытках выручить твою дочь из беды, в которой она оказалась?

У Уита был такой вид, будто он хотел топнуть ногой:

— Я вас даже не знаю! Какое отношение вы имеете к Кейтлин?

Хитч слегка улыбнулся:

— Когда-то у нее был шрам под левым коленом, она упала на разбитую бутылку в тайском Хаате. У нее еще есть этот шрам, мистер Делахант?

Уит открыл было рот, чтобы ответить, но его перебил голос Дженис, раздавшийся с лестницы:

— Да.

Она все слышала. Она спустилась вниз, царственная в своем горе.

— Он там. Но почти исчез. Привет, Хитч.

На этот раз улыбка Хитча была искренней:

— Дженис.

— Ты помогаешь Скотту искать Кейтлин?

Он подтвердил.

— Значит, все в порядке. Уит, ты не мог бы дать этим людям информацию, которую они просят?

— Это абсурд. Они не имеют права приходить сюда и предъявлять такие требования.

— Но это больше напоминало просьбу. И разве главное не в том, что они могут помочь Кейт?

Уит удержался от возражений. В голосе Дженис звучала ярость, давний, сокрушительный гнев. Может быть, Хитч и Эшли этого и не услышали, но я услышал. И Уит тоже.

Пришлось немного подождать, пока он отдал нам довольно разборчиво записанный от руки перечень имен, адресов, номеров.

— Только меня не впутывайте, — бормотал он.

Хитч сгреб Дженис в свои огромные объятия, и та тоже прижалась к нему. По понятным причинам, она никогда прежде не жаловала Хитча Пэйли, но то, что сейчас он был здесь и занимался поисками Кейт, искупало многое в ее глазах. Когда мы уходили, Дженис взяла меня за руку:

— Спасибо, Скотт. Я серьезно. Прости за то, что

наговорила тебе несколько дней назад.

— Да ладно.

— В полиции до сих пор говорят, что Кейт в городе. Но это ведь не так?

— Скорее всего, нет.

— Боже, Скотт, это все… — она не сумела найти подходящее слово и прижала ладонь к губам. — Будь осторожен. Я имею в виду, *найди* ее, но… будь осторожен.

Я пообещал.

Когда мы вышли из дома, Хитч спросил:

— Дженис знает, что вышла замуж за мудака?

— Она уже начинает догадываться, — ответил я.

Мы отправились к Эшли поужинать и набросать стратегию.

Пока я помогал Эш на кухне, Хитч сделал несколько звонков по карманному терминалу. Эшли готовила из курицы и риса блюдо, которое назвала «плов для бедных», разрубая сырое мясо на аккуратные кусочки дешевым стальным тесаком. Спросила, как долго мы с Дженис были женаты.

— Лет пять, — сказал я. — Мы оба были очень молоды.

— Получается, вы давно развелись.

— Иногда кажется, что не так и давно.

— Она произвела на меня впечатление очень собранного человека.

— Собранная, но не очень уступчивая. Ей это непросто.

— Зато везучая, у нее такая жизнь. Стоило бы это ценить.

— Не думаю, что сейчас она чувствует себя очень везучей.

— Ну, я не имела в виду…

— Я понял, Эшли.

— Опять я села в лужу, — она откинула волосы с лица.

— Помочь тебе нашинковать морковь?

Она педантично и со знанием дела приправляла плов. Пока тот настаивался, мы присоединились к Хитчу.

Он закинул свои огромные ноги, обутые в сапоги, на кофейный столик.

— Итак, что у нас есть, — начал Пэйли. — Мы знаем от Уитмена и из других источников, включая того копа, Рэймона Дадли, что этот его дерьмовый клуб медноголовых включает двадцать восемь постоянных членов, которые платят членские взносы, и десять из них — это высшее руководство его компании, так что он

по-своему прав, вступив в их ряды из карьерных соображений. Двадцать восемь взрослых, из которых восемнадцать — одинокие или бездетные. У остальных десяти есть дети разного возраста, но только девять притащили своих спиногрызов в молодежную группу. Плюс еще пару юных родственников. Всего это десять детей, плюс шесть посторонних, вроде Адама, которые примкнули самостоятельно. Восемь наиболее активно вовлеченных составляли костяк группы, в том числе Кейт и Адам. Вот именно они и пропали.

— О'кей, — сказал я.

— Итак, предположим, что они покинули город. На самолете или автобусе — слишком заметно, учитывая, что они путешествуют вместе. Сомневаюсь, что детки из пригорода согласились бы ехать автостопом при том, сколько долбанутых взрослых теперь ошивается на дорогах. Так что остается личный транспорт. И, надо думать, что-то довольно большое. Можно и в ландо набиться ввосьмером, но это будет привлекать внимание, да и сами они будут недовольны.

— Все это только догадки, — заметил я.

— Хорошо, подожди минутку. Если они за рулем, то за рулем чего?

— У кого-нибудь из этих детей должны быть

свои машины, — предположила Эшли.

— Правильно. И Рэймон Дадли это проверил. У четверых из восьми есть машины, зарегистрированные на них, но все удалось найти. Никто из родителей не сообщал об угоне, и на самом деле в тот период, когда дети исчезли, почти все кражи машин в городе были совершены либо профессионалами, либо хулиганами для развлечения, в результате эти машины либо сгорели, либо были разбиты. Угон машины не такое простое дело, как раньше. Даже если вам удастся обойти персонализированный замок, все машины, собранные или импортированные за последние десять лет, постоянно передают свой серийный номер и координаты через спутник. В основном люди пользуются этим, чтобы найти свою тачку на стоянке, но и угон это сильно усложнило. Современный угонщик — это техник с навыками хакера, а не подросток из средней школы.

— Значит, они не брали свои автомобили и не угоняли, — сделала вывод Эшли. — Замечательно. Вариантов не осталось. Может быть, они еще в городе.

— Вот и Рэймон Дадли так думает, но это ерунда. Совершенно ясно, что дети намерены совершить хадж. Поэтому я попросил Дадли проверить все

четыре машины еще раз. Что он и сделал.

— А… и он что-то нашел?

— Не-а. Ничего не изменилось. Три машины находятся там же, где были припаркованы на прошлой неделе. С момента побега только одна перемещалась, и лишь для поездок в местный магазин, не более чем на двадцать миль по счетчику. Пацан оставил ключи мамаше.

— Значит, мы нисколько не продвинулись.

— За исключением одного момента. Мамаша, которая ездит в магазин на машине сына. В списке Уита есть ее имя — Элеонора Хельвиг. Она на хорошем счету у медноголовых, как и ее муж Джеффри. Джеффри — младший вице-президент в «Клэрион Фармасьютикал», на пару уровней выше Уита. Джефф делает очень хорошие деньги, на семью зарегистрировано три машины: его, жены и ребенка. Отличные машины. Пара «Даймлеров» и подержанный «Эдисон» для Джеффри-младшего.

— И?

— И почему его жена ездит за продуктами на «Эдисоне», если у нее внедорожник с огромным багажником?

Эшли сказала:

— Причины могут быть самые разные.

— Могут. Но думаю, стоит спросить у нее, а?

Обед был превосходный — о чем я и сказал Эш — но нам некогда было им наслаждаться. Эшли решила остаться дома, пока мы с Хитчем поработаем ногами, но при условии, что позвоним ей, как только что-то выясним.

В машине я сказал:

— Тот пакет…

— Точно, пакет. Забудь о нем, Скотти.

— Я не собираюсь забывать старые долги. Ты дал мне денег, чтобы я уехал из Таиланда. Мне нужно было всего лишь оказать одну услугу, но я этого не сделал.

— Да, но ты *пытался*, правильно?

— Да, я ходил в то место, о котором ты говорил.

— К Изи? — от ухмылки Хитча мне всегда становилось не по себе (и сейчас произошло то же самое).

— Да, я пошел к Изи, но…

— Ты назвал мое имя тому мужику, который там был?

— Да…

— Такому седому старику, довольно длинному и смуглокожему?

— Кажись, да. Но никакого пакета не было, Хитч.

— Он тебе так сказал?
— Ага.
— А он разговаривал с тобой вежливо?
— Я бы так не сказал.
— Слегка взбесился, да?
— Чуть за пистолет не схватился.
Хитч покивал:
— Отлично… Отлично.
— Отлично? Так пакет опоздал или что?
— Нет. Скотти, пакета не было.
— Того, что ты просил забрать?..
— Вообще никакого. Прости.
Я сказал:
— Но деньги, которые ты мне дал…
— Без обид, но я посчитал, что тебе безопаснее вернуться в Миннеаполис. В смысле, ты сидел на мели, Дженис и Кейтлин уехали, и ты начал бухать. А Чумпхон не лучшее место для пьяного американца, особенно когда там журналюги без конца крутятся. Так что я пожалел тебя. Дал денег. Надо же их куда-то тратить, когда бизнес процветает. Но я понимал, что ты не примешь их в подарок, и не хотел давать в долг, чтобы ты не пытался найти меня и вернуть их, как примерный бойскаут. Которым, согласись, ты и был. Так что я выдумал эту отмазку с пакетом.

— *Ты все это выдумал?*

— Прости, Скотти, подозреваю, ты решил, будто тебя использовали как наркокурьера или что-то вроде, но такое уж у меня чувство юмора. В смысле, зная тебя в образе чистенького мальчика с колледжем за плечами, я подумал, что небольшая моральная дилемма привнесет разнообразие в твою жизнь.

— Нет, — упорствовал я, — ничего подобного. Тот парень знал твое имя… и ты сам только что описал его.

Мы ехали на закат, и огоньки на приборной панели только-только начинали светиться. В окно врывался прохладный и сравнительно приятный ветерок. Хитч тянул с ответом.

Наконец он произнес:

— Давай расскажу тебе небольшую историю, Скотти. В детстве я с матерью и младшей сестрой жил в Роксбери. Мы были бедными, но в те времена пособия хватало, чтобы сводить концы с концами, если ты осмотрителен в своих тратах. Не сказал бы, что это как-то отражалось на мне, по крайней мере я был счастлив тем, что имел, плюс иногда воровал в магазинах. Но моя мама была одинока, и когда мне было шестнадцать, она вышла замуж за этот старый кусок дерьма

по имени Изи Джей Тобин. Изи разъезжал на почтовом пикапе и продавал кокс и мет через заднюю дверь. Скажу честно, он никогда не бил ни мать, ни меня, ни сестру. Он не был монстром. И наркоманские дела свои вел подальше от дома. Но он был чмом. И разговаривал мерзко. У него хватало ума никогда не повышать голос, но он умел поставить на место двумя словами — у него был талант просекать, за что ты себя ненавидишь. Он поступал так со мной и с моей сестрой, но мы были низшей лигой. Чаще он вел себя так с мамой, и к тому времени, когда я собирался уйти из дома, прожив с ним пару лет, я видел маминых слез гораздо больше, чем хотел бы. Она хотела избавиться от него, но не знала как, а у него были и другие дамочки на стороне. Поэтому мы с парой приятелей выследили Изи у одной из его подружек, ввалились туда и слегка проучили. Не думай, что мы избили его до полусмерти, так, напугали хорошенько и попинали. И сказали, чтобы он выметался из дома моей матери, а то будет хуже. Он ответил, что ничего не имеет против, что его тошнит от меня и моей сестры, а мать нашу он просто использовал — его слова — и сам собирался нас бросить, я ответил, что жду не дождусь, когда он сделает это, а до тех

пор не спущу с него глаз. Он вякнул напоследок: «Через неделю я даже не вспомню, как тебя зовут, кусок дерьма!». Я ответил, что он меня услышал и лучше бы ему имя мое не забывать, потому что я его не забуду. На том и порешили. Но у меня появился пунктик — подстраивать так, чтобы он натыкался на мое имя. Хотя бы время от времени, хотя бы изредка. Открытка, телефонный звонок, такая визитная карточка со знаком минус. Просто, чтобы держать его в тонусе. Думаю, он меня вспомнил, а Скотти?

Я ответил:

— Он мог меня убить.

— Не думаю. Кроме того, ты получил от меня кругленькую сумму. Думаю, ты понимал, что это может быть рискованно.

— Черт возьми, — сказал я тихо.

— Ну, видишь? Поэтому ты и не должен благодарить меня.

Нам повезло, и мы застали миссис Джеффри Хельвиг дома одну.

Она была одета по-домашнему и, подойдя к двери, насторожилась, едва увидев нас в свете фонаря на крыльце. Мы сказали, что хотим поговорить о ее сыне, Джеффе-младшем. Она ответила: «Я уже разговаривала с полицией, а вы

на полицейских не очень-то похожи. Кто вы и что вам нужно?» Я показал ей свое удостоверение, чтобы доказать, что перед ней отец Кейтлин. Она знала Дженис и Уита, хотя и не очень хорошо, и несколько раз встречалась с Кейт. Когда я объяснил, что хочу поговорить о дочери, миссис Хельвиг смягчилась и пригласила войти, хотя явно была не в восторге.

Дом был идеально чистым. Элеонора Хельвиг увлекалась пробковыми подставочками и кружевными салфеточками. В углу гостиной гудел пылеуловитель. Хозяйка явно стояла рядом с домашней панелью безопасности, и одного прикосновения ее пальца было достаточно, чтобы включить сигнализацию и отправить запись с камеры в местный полицейский участок. Запись, наверное, уже велась. Думаю, она нас не боялась, просто была очень осторожна.

— Я знаю, что вы сейчас переживаете, мистер Уорден, — сказала миссис Хельвиг. — Сама в том же положении. Вы понимаете, что у меня нет желания снова рассказывать о том, как Джефф пропал.

Она защищалась от обвинений, которые еще не прозвучали. Я принял это к сведению. Ее муж был медноголовым — истинно верующим, по словам

Уита. Она часто сопровождала его на заседания, но не на все. Поэтому она, скорее всего, лишь повторяла какие-то мысли вслед за ним, но вряд ли сама искренне в них верила. Я надеялся на это.

— А вас удивило бы, миссис Хельвиг, если бы я сказал, что, похоже, ваш сын вместе с друзьями решил совершить хадж?

Она моргнула:

— Меня бы это, разумеется, задело. Употреблять это слово в таком контексте — значит оскорблять мусульманскую веру, не говоря уже множестве искренних молодых людей.

— Искренних молодых людей вроде Джеффа?

— Я уверена в искренности Джеффа, но я не приемлю такого легкомысленного объяснения того, что с ним произошло. Должна признаться, я скептически отношусь к отцам, которые сначала сбегают, а в критический момент пытаются заново открыть для себя собственных детей. Но так уж устроено общество, в котором мы живем, не правда ли? Есть люди, которые думают, что отцовство — это соединение генов, а не священные узы.

Хитч заметил:

— И вы думаете, что при Куане станет лучше?

Она посмотрела на него с вызовом:

— Я считаю, что хуже он уже вряд ли сумеет

сделать.

— Вы вообще знаете, что такое хадж, миссис Хельвиг?

— Я уже сказала вам, мне не нравится это слово…

— Но многие его используют. В том числе многие юные идеалисты. Я с такими встречался. Вы правы, мы живем в жестоком мире, и к детям он особенно жесток. Я повидал таких. Видел забитых до смерти детей-хаджистов на обочинах дорог. Детей, миссис Хельвиг, изнасилованных и убитых. Они молоды, они идеалисты, а еще они слишком наивны и не знают, как выживать за пределами Миннеаполиса и его пригородов.

Элеонора Хельвиг побледнела (по-моему, я тоже.) Она спросила Хитча:

— Кто вы такой?

— Друг Кейтлин. Вы когда-нибудь встречались с Кейт, миссис Хельвиг?

— Кажется, она приходила к нам раз или два…

— Уверен, что Джефф — сильный юноша, но как насчет Кейтлин? Как вы думаете, миссис Хельвиг, что с ней будет там?

— Я не…

— Там, на дороге, я имею в виду, среди всех этих бездомных мужиков и солдат. Потому что если

эти дети *все-таки отправились* совершить хадж, им будет безопаснее в машине. Даже Джеффу.

— Джефф сможет позаботиться о себе, — прошептала Элеонора Хельвиг.

— Но вы не хотели бы, чтобы он ловил попутки, не так ли?

— Конечно, нет…

— Где машина вашего мужа, миссис Хельвиг?

— Муж уехал на ней на работу. Еще не вернулся, но…

— А машина Джеффа?

— В гараже.

— А ваша?

Она медлила с ответом достаточно долго, чтобы подтвердить подозрения Хитча:

— В ремонте.

— В какой именно мастерской?

Она не ответила.

— Не хотелось бы, — заметил Хитч, — обсуждать это с полицией.

— В машине ему будет *безопаснее*. Вы сами это сказали, — прошептала она.

— Уверен, что вы правы.

— Джефф-младший не говорил о… паломничестве, но когда он попросил машину, я, наверное, должна была заподозрить. Его отец сказал, что

не стоит рассказывать полиции. Это только превратило бы Джеффа в преступника. А нас — в его пособников. Он вернется, правда. Я знаю, что он вернется.

— Вы могли бы помочь нам… — начал Хитч.

— Вы сами видите, что все перевернулось с ног на голову. Можно ли *обвинять* детей?

— Дайте нам ваши права и GPS-маячок автомобиля. Мы не станем привлекать полицию.

Она рассеянно потянулась к сумочке, но засомневалась:

— Если вы их найдете, вы не обидите Джеффа?

Мы пообещали, что не обидим.

Хитч переговорил с Моррисом Торрансом, который отследил автомобиль до Эль-Пасо. GPS-навигатор обнаружился в местном пункте переработки; сама машина пропала, наверное, ее продали или обменяли, чтобы спокойно перейти через границу.

— Их цель — Портильо, — сказал Хитч. — Почти наверняка.

— Поэтому мы и отправляемся туда, — сказал я.

Он кивнул:

— Моррис организует перелет. Нам нужно ехать как можно скорее.

Я задумался:

— Так это не просто слухи, да? В смысле, Портильо. Хронолит.

— Нет, — уверенно ответил он, — это не просто слухи. Нам нужно поторопиться.

Глава пятнадцатая

На подъезде к Портильо нас развернули солдаты, сказав, что в городе и так уже жить невозможно, что американцев тут как бродячих собак, позорище какое. И в подтверждение своих слов махнули рукой, пропуская мимо нас колонну грузовиков Красного Креста.

Хитч не стал спорить, а промчал еще пару миль на юг по разбитому шоссе. Он сказал, что в Портильо есть другой путь, не намного шире козьей тропы, но вполне годный для раздолбанного фургончика, который мы арендовали в аэропорту.

— Проселочная дорога в любом случае безопаснее, — сказал он. — Пока не останавливаешься.

Хитч всегда предпочитал проселочные дороги.

— Почему *здесь*? — задумчиво спросила Эшли, глядя в окно на пустынный пейзаж Соноры[22]: агавы, желтые клочья травы, изредка обнищавшие ранчо.

Спад, благодарить за который следовало Куана, больно ударил по Мексике — отказом от достижений правительства Гонсалвеза и возвращением

---

[22] Примечания: 22

Сонора — пустыня в Северной Америке, на границе Мексики и США.

к власти почтенной и коррумпированной Partido Revolucionario Institucional[23]. Нищета в сельской глубинке достигла уровня начала тысячелетия. Мехико был одновременно и самым густонаселенным городом на континенте, и самым загрязненным и криминогенным. Портильо, наоборот, был небольшим городком без какого-то стратегического или военного значения, еще одним пыльным поселением, обобранным до нитки и брошенным умирать.

— За пределами больших городов Хронолитов больше, чем в них, — сказал я Эшли. — Точки приземления кажутся выбранными почти наугад, за исключением таких значимых мест, как Бангкок или Иерусалим. Никто не знает почему. Может быть, легче построить Хронолит там, где есть какое-то свободное пространство. Или, возможно, небольшие монументы возводятся до того, как города переходят к куанистам.

Наш холодильник был забит бутылками с водой и несколькими коробками походной еды. Более чем достаточно, чтобы продержаться. Сью Чопра, вернувшись в Балтимор, продолжала со-

---

[23] Примечания: 23

Институционно-революционная партия — политическая партия Мексики, одна из лидирующих партий страны, является членом Социалистического интернационала.

поставлять сведения своей неофициальной сети осведомителей с данными со спутников последнего поколения. Новости о Портильо держали в секрете. Чиновники опасались, что это привлечет еще больше паломников. Но это все равно произошло несмотря на официальную завесу молчания, благодаря слухам в интернете.

Наших припасов должно было хватить дней на пять, и этого было более чем достаточно, потому что, по самым оптимистичным прогнозам Сью, до прибытия оставалось меньше пятидесяти часов.

«Козья тропа» оказалась колеей через труднопроходимый чапараль[24], увенчанный бескрайним бирюзовым небом. До города оставалось еще миль десять, когда нам попался первый труп.

Эшли настояла, чтобы мы остановились, хотя было очевидно, что помочь уже ничем нельзя. Она хотела убедиться. «Адам такого же роста», — сказала она.

Но этот юноша, одетый в грязную холщовую рубаху и желтые кевларовые брюки, умер уже давно. Ботинки с него стащили, а заодно и часы, и терминал, и наверняка кошелек, хотя мы про-

---

[24] Примечания: 24

Чапараль (заросли кустарникового дуба) — тип субтропической жестколистной кустарниковой растительности.

верять не стали. Ему проломили череп каким-то тупым предметом. Разлагающееся тело раздулось и, видимо, привлекло каких-то хищников, хотя сейчас лишь муравьи лениво ползали по высушенной солнцем правой руке.

— Скорее всего, мы такого еще насмотримся, — сказал Хитч, переведя взгляд с трупа на горизонт. — В этой части страны воров больше, чем мух, по крайней мере с тех пор, как ИРП отменила последние выборы. Несколько тысяч доверчивых американцев в одном месте — отличная приманка для любого привыкшего убивать мудака к югу от Хуареса, слишком голодного, чтобы церемониться.

Наверное, он мог бы выразиться и помягче, но какой смысл? Зловонное доказательство лежало на краю песчаной дороги.

Я посмотрел на Эшли. Она не отрывала взгляд от юного американца. Ее лицо побледнело, а глаза блестели от тревоги.

Эшли настаивала, что должна пойти с нами, и в конце концов я согласился. Возможно, мне и удастся вытащить Кейтлин из этой провальной авантюры, но повлиять на Адама Миллса я никак не мог. Даже если я его найду, объясняла она, то не смогу отговорить от хаджа. Возможно, этого

никто не сможет, включая ее саму, но она должна попытаться.

Конечно, это было опасно, крайне опасно, но у Эшли хватило бы решимости поехать и без нас. И я понимал, что она чувствует. Иногда совесть выдвигает требования, которые не обсуждаются. Мужество ничего общего с этим не имеет. Мы оказались здесь не потому, что были храбрецами. Мы были здесь, потому что должны были. Но тело мертвого парня показало нам ту реальность, которой мы предпочли бы избежать. Правда состояла в том, что наши дети оказались в таком месте, где происходят подобные вещи. Что так же легко на обочину дороги могли выбросить Адама или Кейтлин. Что не каждого ребенка, оказавшегося в опасности, можно спасти.

Хитч взобрался за руль фургона. Мы с Эшли сели сзади. Она положила голову мне на плечо, впервые за весь долгий путь из США выказав усталость.

Были и другие подтверждения тому, что мы не единственные американцы, ехавшие этим маршрутом до Портильо. Мы миновали седан, который врезался в дамбу, сломал ось и был брошен на месте. Ржавый «Эдисон» с орегонскими номерами лихо пронесся мимо нас, выпуская в послеполу-

денный воздух клубы щелочного дыма.

Наконец мы въехали на холм, и перед нами раскинулись улочки Портильо, а все подъезды к городу были облеплены куполами палаток, словно яйцами насекомых. Вдоль главной дороги Портильо тянулись кирпичные гаражи, мусорные кучи, накиданные хаджистами, бедные домишки и почти непроходимый лабиринт из американских машин. Сам город, по крайней мере издалека, казался размытым пятном колониальной архитектуры, подпертым по бокам несколькими мотелями и заправочными станциями. Всем этим теперь, по умолчанию, завладели куанисты. Здесь собрались юные хаджисты всех мастей, в большинсте своем без необходимых припасов и навыков выживания. Местные жители, как рассказал Хитч, по большей части бросили дома и уехали подальше, остались инвалиды и старики, грабители и продавцы воды, авантюристы и измотанные местные стражи порядка. Если не считать продовольственных палаток, организованных международными спасательными организациями, еды здесь было крайне мало. Армия блокировала поставки в надежде, что голод разгонит паломников.

Эшли в отчаянии смотрела на эту выбеленную

пылью Мекку.

— Даже если они здесь, — сказала она, — как мы их найдем?

— Поработаю ногами, — ответил Хитч. — Вот как. Но сначала нужно подобраться поближе.

Мы пересекли каменистый участок земли и выехали на потрескавшийся асфальт. Вонь ударила в окна с вероломством сжатого кулака, и Эшли закурила, чтобы как-то перебить запах.

Хитч припарковался позади почерневшей от пожара глинобитной лачуги в полумиле от города. От главной дороги фургон был скрыт зарослями высохших жакаранд[25] и рядами загаженных курятников.

Хитч купил оружие сразу после пересечения границы и настоял на том, чтобы мы с Эшли учились им пользоваться. Не то чтобы мы сильно сопротивлялись. Я ни разу в жизни не стрелял — родился в ту пору, когда о пушках предпочитали вообще не говорить, и испытывал интеллигентское отвращение к огнестрельному оружию, — но Хитч выдал мне пистолет с полной обоймой и убедился, что я знаю, как снимать предохрани-

---

[25] Примечания: 25

Жакаранда — вечнозеленые деревья, растущие в основном в топиках и субтропиках

тель и держать оружие так, чтобы при выстреле отдачей не сломало руку.

План состоял в том, что Эшли и я останемся в машине, охраняя еду, воду и транспорт, пока он в Портильо ищет компанию Адама и договаривается о встрече. Эшли хотела немедленно мчаться в город — и я понимал ее, — но Хитч был непреклонен. Фургон был нашим главным достоянием, которое нужно защищать, без него мы ничем не могли бы помочь Кейтлин и Адаму.

Хитч вооружился и направился в сторону города. Я смотрел, как он исчезает в сумерках. Затем запер дверцы фургона и присоединился к Эшли, которая на переднем сиденье устроила для нас перекус из батончиков мюсли, яблок и теплого растворимого кофе из термоса. Мы молча ели, а небо тем временем угасало. Зажигались звезды, яркие и четкие даже сквозь дымную мглу и запыленное ветровое стекло.

Эшли положила голову мне на плечо. Мы не мылись с тех пор, как въехали в страну, и этого нельзя было не замечать, но нам было все равно. Тепло, прикосновения — вот что имело значение.

— Нам придется спать по очереди, — произнес я.

— Думаешь, здесь настолько опасно?

— Думаю, да.

— Не уверена, что *смогу* уснуть.

Но произнося это, она едва сдерживала зевоту.

— Переползай назад, — сказал я. — Укройся одеялом и сомкни глаза хоть ненадолго.

Она кивнула и растянулась на заднем сиденье. А я сидел за рулем, положив рядом пистолет, чувствуя себя одиноко, неприкаянно и нелепо среди спадавшей дневной жары.

Даже на таком расстоянии можно было расслышать ночные отзвуки Портильо. Они сливались в сплошной поток белого шума: голоса людей, играющая музыка, потрескивание костров, смех и крики. Мне пришло в голову, что это было то «безумие миллениума», которого мы избежали на рубеже веков; сотни хаджистов превращали в наличный капитал тот моральный карт-бланш, который гарантировал им конец света. Спаситель или разрушитель, Куан завладел завтрашним и послезавтрашним днем, равно как и всеми последующими, по крайней мере, в понимании хаджистов. И хотя бы в этом они не будут разочарованы: Хронолит прибудет, как и было предсказано. Куан поставит свою метку на североамериканской земле. Наверняка многие из

этих хаджистов погибнут от холодового шока или от контузии, но даже если бы они знали об этом, а они, по всей вероятности, знали, им было все равно. В конце концов, это была лотерея. Отличные призы, серьезные риски. Куан вознаградит верных… или хотя бы тех из них, кто выживет.

Я не мог не задаваться вопросом, до какой степени это безумие завладело Кейт. У Кейтлин было богатое воображение, но она была единственным ребенком в семье. Фантазии и наивность: не лучшее сочетание, по крайней мере, в нашем мире.

Неужели она искренне верила в Куана? В одну из тех версий Куана, которые помогли бы ей избавиться от собственной тоски и неуверенности? Или это всего лишь приключение, мелодраматический протест против затворничества в доме Уитмена Делаханта?

Проблема в том, что она, может, и не рада будет меня видеть. Но я заберу ее из этого кошмарного места, пусть даже силой. Не внушу ей любви, но могу спасти жизнь. Пока этого достаточно.

Ночь все тянулась. Шум Портильо то слабел, то нарастал в неуловимом хаотичном ритме, как волны на берегу. Сверчок в зарослях дикого шалфея вплел в какофонию свое отчетливое стрекотание. Я сделал еще пару глотков кофе из

термоса Эшли и вышел из фургона облегчиться, осторожно обходя ржавую ось и трансмиссию, притаившиеся, как капканы, в высоких сорняках. Эшли шевельнулась и забормотала во сне, когда я вернулся и снова захлопнул дверь.

Движения на дороге почти не было, мелькали разве что хаджисты на угнанных машинах, улюлюкая из окон. Никто не замечал нас, никто не останавливался. Я уже начал клевать носом, когда Эшли похлопала меня по плечу. Часы показывали половину третьего ночи.

— Моя очередь, — сказала она.

Я не возражал. Показал ей, где оставил пистолет, и растянулся на заднем сиденье. Одеяло было согрето теплом ее тела. Я уснул, едва закрыв глаза.

— Скотт? — она трясла меня мягко, но настойчиво. — *Скотт*!

Я вздрогнул, — Эшли, перегнувшись через сиденье водителя, трясла меня за плечо. — Возле машины люди, — прошепатал она. — Послушай!

Она повернулась и пригнулась ниже, пряча голову. Было не так уж и темно. В небе взошел месяц. Какое-то время ничего не было слышно. Потом невдалеке испуганно застонала женщина, а следом раздался сдавленный смех.

— Эшли… — позвал я.

— Они появились минуту назад. На машине. Подъехали и остановились, и кто-то… ох, кто-то закричал. А потом мне ничего не было видно, пока я не повернула боковое зеркало, но даже тогда дерево загораживало, только, кажется, кто-то вывалился из машины и побежал в поле. Думаю, женщина. И двое парней побежали за ней.

Я задумался.

— Сколько сейчас времени?

— Около четырех.

— Дай мне пистолет, Эш.

Она с явной неохотой подчинилась.

— Что же нам делать?

— Вот что: я беру оружие и выхожу из фургона. Когда подам знак, включай дальний свет и запускай двигатель. Я постараюсь оставаться на виду.

— А если с тобой что-то случится?

— Тогда ты уматываешь отсюда как можно быстрее. Если со мной что-то случится, значит, они вооружены. Только здесь не оставайся, Эш, хорошо?

— Но куда же мне ехать?

Резонный вопрос. В Портильо? Обратно к лагерю спасателей и блокпосту? Я не знал, что ей ответить.

Но потом снова закричала женщина, и я не мог отделаться от мысли, что это может быть Кейтлин. Голос не был похож. Но в последний раз я слышал, как кричит Кейт, когда она была совсем крохой.

Я пообещал Эшли быть осторожным, но самое главное, чтобы она уехала отсюда, если что-то случится — может быть, спрятала машину поближе к городу и не смыкала глаз до возвращения Хитча. Я вышел из фургона и осторожно захлопнул дверь. Отойдя на несколько футов, подал знак. Яркие снопы света, точно военные прожекторы, внезапно вспыхнули посреди звездной ночи, двигатель взревел на холостых оборотах диким зверем. Ослепленные, женщина и двое нападавших застыли на месте, до них было не более десяти ярдов.

Все трое были очень молоды, не старше Адама. Парни прямо в траве насиловали девчонку, повалив ее на спину; один держал за плечи, другой устроился между ног. Девушка отвернулась от света, а парни настороженно подняли головы, будто степные собаки, почуявшие хищника.

По всей видимости, они не были вооружены, и ощущение тяжелого пистолета, оттягивавшего руку, ударило мне в голову.

Я направил ствол на их ошарашенные физиономии. Хотел заставить их отойти от девушки — такой у меня был план, но занервничал, палец дернулся на курке, и пистолет внезапно выстрелил.

Я чуть его не уронил. Не знаю, куда ушла пуля, она никого не задела. Но выстрел их реально напугал. Ослепленный вспышкой, я успел заметить, что горе-насильники бегут к своей тачке. Подумал, не выстрелить ли еще раз, но испугался, что это может произойти и без моего желания. (Позже Хитч рассказал, что у этого пистолета чувствительный спусковой механизм, вероятно, его переделали и использовали для криминальных разборок, до того как мы его заполучили.)

Парни запрыгнули в машину с удивительной ловкостью. Если в салоне есть оружие, то у меня проблемы — запоздало осенило меня. Но если оружие и было, они им не воспользовались. Тачка ожила и с ревом понеслась к городу, обдав волной гравия старые курятники.

Осталась только девушка.

Я повернулся к ней, уже не забывая держать дуло пистолета к земле. Правое запястье все еще ныло от неожиданной отдачи. Девушка поднялась на ноги и уже застегивала в свете фар

порванные джинсы. Что выражал ее взгляд, мне трудно было понять — страх, смешанный со стыдом. Совсем молоденькая. Лицо перепачканное и заплаканное. Ужасно худая, как анорексичка. На левой груди едва затянувшаяся длинная царапина.

Я прочистил горло и сказал:

— Они убрались, теперь ты в безопасности.

Возможно, она не говорила по-английски. Но скорее всего, не поверила мне. Повернулась и побежала вдоль дороги через высокий бурьян, точно испуганный зверек.

Я сделал несколько шагов, но не стал ее преследовать. Ночь была слишком темной, и мне не хотелось оставлять Эшли одну.

Я надеялся, что с девушкой будет все в порядке, хотя это было маловероятно.

После всего произошедшего вопрос сна даже не обсуждался. Мы устроились с Эшли на переднем сиденье, возбужденные от переполнявшего нас адреналина. Эшли сжала губами сигарету и прикурила от крохотной газовой зажигалки. Мы не заговаривали о нападении, свидетелями которого стали, но чуть погодя, когда небо на востоке стало заливать слабой синевой, Эшли проговорила:

— Лучше не расспрашивай ее. Я имею в виду Кейтлин.

— О чем?

Глупый вопрос.

— Может, тебе и не нужны советы. Не то чтобы я — образцовая мать или что-то в этом роде. Но когда ты вернешь Кейтлин, не допрашивай ее. Может, она захочет поговорить, а может, и нет, но пусть решает сама.

— Если ей нужна будет помощь… — начал я.

— Если ей понадобится помощь, она попросит.

Ну, будь что будет. Я не хотел строить догадки о том, что могло, а что не могло случиться с Кейт. Эшли сказала все, что собиралась, и отвернулась к окну, а я остался сидеть и гадать, почему она дала такой совет? Что она сама когда-то пережила и в чем отказалась признаваться?

Мы задремали, а тем временм солнце начинало согревать мир. Через какое-то время Хитч постучал в стекло, вырвав нас из сна. Эшли потянулась к пистолету, но я перехватил ее запястье и опустил окно.

— Потрясная охрана, — сказал Хитч. — Я мог бы убить вас обоих.

— Ты нашел их?

— Да, и Кейтлин, и Адама. Не хотите накормить

меня? Впереди еще много работы.

Глава шестнадцатая

Мы медленно въехали в Портильо, фургон полз среди пешеходов по единственной полосе между припаркованными или брошенными машинами хаджистов. Утром главная дорога была людной, словно в разгар карнавала. Она и напоминала карнавал, хотя после бурной ночи толпа была вялой. Паломники потерянно и бесцельно слонялись или дрыхли в спальниках под рваными городскими навесами, что днем было делать куда безопаснее. Продавцы воды с пластиковыми бутылями на плечах продирались сквозь толпу. Флаги и символы куанистов свешивались из окон верхних этажей. Местные уборные переполнились, и жуткий запах выгребных ям просачивался повсюду.

— Большинство приехало в последние три дня, но уже есть случаи дизентерии, — сказал Хитч, показывая на палатки первой помощи.

Компания Адама расположилась к западу от главной улицы. Ночью Хитчу удалось переговорить с ним, и тот подтвердил, что Кейт тоже здесь, но повидать ее не удалось. Адам согласился поговорить с Эшли, но был категорически про-

тив, чтобы Кейт увиделась со мной. Он явно был за главного и отвечал от имени остальных. Услышав это, Эшли понурилась и что-то проворчала себе под нос.

Ошивались в городе, как минимум на окраинах, и журналисты, разъезжая на пуленепробиваемых грузовиках со звукоуловителями и поляризованными стеклами. Все это вызывало у меня смешанные чувства. Как объясняла Сью, говоря о Хронолитах и их метапричинности, пресса действовала как очень важный усилитель петли обратной связи. Именно ретранслируемый по всему миру образ этих объектов выжигал в коллективном воображении оттиск непобедимого Куана.

Но какая была альтернатива? Подавление, отрицание? В том и была гениальность монументов Куана: их гротескную очевидность невозможно игнорировать.

— Мы на месте, — произнес Хитч, — сначала я сам переговорю, а потом поглядим, что будет.

— Не ахти какой план.

— Какой уж есть.

Мы припарковались как можно ближе к группе палаток, где нашли пристанище Адам со своими друзьями и десятки других паломников.

Цветастые палатки нелепо смотрелись на этой иссушенной земле, словно на забитой до отказа каменистой парковочной площадке вылезли красные, синие и желтые нейлоновые грибы. Эшли тревожно вытягивала шею, стараясь разглядеть Адама. О том, здесь ли Кейт, можно было только догадываться.

— Оставайтесь тут, — велел Хитч. — Я договорюсь, чтобы нас впустили.

— Договоришься? — с возмущением спросила Эшли.

Хитч остановил ее взглядом и закрыл за собой дверь.

Пройдя несколько шагов к восьмиугольному укрытию из светочувствительного серебристого майлара, он что-то неразборчиво выкрикнул. Через пару секунд полог открылся, и вышел Адам Миллс. Я понял, что это Адам, по тому, как Эшли затаила дыхание.

Хаки на нем загрубело от грязи, но выглядел он вполне здоровым. Очень худой, с черным рюкзаком за плечами, почти такой же высокий, как Хитч. Он даже не взглянул на фургон, просто ждал, что скажет Пэйли. С такого расстояния я плохо видел его лицо, но парень явно был совершенно спокоен и нисколько не напуган.

Эшли потянулась к двери, но я перехватил ее руку.

— Подожди минуту.

Хитч что-то сказал. Адам что-то ответил. Наконец Хитч вытащил из заднего кармана пачку денег и, отсчитывая купюры, стал класть их Адаму на ладонь.

— Это что, взятка? — пробормотала Эшли. — Он *подкупил* Адама?

Я подтвердил, что выглядит именно так.

— Для чего? Чтобы ты увиделся с Кейт? А я *с ним*?

— Не знаю, Эш.

— Господи, это так… — у нее не было слов, чтобы выразить свое презрение.

— В странные времена, — сказал я, — происходят странные вещи.

Она откинулась на спинку сиденья и, совершенно униженная, не проронила ни слова, пока Хитч не поманил нас. Я активировал протоколы безопасности фургона, хотя едва ли они гарантировали хоть какую-то реальную защиту. Воздух снаружи дохнул сухостью и обдал невыносимым зловонием. В нескольких ярдах от нас молодой человек в когда-то белых брюках засыпал лопатой выгребную яму.

Эшли неуверенно подошла к Адаму. Точно не знаю, но подозреваю, что когда желанный момент, наконец, наступил, ей уже не хотелось встречаться с сыном… не хотелось столкнуться лицом к лицу с бесполезностью их встречи, с его сопротивлением. Она положила руку ему на плечо и посмотрела в глаза. Взгляд Адама не выражал ничего. Он был очень юн, но уже не ребенок. Он не собирался сдавать позиции, он просто ждал, пока Эшли наговорится, полагаю, именно за это ему и заплатили.

Они прошли несколько шагов по тропинке между палатками.

— Дела совсем хреновые, — сказал мне Хитч. — Она просто не поняла еще.

— Что насчет Кейт?

Он кивнул в сторону маленького ярко-желтого тента.

Мне вспомнилось Каирское прибытие три года назад. Сью Чопра получила видеозаписи события со множества разных точек и во всех фазах: затишье накануне, холодовый шок и тепловые ветры, ледяная колонна и пыльная буря в голубом небе и, наконец, сам Хронолит, вызывающе яркий, вонзившийся в распластанный пригород Каира, как меч в камень.

(И кто вытащит этот меч? Может быть, чистый сердцем. «Воскресным папам» и неудачливым мужьям просьба не беспокоить.)

Пожалуй, именно эта несовместимость и поразила меня больше всего в Каире: дрожащее марево жаркой пустыни и лед. Не стыкующиеся друг с другом слои истории: офисные небоскребы на руинах тысячелетних деспотий и этот новейший из монументов — огромный и чуждый всему Куан, словно фараон на своем холодном троне.

Не знаю, отчего эта картина так ярко вспыхнула у меня перед глазами. Может быть потому, что эта иссушенная деревня посреди пустыни вот-вот должна была заполучить свой ледяной трон, и в воздухе уже витал слабый холодок, дрожь предчувствия, горький запах будущего.

— Кейтлин? — позвал я.

Порыв ветра приподнял полог. Я присел на корточки и сунул голову внутрь палатки.

Кейтлин оказалась одна, наполовину укутанная в комок грязных одеял. Она щурилась на солнечный ореол, просвечивавший сквозь нейлоновую ткань. Ее лицо осунулось. Вокруг глаз пролегли следы усталости.

Она выглядела старше, чем в моих воспоминаниях. Я убеждал себя: «Это из-за всего того, что

ей пришлось вытерпеть во время хаджа, из-за голода и тревоги», но правда заключалась в том, что она выскользнула из моей памяти, выросла из того образа, который я хранил, задолго до того, как покинула Миннеаполис.

Она долго смотрела на меня, и на ее лице сменялись недоверие, подозрительность, благодарность, облегчение, чувство вины.

— Папа? — тихо сказала она.

Все, что я мог сделать, это назвать ее по имени. Что, наверное, к лучшему. Только это и было сейчас нужно.

Она выбралась из-под одеял, и я обнял ее. Я заметил синяки у нее на запястьях, глубокий запекшийся порез, который пролег от плеча почти до локтя. Но не стал ничего спрашивать, осознав, какой мудрый совет дала Эшли: я не мог залечить ее раны. Мог только поддержать ее.

— Я приехал забрать тебя домой.

Она старалась не встречаться со мной взглядом, но ответила чуть слышно:

— Спасибо.

Новый порыв ветра подкинул полог палатки, и Кейтлин вздрогнула. Я велел ей одеваться как можно быстрее. Она натянула пару рваных джин-

сов и дешевый серапе[26].

Я и сам дрожал, вдруг осознав, что воздух слишком холодный для такого солнечного утра — неестественно холодный.

Снаружи меня окликнул Хитч.

— Посади ее в фургон, — распорядился он, — и тебе лучше поторопиться. Мы об этом не договаривались. Уговор был, что ты поговоришь с ней, а не увезешь. — Он подставил лицо ветру: — У меня такое чувство, что все происходит чуток быстрее, чем мы планировали.

Кейтлин юркнула на заднее сидение и завернулась в свободное одеяло. Я попросил ее пригнуться пониже на пару минут. Хитч захлопнул дверцу и пошел отлавливать Эшли.

Кейт шмыгала носом, и не только потому, что готова была разрыдаться. Сказала, что подхватила что-то: грипп или одну из тех кишечных зараз, которые охватили Портильо, по мере того как жаждущих становилось все больше, а продавцы воды все меньше церемонились. Взгляд у нее был мутным. Она закашлялась в кулак.

Палатки и брезентовые укрытия захлопали на крепнущем ветру. Подгоняемые непогодой

---

[26] Примечания: 26
Мексиканская накидка из хлопка, разновидность пончо.

хаджисты выползали наружу, десятки изумленных паломников в драной одежде с символикой куанистов заслоняли глаза и задавались вопросом — только теперь начали — может ли этот штормовой ветер быть началом сакрального события, не Хронолит ли предупреждает о своем появлении похолоданием и шквальными порывами.

Возможно, так оно и было. Иерусалимский Куан оказался более решительным и не был так предупредителен, но на самом деле прибытия в разных местах (и в разное время) отличались по силе, длительности и разрушительности. Расчеты Сью Чопра строились на несколько сомнительных данных спутников и могли отклоняться на несколько часов и даже больше.

Другими словами, над нами нависла смертельная опасность.

Порыв ветра качнул машину, растормошив Кейтлин. Она прижалась лицом к стеклу и изумленно смотрела, как посреди пустыни вздымаются рваные клубы пыли.

— Папа, это…

— Не знаю, — ответил я.

Я искал глазами Эшли, но она затерялась в толпе хаджистов, охваченной нарастающим вол-

нением. Мне стало интересно, сколько отсюда до центра Портильо, но точно сказать было невозможно, в лучшем случае, миля. Не было никаких точных данных, где именно появится Хронолит, а значит, нет шансов вычислить периметр опасной зоны.

Я велел Кейт укрыться одеялом.

Хаджисты словно пришли к негласной договоренности, и толпа двинулась прочь с этого загаженного пятачка к сплетению улиц, к центру города. Я разглядел длинную черную бороду Хитча, потом его самого, потом Эшли с Адамом.

По всей видимости, Хитч спорил с Эшли, а Эш — со своим сыном, держа его за руки и будто умоляя. Адам с непоколебимым спокойствием терпел ее прикосновения, ветер трепал его светлые волосы, пряди хлестали по глазам. Если хадж и был для него суровым испытанием, он этого не показывал. Бесстрастно переведя взгляд с лица матери на потемневшее небо, он достал из рюкзака что-то вроде теплозащитной куртки, свернутой в рулон…

Не знаю, что Эшли говорила сыну — мы с ней никогда этого не обсуждали, — но даже с такого расстояния было понятно, что Адам с нами не уедет. Язык тела передавал всю полноту разоча-

рования от этой встречи. Эшли не могла признать — продолжая теребить и умолять его, — что Адама просто не интересовало, чего она хочет; не интересовало уже очень давно; возможно, он от рождения был лишен этого чувства. Она лишь отвлекала его от невероятно интересного события, которое как раз начиналось, — материализации Куана, той идеологии или мифологии, которой он был всецело предан.

Теперь уже Хитч дергал Эшли, пытаясь вернуть ее обратно в фургон, он щурился от пронизывающего ветра и жестикулировал как безумный. Эшли игнорировала его сколько могла, пока Адам не вырвался из ее хватки; она не рухнула на колени только потому, что ее поддержал Хитч.

Она посмотрела на сына и произнесла еще одно слово. Думаю, его имя, точно так же, как я звал Кейтлин. Я в этом не уверен, потому что шум ветра нарастал, а толпа гудела все громче, но мне кажется, именно его имя сорвалось с ее губ, разрезая сгущающийся воздух.

Я сел за руль. Из-под одеяла донесся стон Кейтлин.

Хитч приволок Эш к машине и втолкнул внутрь, затем залез на переднее сиденье рядом со мной. Я и не заметил, как завел двигатель.

— Валим отсюда к чертям, — приказал Пэйли.

Но было почти нереально продвигаться против течения толпы. Если бы Адам устроился еще ближе к центру Портильо, мы оказались бы заблокированы. И без того нам едва удалось сползти к краю дороги и медленно, но упорно двигаться на запад, и по мере того как мы удалялись, поток паломников иссякал.

Но небо потемнело, стало холодно, пыль облепила лобовое стекло и затрудняла видимость до нескольких футов.

Я понятия не имел, куда может привести эта дорога. Сюда мы приехали с другой стороны. Спросил Хитча, но он тоже не знал; карта валялась где-то сзади, но в любом случае это не имело значения — у нас остался только один вариант.

Песчаная буря превратила лобовое стекло в мутный экран и, судя по звуку, забила движок. Я закрыл окна и вручную отрегулировал обогреватель, пока мы все не взмокли от пота. Грунтовая дорога оборвалась у деревянного моста через высохшее русло неглубокой речки. Разбитый мостик раскачивался на ветру и явно не выдержал бы вес фургона. — Спустись вниз по насыпи, Скотти, — велел Хитч. — Пусть хоть небольшой земляной вал отделяет нас от Портильо.

— Спуск довольно крутой.

— Есть идеи получше?

Я свернул с дороги и, подминая сухую траву, начал спускаться к берегу речки. Фургон то и дело тормозил, а на приборной панели вспыхивал сигнал тревоги, думаю, мы перевернулись бы, если бы не моя железная хватка — чем я был обязан скорее инстинкту, чем мастерству. Хитч и Эшли молчали, а Кейтлин издавала тихий звук в тон ветру. Едва мы добрались до плоского каменистого дна, над нашими головами пролетела вырванная с корнем акация, словно окаменевшая черная птица. Даже Хитч охнул от такого зрелища.

— Холодно, — простонала Кейтлин.

Эшли развернула последние одеяла, два из них отдала Кейт и одно бросила нам. В машине стоял запах раскаленной катушки нагревателя, но температура едва поднималась. В Иерусалиме я наблюдал термальный удар на расстоянии и даже не догадывался, какую боль причиняет этот холод, ползущий от конечностей прямиком к сердцу.

Именно энергия, украденная из окружающего пространства неведомой силой, и позволяла отправить сквозь время огромный объект. Шк-

вальный ветер завывал над высохшим руслом, а небо окрасилось в цвет рыбьей чешуи. Мы захватили с собой терморегулирующие костюмы, настало время их распаковать. Эшли помогла Кейт натянуть слишком большую для нее куртку.

Вдруг меня пронзила страшная мысль, я потянулся к ручке двери.

— Скотти? — окликнул Хитч.

— Нужно слить радиатор, — сказал я. — Если вода замерзнет, потеряем машину.

Нам хватило ума держать питьевую воду в эластичных пакетах-мешках, которые растягивались по мере надобности. И залить антифриз в радиатор. Но никто из нас не ожидал, что мы окажемся так близко к месту прибытия. Мгновенная заморозка может повредить систему охлаждения, и мы застрянем здесь.

— Может не хватить времени.

— Так пожелай мне удачи. И передай ящик с инструментами.

Я выбрался в шторм. Ветер захлопнул за мной дверь. Он продувал русло с юга, подгоняемый перепадом температур, вызванным прибытием Хронолита. Душил пылью и песком. Мне пришлось прикрыть глаза рукой, оставив лишь

узкую щелочку, и двигаться к капоту на ощупь.

Машина съехала вниз под крутым углом к песчаной кромке, уткнувшись в нее передним бампером. Пока я руками разгребал песок, над головой разлилось сияние. Куртка сохраняла тепло — по крайней мере пока — но с каждой секундой я вдыхал все более морозный воздух, а пальцы стали неповоротливыми и горели огнем. Слишком поздно возвращаться за перчатками. Мне едва удалось открыть ящик и нашарить ключ.

Воду из системы охлаждения можно было слить, ослабив гайку клапана. Я обхватил ее ключом, но повернуть не смог.

«Рычаг», — подумал я, упираясь ногами в шину и нажимая на ключ, словно гребец на весло. Ветер ревел невыносимо, но сквозь него пробился еще один звук — грохот прибытия, затем пошла ударная волна и земля содрогнулась, сбивая с ног.

Гайка выскочила, а я растянулся на песке.

Струйка воды вытекала и мгновенно замерзала на земле, этого было достаточно, чтобы уменьшить давление в радиаторе, хотя случайно образовавшийся лед мог повредить не одну жизненно важную систему, если нам не повезет.

Я попытался встать и не смог.

Тогда я закатился в первое попавшееся укры-

тие — под бок нависающего над песком фургона. Голова внезапно отяжелела, я зажал онемевшие руки между ногами, свернулся клубком в относительно теплой куртке и тут же потерял сознание.

Когда я снова открыл глаза, ветер уже стих, а я лежал в машине.

Солнечные лучи прожигали ледяную сетку на лобовом стекле. Обогреватель пыхтел парами теплого воздуха.

Я сел, дрожа. Эшли уже очнулась и растирала руки Кейтлин. Это встревожило меня, но Эшли сразу успокоила:

— Все в порядке. Она дышит.

Хитч Пэйли втащил меня внутрь, как только прокатился самый сильный термический удар. Сейчас он снаружи заменял гайку клапана, которую я открутил. Поднявшись и разглядев сквозь запотевшие окна, что я пришел в себя, он поднял вверх большие пальцы.

— Думаю, с нами все будет в порядке, — сказала Эшли.

Голос у нее охрип, а мне было больно глотать — все из-за переохлажденного воздуха, которым мы все надышались. Легкие тоже немного побаливали, а кончики пальцев на руках и ногах

по-прежнему ничего не чувствовали. Правая ладонь, там где кожа приклеилась к гаечному ключу, запеклась кровавой коркой. Но Эшли была права. Мы выжили.

Кейт снова застонала.

— Будем укутывать ее, держать в тепле, — сказала Эш. — Но она уже заболела, Скотт. Как бы не подхватила пневмонию.

— Мы должны вернуть ее в цивилизацию.

А для начала нужно снова взобраться на насыпь. В чем я не был уверен.

Собравшись с силами, я открыл дверь со стороны водителя и вылез наружу. Воздух прогрелся и на удивление посвежел, и только пыльная дымка мелким снегопадом оседала повсюду. Преобладающий здесь ветер уносил морозный туман на восток.

С камней и песка на сухом дне реки испарялся иней. Я поднялся на вершину насыпи и взглянул на город — на то, что от него осталось.

Хронолит, прибывший в Портильо, все еще покрывал лед, но это был явно очень большой монумент. Фигура Куана поднимала руку в призывном жесте.

Город лежал у его исполинских ног, окутанный туманом, но, со всей очевидностью, опустошен-

ный.

Радиус термального удара был чудовищным. Все хаджисты, за исключением, может быть, очень немногих, наверняка погибли, хотя я заметил на улицах несколько движущихся машин, возможно, мобильных станций Красного Креста.

Эшли, запыхавшись, забралась на склон следом за мной. У нее перехватило дыхание, когда она увидела масштаб разрушений. Губы у нее задрожали. По лицу, коричневому от пыли, покатились слезы.

— А вдруг он убежал, — прошептала она, имея в виду, конечно, Адама. Я ответил, что все возможно. Но сам в этом очень сомневался.

Глава семнадцатая

По целой сети грунтовых дорог и пастушьих троп мы обогнули дымящиеся руины Портильо и выбрались, наконец, на главное шоссе.

Мертвые — их без сомнения было много — остались в городе, а мы проезжали мимо кучек беженцев, тянувшихся вдоль трассы. Многие из них хромали, пострадав от обморожения. Кого-то ослепили осколки льда. Некоторые были травмированы обвалившейся каменной кладкой или пострадали от других последствий ударной волны. От них больше не исходило ни малейшей угрозы, и дважды Эшли настояла на остановке, чтобы поделиться одеялами, предложить еду и спросить об Адаме.

Но никто из этих молодых людей не слышал о нем, и у них были более насущные заботы. Они умоляли нас передать сообщение, позвонить родителям, супругам или своим семьям в Лос-Анджелес, в Даллас, в Сиэтл… Это было бесконечное шествие пострадавших, и в конце концов даже Эшли пришлось отвернуться, хотя она все продолжала выискивать в толпе беженцев Адама, пока мы не проехали настолько далеко на се-

вер, что даже здоровому хаджисту сюда было не добраться. Появление грузовиков и военных машин скорой помощи, направлявшихся в Портильо, успокоило ее совесть, но не опасения. Эш откинулась на спинку сиденья и лишь изредка шевелилась, чтобы взглянуть на Кейтлин.

Пока мы ехали, я все больше тревожился за Кейт. Ей было хуже, чем я представлял, а термальный удар только усугубил ситуацию. Измерив Кейтлин температуру (градусник нашелся в аптечке первой помощи), Эшли нахмурилась и дала ей пару таблеток жаропонижающего с огромным количеством воды. Нам пришлось несколько раз останавливаться, чтобы Кейт выскочила из машины и облегчила кишечник, и всякий раз она, пошатываясь, возвращалась назад все более слабая и неописуемо сконфуженная.

Нужно было отвезти ее в приличную больницу. Хитч позвонил Сью Чопра и заверил ее, что мы все выжили, хотя Кейт и больна. Сью посоветовала снчала пересечь границу, а уж потом обращаться за медицинской помощью, если это возможно, так как молодых американцев, находящихся в стране без документов, сразу кидали за решетку. Пограничный переход в Ногалесе был забит — прошел слух, в данном случае фальши-

вый, об ожидаемом прибытии и в этот город — но Сью обещала договориться с кем-нибудь из консульства, чтобы нам выделили сопровождение. Больничная палата будет ждать в Тусоне.

Эшли вколола Кейтлин антибиотик широкого спектра из нашей аптечки, и та забылась беспокойным сном, проспав почти весь этот жаркий день. Мы с Хитчем сменяли друг друга за рулем.

Я размышлял об Эшли. Она только что потеряла сына или думала, что потеряла. Невероятно, что после всего пережитого она еще в силах ухаживать за Кейтлин, действовать так рассудительно под тяжестью своего горя. И Кейт инстинктивно отвечала на эту доброту. Ей становилось легче, когда ее голова лежала на коленях Эш.

Я понял, что люблю их обеих.

Я последовал совету Эшли: ни тогда, ни после не спрашивал Кейтлин о том, что случилось с ней во время хаджа.

Хотел бы разве что уточнить. Пока в больничной палате в Тусоне мы с ней ждали, когда вернется врач с результатами анализа крови, я не смог удержаться. Не стал выспрашивать напрямую, что произошло в Портильо; только — зачем она отправилась туда? Что заставило ее сбежать из дома и присоединиться к такому

типу, как Адам Миллс?

Она отвернулась в сильном смущении. Ее волосы рассыпались по белоснежной подушке, и я увидел давно зажывший шов от операции на ухе, едва заметную бледную линию, бегущую вниз по шее.

— Я просто хотела, чтобы все было по-другому, — ответила она.

Эшли осталась со мной в Тусоне, пока Кейт проходила лечение.

Мы сняли комнату в мотеле и совершенно невинно прожили вместе целую неделю. Горе Эшли было глубоко личным, почти невидимым. Бывали дни, когда она казалась прежней собой, дни, когда она улыбалась, увидев меня в дверях с пакетом мексиканской или китайской еды. Возможно, отчасти она все еще питала надежду, что Адам выжил (хотя отказывалась это обсуждать или упоминать имя сына).

Но она была тихой, подавленной. Днем, во время жары, спала, а бессонные ночи проводила, подолгу сидя перед древней видеопанелью с кабельным подключением, когда я уже уходил спать.

Тем не менее, мы сошлись в главном. У нас было общее будущее.

Мы не говорили об этом. Все наши разговоры сводились к обычным банальностям. За исключением одного раза, когда я собирался сбегать в круглосуточный мини-маркет в нашем квартале и, уходя, спросил, чего бы она хотела.

— Я хочу сигарет, — внятно ответила она. — И хочу, чтобы мой сын вернулся.

Кейт оставалась в больнице почти всю следующую неделю, набираясь сил и стойко перенося новые анализы. Я приходил к ней ежедневно, хотя и не надолго — мне казалось, ей так больше нравится.

В день накануне выписки Кейтлин ее врач сообщил кое-что малоприятное.

Мне не хотелось беспокоить этим Эшли — по крайней мере пока. Когда я вернулся в номер, я нашел ее поздоровевшей и более разговорчивой. Я пригласил ее на ужин, тут неподалеку — в ресторан при мотеле. Нам предложили антрекот и кофе. Репродукции в стиле псевдонавахо и декоративные черепа быков выглядели ободряюще и демократично.

Эшли принялась рассказывать (вдруг у нее возникла потребность выговориться) о своем детстве, о времени до брака с Такером Келлогом; воспоминания, составленные не из историй, а из

картинок, засевших в ее памяти. Засушливый, ветреный день в Сан-Диего, поход вместе с матерью в магазин постельного белья. Школьная экскурсия в зоопарк. Первый год в Миннеаполисе, поразивший ее зимними штормами, когда на работу приходилось добираться сквозь сугробы и снежные заносы. Старые шоу, которые она смотрела, некоторые из них я тоже видел: «Однажды», «Синий горизонт», «Семья следующей недели».

За десертом она сказала:

— Я звонила в Красный Крест. Они по-прежнему работают в Портильо, записывают имена, подсчитывают погибших. Если Адам выжил, то он не зарегистрировался ни в одном агентстве по оказанию помощи. С другой стороны, если он умер… — проговорила она с заученной, явно фальшивой беспечностью. — Ну, они же не опознали его тело, а у них это дело налажено. Я дала его ДНК-профиль из медицинской карты. Ни одного совпадения. Так что я не знаю, жив он или мертв. Но я поняла кое-что еще.

Ее глаза сверкнули.

— Нам не обязательно говорить об этом, — сказал я.

— Нет, Скотт, все в порядке. Я поняла, что потеряла его — живого или мертвого. Увидимся ли мы

снова или нет — это только ему решать. Если он жив, конечно. Вот что он пытался сказать мне в Портильо. Не о том, что ненавидит меня. А о том, что больше мне не принадлежит во всех смыслах этого слова. Он — свой собственный. И, думаю, всегда таким был.

Она замолчала, допила остатки своего кофе и отослала официантку, которая предложила ей еще чашку.

— Он подарил мне кое-что.

— Адам? — переспросил я.

— Да. В Портильо. Сказал, чтобы осталось на память о нем. Вот, смотри.

Подарок сына она завернула в носовой платок и спрятала в своей сумочке. Теперь она развернула его и подтолкнула через стол ко мне.

Это было ожерелье, дешевая цепочка с кулоном, похожим на кусок изъеденного черного пластика с дыркой для колечка. Он был каким-то вызывающе уродливым.

— Сказал, что раздобыл его у торговца в Портильо. Своего рода священный предмет. Этот камень — не просто камень, а…

— Реликвия прибытия.

— Да, так Адам его назвал.

Появляясь, Хронолиты создают странные об-

ломки. Резкий перепад температур и давления вблизи места приземления приводит к тому, что обычные материалы замерзают, трескаются, искривляются и всячески деформируются. Охотники за сувенирами продают легковерным такие штуки, но те редко бывают подлинными.

— Это из Иерусалима, — добавила Эшли. — Якобы.

Будь это правдой, безобразный комок раньше мог оказаться чем-то полезным: дверной ручкой, пресс-папье, расческой.

— Надеюсь, что нет, — сказал я.

Эшли выглядела удрученной.

— Я думала, тебе будет интересно. Ты же был в Иерусалиме, когда все произошло. Вроде как совпадение.

— Мне не нравятся такие совпадения.

И я рассказал, как Сью трактует тау-турбулентность. Объяснил, что слишком часто попадал в эту турбулентность и мне не очень нравится то, как она повлияла на мою жизнь (если можно говорить «повлияла» о явлениях, не связанных причинностью).

Эшли пришла в смятение. Она беззвучно повторила слова: «*Тау-турбулентность*».

— И это можно подхватить от таких вот ве-

щей? — спросила она.

— Сомневаюсь. Это не болезнь, Эш. Это не заразно. Я просто не хочу, чтобы мне напоминали о Хронолитах.

Она сложила ожерелье в носовой платок и снова убрала в сумочку.

Мы вернулись в номер. Эшли включила видеопанель, но не обращала не нее внимания. Я читал книгу. Спустя какое-то время она подошла к кровати и поцеловала меня — не в первый раз, но крепче, чем прежде.

Было приятно снова прикасаться к ней руками, обвиваться вокруг ее маленького, гибкого тела.

Позже я раздвинул шторы, и мы лежали, невидимые в темноте, наблюдая за автомобилями на шоссе — свет дальних фар, похожий на факельное шествие, задние фонари, словно мерцающие угли. Эшли спросила, как прошел визит к Кейт.

— Ей лучше, — сказал я. — Дженис прилетит завтра, чтобы забрать ее домой.

— Она что-то рассказывала о хадже?

— Совсем немного.

— Она через столько всего прошла.

— У нее остались рубцы, — сказал я.

— Еще бы!

— Нет, я имею в виду, что говорил с врачом.

Была вторичная инфекция, инфекция матки. Что-то она подцепила в Портильо. Ее вылечили, но остались рубцы. Естественным путем, без помощи суррогатной матери, Кейт не сможет иметь детей. Она бесплодна.

Эшли отстранилась от меня и стала смотреть во тьму, на шоссе. Нащупала на тумбочке сигарету.

— Мне очень жаль, — сказала она. Какая-то напряженная нотка прозвучала в ее голосе.

— Она жива. Вот что важно.

(На самом деле, Кейт молчала, пока доктор сообщал мне эти печальные новости. Она лежала в постели и смотрела на меня, не мигая, без сомнения, пытаясь угадать мою реакцию по выражению лица. Она хотела знать, не иссякнет ли мое сочувствие, не брошу ли я ее на этих белых больничных простынях.)

— Я знаю, каково ей сейчас, — сказала Эшли.

— Ты дрожишь.

— Я знаю, каково ей сейчас, Скотт, потому что мне сказали то же самое после рождения Адама. Возникли осложнения. Я больше не могу иметь детей.

Движение на шоссе усилилось, полосы света бежали по шершавому потолку номера. Мы сидели в тени и смотрели друг на друга, словно

заблудившиеся дети, а потом снова обнялись.

Утром мы начали собираться в дорогу, возвращались обратно в Миннеаполис. Эшли ненадолго вышла из номера, пока я брился.

Выскользнула за дверь, думая, что не замечу.

Я смотрел из окна, как она пересекала стоянку, увернулась от заднего бампера цветочного фургона, вынула из сумочки сложенный носовой платок, поцеловала этот мятый сверток и выбросила его в открытый мусорный бак.

Я отплатил взаимностью в тот же день: позвонил Сью Чопра и сказал, что больше на нее не работаю.

Часть третья
Турбулентность

Глава восемнадцатая

Время — это стрела, однажды сказала мне Сью Чопра. Оно летит в одном направлении. Если соединить огонь и дрова, то получишь пепел. Но если соединить огонь и пепел, то дров не появится.

Мораль — та же стрела. Если прокрутить, к примеру, фильм о Второй мировой войне в обратную сторону, то вся ее нравственная сторона вывернется наизнанку. Союзники подписывают мирный договор с Японией и немедленно бомбят Хиросиму и Нагасаки. Нацисты извлекают пули из голов изможденных евреев и возвращают им цветущий вид.

Проблема с тау-турбулентностью, говорила Сью, состоит в том, что она перемешивает эти парадоксы в повседневной жизни.

Вблизи Хронолита святой может оказаться опаснейшим из людей. А грешник, вероятно, куда более полезным.

Через семь лет после событий в Портильо, когда военные монополизировали производство компьютерной техники и коммуникаторов, по-

держанный процессор приличного качества в открытой продаже тянул не меньше чем на две сотни баксов. Педаль[27] для «Стратокастера» от «Марквиз Инструментс» 2025 года выпуска несколько превосходила нынешние аналоги по скорости и надежности, а вот что касается цены, то стоила она дороже золотого слитка. У меня в багажнике таких было пять.

Я вез свои педали и коллекцию лишних разъемов, экранов, спутниковых антенн, кодеров и внешних устройств на уличный базар возле Николлет Молл[28]. Было приятное, ясное летнее утро, и даже пустые окна Халприн Тауэр — заброшенной в разгар строительства, после того как в прошлом январе прекратилось финансирование, — наверху, среди относительно чистого воздуха, казались жизнерадостными.

Бездомный разложил одеяло на моем обычном месте у фонтана, но не стал возражать, когда я попросил его подвинуться. Он понимал, что к чему. Торговые места ревностно охранялись,

---

[27] Примечания: 27

Педаль эффектов — электронное устройство, предназначенное для обработки звука электрогитары. Оно подключается в цепь между электрогитарой и усилителем и, таким образом изменяя чистый звук гитары, на вход усилителя подает искаженный.

[28] Примечания: 28

Торговый центр в Миннеаполисе.

а старые продавцы пользовались уважением. Многие обитатели Николлет находились здесь с самого начала кризиса, когда местные копы славились тем, что заставляли соблюдать законы о борьбе с торговлей под дулом пистолета. В таких испытаниях рождается сплоченность. Все мы друг друга знали, и хотя без конфликтов не обходилось, торговцы, как правило, уважали и охраняли места друг друга. Ветераны занимали лучшие точки, новички получали то, что оставалось, и часто месяцы или даже годы ждали случая занять более удобный пятачок.

Я находился где-то посередине между ветеранами и новичками. От фонтана было далековато до главных торговых рядов, зато здесь хватало места, чтобы припарковать машину и выгрузить складной столик и товар без помощи тележки, конечно, если приехать рано и устроиться, пока не собралась толпа.

Этим утром я немного опоздал. Дюплесси, продававший и перешивавший по соседству старую одежду, уже разложился. Он прогуливался рядом, пока я распаковывал свое добро, и взгляд его упал на свежий товар.

— Ого, панели для «страта», — сказал он. — Настоящие?

— А то.

— Похоже, качественные. Вышел на поставщика?

— Просто повезло.

На самом деле я купил их у дилетанта — ликвидатора, который занимался распродажей офисной мебели, осветительных приборов и понятия не имел о реальной стоимости педалей. Увы, это была разовая сделка.

— Может, поменяемся? Я бы взял одну. Могу предложить хороший деловой костюм.

— И на что мне костюм, Дюп?

Он пожал плечами:

— Я просто спросил. Надеюсь, клиенты сегодня будут. Несмотря на марш.

— Еще один? — нахмурился я.

Надо было слушать новости.

— Очередной цирк АиП. Море флагов и придурков, никакого конфетти. Никаких клоунов… в узком смысле слова.

«Адаптация и Процветание», вопреки их мирной риторике, были группировкой завзятых куанистов, и каждый раз, когда они проносили свои сине-красные знамена через Города-близнецы, обязательно устраивалась контрдемонстрация и не обходилось без пары фотогенично пролом-

ленных голов. В дни маршей гражданские, как правило, держались подальше от улиц. Я, конечно, понимал, что медноголовые все-таки имели право высказать свое мнение. Конституцию никто не отменял. Но жаль, что они выбрали такой день — голубое небо, свежий ветерок, идеальная погода для торговли.

Я присматривал за товаром Дюпа, пока он бегал перекусить к тележке с фастфудом. Когда он вернулся, я уже успел продать одну из педалей другому продавцу, а к обеду, хотя покупателей было немного, сбыл еще две, по очень выгодной цене. За день я сделал приличный навар и около часа дня уже начал собираться.

— Боишься старой доброй уличной драки? — крикнул Дюп из-за нагромождений хлопковых тряпок и джинсы.

— Затора боюсь.

Наверняка полицейские блокпосты установлены в центре на каждом углу. Уже сейчас, едва толпа поредела, я заметил собиравшихся на тротуарах мрачных молодчиков с повязками «АиП» или вытатуированной буквой «К».

Но больше, чем заторы или угроза нарваться на драку, меня беспокоил тощий бородатый тип, который уже дважды продефилировал мимо моего

столика и продолжал вертеться рядом, отворачиваясь с деланым равнодушием, стоило мне только посмотреть в его сторону. Мне приходилось иметь дело с застенчивыми или нерешительными покупателями, но этот джентльмен окинул товар беглым, поверхностным взглядом и, казалось, куда больше интересовался проверкой своих часов. Может быть, у него просто был банальный тик, но он заставил меня понервничать.

А я научился доверять своим инстинктам.

Мне удалось выбраться из центра до начала серьезных беспорядков. Драки между куанистами и их противниками стали почти обычным делом, и полиция научились справляться с ними. Но остатки усмиряющего газа (который пах смесью кошачьего туалета и чеснока) держались по нескольку дней, а очистка улиц от окисляющихся комьев барьерной пены обходилась городу в целое состояние.

Многое изменилось за семь лет с момента прибытия Хронолита в Портильо.

Что сказать об этом времени: семь нервных предвоенных лет, полных пессимизма. Лет, когда казалось, что все идет не так, как надо, даже если оставить в стороне экономический кризис, молодежное движение куанистов и плохие новости

из-за границы. Продолжалось бедствие Миссисипи-Атчафалайа. Ниже Батон-Руж[29] река потекла к морю по другому руслу. Промышленность и судоходство были уничтожены, целые города затопило, они остались без питьевой воды. В этом не было ничего зловещего, всего лишь победа природы над инженерными войсками. Отложения наносов изменили речное дно, а гравитация доделала остальное. Но в те дни это казалось до странности символичным. Контраст разительный: Куан подчиняет время, а мы терпим бедствие из-за воды.

Семь лет назад я и представить не мог, что стану прославленным торговцем вторсырьем. Сегодня я чувствовал себя счастливчиком, что занимаюсь именно этим. Обычно месячного навара хватало, чтобы оплатить аренду и не голодать. Многим повезло куда меньше. Люди вынуждены были выстаивать очереди за пособиями и бесплатным супом, постепенно созревая для записи в уличные армии куанистов и антикуанистов.

Я попытался созвониться с Дженис из машины. После нескольких неудачных попыток соединение установилось, но передача данных была

[29] Примечания: 29

Город на юго-востоке США, столица и второй по количеству населения город штата Луизиана.

возмутительно медленной и голос звучал будто сквозь рулон туалетной бумаги. Я сказал, что хочу пригласить Кейтлин и Дэвида на ужин.

— У Дэвида последний вечер, — напомнила Дженис.

— Знаю. Поэтому мы и хотим с ними повидаться. Понимаю, это неожиданно, но я не был уверен, что закончу вовремя.

И что мне хватит денег даже на домашнее застолье для четверых, но об этом я Дженис не стал говорить. «Марквиз Инструментс» профинансировали этот маленький пир.

— Ладно, — ответила она, — но пусть долго не засиживаются допоздна. Дэвиду завтра рано выезжать.

В июне Дэвид получил повестку и сейчас отправлялся на базовую подготовку в военный лагерь в Арканзасе. Они с Кейтлин были женаты всего лишь шесть месяцев, но военкомат не волновали такие мелочи. Китайское вторжение заглатывало сухопутные войска в огромных количествах.

— Скажи Кейт, что я буду у нее к пяти, — на этом телефон затрещал, и связь оборвалась.

Потом я позвонил Эшли, предупредил, что к ужину будут гости. И сам вызвался сходить за

покупками.

— Жаль, что мы не можем позволить себе мясо, — задумчиво проговорила она.

— Мы можем.

— Шутишь? Что… педали?

— Улетели.

Она помолчала.

— Мы могли бы куда-то вложить эти деньги, Скотт.

Да, могли бы, но я решил выложить их на прилавок мясной лавки и обменять на четыре небольших стейка. И взять у бакалейщика рис басмати, побеги свежей спаржи и настоящее масло. В жизни нет смысла, если не можешь хотя бы иногда жить.

Кейт и Дэвид устроили себе жилье в перестроенной кладовке над гаражом Дженис и Уита. Как бы ужасно это ни звучало, но им удалось превратить холодный чердак под островерхой крышей в относительно теплое и уютное гнездышко, где нашлось место выброшенному дивану Уита и кованой железной кровати, которую Дэвид унаследовал от своих родителей.

Чердак также позволял держаться подальше от Уита, хотя от его подачек они отказаться не могли. Уит был достойным медноголовым и не

одобрял уличные бои; но к своим политическим убеждениям он относился серьезно, и всякий раз, когда разговор начинал буксовать, можно было рассчитывать на небольшую лекцию о политике потакания.

Я подхватил ребят и отвез в маленькую квартирку, которую делил с Эшли. В машине Кейт молчала, она храбрилась, но явно переживала за мужа. Дэвид компенсировал ее молчание пересказом новостей (изгнание Федеральной партии, бои в Сан-Сальвадоре), но его голос и жесты выдавали, что он нервничает. И это понятно. Никто из нас даже мимоходом не упомянул Китай.

При первой встрече в прошлом году Дэвид Кортни меня не впечатлил, но потом он мне очень понравился. Двадцатилетний мальчишка, наделенный той нарочитой вялостью — психологи называют ее «безэмоциональностью», которая была свойственная всему поколению, выросшему в тени Куана. Однако под всем этим скрывался чуткий и вдумчивый молодой человек, безо всякого сомнения, влюбленный в Кейт.

Не особенно красивый — у него на лице остались шрамы от пожаров 2028 года в Лоуэртауне — и, конечно, без денег и связей. Но он работал (пока не пришла повестка) на автопогрузчике в

аэропорту, был смышленым и легко приспосабливался — жизненно важные качества в черные дни черного века.

Их скромненькую свадьбу спонсировал Уит, сыграли ее в его же приходе, где половина служителей были, вероятно, кабинетными медноголовыми. Кейт надела старое свадебное платье Дженис, всколыхнувшее кое-какие неловкие воспоминания. Но по современным меркам событие прошло чудесно, церемония до слез растрогала и мою бывшую жену, и Эшли.

Кейтлин поднялась в квартиру, пока мы с Дэвидом настраивали на машине сигнализацию и протоколы безопасности. Я спросил, как Кейт переживает его грядущий отъезд.

— Плачет иногда. Ей все это не нравится. Хотя думаю, с ней все будет хорошо.

— А ты как?

Он отбросил назад волосы, на мгновение открыв шрамы, обезобразившие его лоб.

— Пока все в порядке.

Я вызвался зажарить стейки, но Эшли этого и даром не надо было. Мы не видели мяса уже много месяцев, и она не собиралась доверять его мне. Предложила мне нашинковать лук, а еще лучше — составить компанию Кейт и Дэвиду и

держаться подальше от кухни.

Наверное, это была не лучшая идея — жарить стейки. Такая еда для праздничного застолья, а праздновать нам сегодня было нечего. Кейт и Дэвид обменивались беспокойными взглядами и явно хотели казаться беззаботными, в чем нисколько не преуспели. К тому времени, как Эш накрыла ужин, мы все пытались показать, что вообще не думаем о том, из-за чего собрались.

Мы с Эшли сняли эту квартиру на пятом этаже шесть лет назад, в июле, вскоре после нашей свадьбы. Арендная плата контролировалась законом Стоппарда, а вот техобслуживание дома проводилось небрежно до безобразия. У соседа сверху протекали трубы, заливая наши кухонные шкафы, пока мы с Эш не поднялись к нему с инструментами и не заделали протечку самостоятельно. Зато окна гостиной выходили на опустевший пригород с юго-западной стороны — черепица, пластины солнечных батарей, кроны деревьев — а сегодня над горизонтом повисла огромная луна, такая яркая, что в ее свете можно было читать.

— Трудно поверить, — сказала Кейт, тоже очарованная луной, — что там жили люди.

В прошлом было много вещей, в которые

сегодня трудно поверить. Около года назад я наблюдал через это же окно, как заброшенный орбитальный завод «Корнинг-Джентелл», несясь к земле, сгорал в атмосфере, плюясь расплавленным металлом, словно бенгальская свеча на День независимости. Десять лет назад семьдесят пять человек жили на орбите Земли или за ее пределами. Сегодня не осталось ни одного.

Я встал, чтобы пошире открыть шторы. Тогда-то я и заметил старую малолитражку «Дженерал Моторс», припаркованную перед зарешеченной дверью магазинчика Мукерджи «Все за доллар», и лицо бородатого мужчины в окне автомобиля, освещенное, пока он не отвернулся, зеленовато-желтым уличным фонарем.

Нельзя было наверняка определить, тот ли это невротик, который вертелся вокруг моего стола у Николлет Молл, но я готов был поспорить, что это он.

С семьей я своими наблюдениями не поделился, просто снова сел рядом и заставил себя улыбнуться — все наши улыбки сегодня были искусственными. За чашкой кофе Дэвид еще немного порассуждал о том, с чем может столкнуться во время службы в объединенных вооруженных силах союзников. Если не повезет

заполучить место в канцелярии или техслужбе, то его, вероятно, в конце концов, отправят пехотинцем в Китай. Но Кейт он убеждал, что война долго не продлится, так что все в порядке, а мы делали вид, что верим в эту наивную ложь.

Конечно, Дэвид мог получить отсрочку, если бы Кейт забеременела, но это было невозможно. Из-за инфекции, которую она подхватила в Портильо, на матке остались рубцы, что привело к бесплодию. Кейт с Дэвидом могли зачать ребенка, но для этого пришлось бы прибегнуть к ЭКО, а никто из нас не мог этого оплатить. Насколько знаю, Дэвид даже не заикался о возможности получить отсрочку из-за рождения ребенка. Он любил Кейт, я уверен, абсолютно искренне. Тогда часто женились ради отсрочки, но для них это был не выход.

Эшли подала кофе и завела непринужденный разговор, пока я старался не думать о человеке на улице. Я поймал себя на том, что наблюдаю, как Кейт спокойно смотрит на Дэвида, и чувствовал гордость за нее. Жизнь Кейт никогда не была простой (как и у любого из нас, глубоко увязнувшего в Эпохе Хронолитов), но она обладала огромным внутренним достоинством, которое, иногда казалось, светится сквозь ее кожу ярким сиянием.

Просто чудо, что за нашу короткую совместную жизнь с Дженис мы, сами до конца не понимая, дали жизнь такой сильной, жизнерадостной человеческой душе. Мы приумножили добро, даже вопреки себе.

Однако Кейт и Дэвид хотели провести вместе последние часы. Я попросил Эшли отвезти их домой. Она удивилась и бросила на меня проницательный взгляд, однако согласилась.

Я горячо пожал Дэвиду руку и пожелал ему всего наилучшего. Затем крепко обнял Кейт. А когда все трое ушли, отправился в спальню, с верхней полки бельевого шкафа достал пистолет и снял его с предохранителя.

Я уже упоминал, кажется, что в молодости испытывал отвращение к оружию, характерное для первых десятилетий века. (Века, который сейчас, когда я пишу эти строки, балансирует на грани последней четверти… но не хочу забегать вперед.)

Мода на пистолеты снова вернулась в смутные времена. Я не хотел приобретать оружие — из-за чего, между прочим, чувствовал себя лицемером, — но вынужден был признать, что это разумно. Поэтому я прослушал необходимые курсы, заполнил все документы, приобрел мел-

кокалиберный пистолет и зарегистрировал его вместе с моим геномом в Бюро по контролю огнестрельного оружия; пушка распознавала только мои (и ничьи другие) отпечатки пальцев, когда я брал его. Я владел этим девайсом около трех лет и ни разу не стрелял за пределами полигона.

Положив пистолет в карман, я спустился по четырем лестничным маршам в вестибюль дома, пересек улицу и подошел к припаркованной машине.

Бородач на водительском сиденье не проявил никаких признаков тревоги. Он улыбался мне — вернее, усмехался, пока я шел. Подойдя достаточно, чтобы быть услышанным, я произнес:

— Не хотите объяснить мне, что вы здесь делаете?

Его ухмылка стала шире:

— Ты действительно не узнаешь меня? Не имеешь понятия?

Такого я не ожидал. Голос казался знакомым, но я не мог вспомнить его.

Он высунул руку из окна автомобиля.

— Это же я, Скотт, Рэй Моузли. Раньше я был фунтов на пятьдесят тяжелее. А бороду я отрастил недавно.

Рэй Моузли. Заместитель и безнадежно влюб-

ленный паж Сью Чопра.

Последний раз мы виделись еще до авантюры Кейт в Портильо — поскольку потом я отошел от дел ради новой жизни с Эшли.

— Вот черт, — только и смог я сказать.

— Ты не изменился, — сказал он. — Тем легче было тебя найти.

Избавившись от лишнего веса, он выглядел почти изможденным, даже с бородой. Словно призрак самого себя.

— Не надо было выслеживать меня, Рэй. Мог бы подойти к столу и поздороваться.

— Ну, люди меняются. Почем знать, может, ты уже превратился в огнедышащего медноголового?

— Иди на хрен.

— Но это важно. Нам нужна твоя помощь.

— Кому «нам»?

— Сью, например. Ей нужно место, чтобы отсидеться какое-то время.

Я все еще пытался переварить эту информацию, когда заднее стекло опустилось и похожая на земляной орех голова самой Сью высунулась из темноты салона.

Ее лицо расплылось в улыбке:

— Привет, Скотти. Вот мы и встретились снова.

Глава девятнадцатая

За последние семь лет я многое рассказывал Эшли о Сью Чопра и ее приятелях. Но это не значит, что Эш обрадовалась, вернувшись домой и застав две столь важные персоны, устроившиеся на диване в гостиной.

После Портильо мне стало очевидно, что придется выбирать между жизнью с Эшли и работой со Сью. Сью была непоколебимо убеждена, что наступление Хронолитов можно повернуть вспять при наличии правильной технологии или хотя бы адекватной степени понимания. Лично я в этом сомневался. Возьмите само понятие «Хронолит». Уродливая аббревиатура, придуманная каким-то тугим на ухо журналистом вскоре после Чумпхона, слово, которое я никогда не любил, но ценил его за уместность. «Chronos» — время и «lithos» — камень, не в этом ли суть дела? Время, отвердевшее, словно камень. Зона абсолютной детерминированности, окруженная эфемерной пеной (людскими жизнями, например), которая деформируется, повторяя ее контуры.

Я не хотел подвергаться деформации. Жизнь, которой мне так хотелось с Эшли, это та жизнь,

которую Хронолиты у меня украли. Мы вернулись из Тусона, Эш и я, чтобы зализать раны и поделиться той силой, которую мы могли отдавать друг другу. Не много бы я дал Эшли, если бы продолжал работать на Суламифь Чопра, если бы так и погружался в тау-турбулентность, если бы упорно брал на себя роль орудия судьбы.

Нет, мы не оборвали все контакты. Сью по-прежнему изредка названивала, чтобы проконсультироваться, хотя я мало что мог сделать как специалист, не имея доступа к ее инкубаторам военно-технических кодов. В основном она звонила, чтобы держать меня в курсе событий, поделиться своим оптимистичным или пессимистичным настроением, посплетничать. Думаю, ей было приятно порадоваться за меня, за то, как я устроил свою жизнь, — как будто в этом была какая-то экзотика, как будто не существовало миллионов таких же семей, которые довольствовались тем, что имели, в трудные времена. Но, конечно, я не ожидал, что она появится на пороге в стиле историй «плаща и кинжала».

Эш как-то перекинулась по телефону парой слов со Сью, но официально они не были представлены друг другу, а Рэя она и вовсе не знала. Я познакомил их, пожалуй, с чересчур наигранным

воодушевлением. Эшли кивнула, пожала руки и ушла на кухню «приготовить кофе», то есть справиться с волнением, вызванным их присутствием здесь. Рэй настаивал, что они просто заехали в гости. Сью по-прежнему контактировала в сети с остальными исследователями Хронолитов и во время этой поездки за запад уже кое с кем связалась. Отлив федеральных денег еще раз сменился приливом, хотя у нее по-прежнему оставались недоброжелатели в Конгрессе. Теперь, по ее словам, ее работа велась втайне, наполовину скрывалась, утаивалась одним агентством от другого, стала частью бюрократической конкуренции, в которой она мало что понимала. Да, в Миннеаполисе она по делу, но прежде всего она ищет приветливое местечко, где можно провести пару вечеров.

— Ты могла бы и позвонить.

— Наверное, могла бы, Скотти, но никогда не знаешь, кто подслушивает. Выбирая между кабинетными медноголовыми в Конгрессе и психами на улице… — она пожала плечами. — Если это неудобно, мы снимем номер в отеле.

— Оставайтесь, — сказал я. — Мне просто любопытно.

За всем этим явно стояло нечто большее, чем

воссоединение друзей. Но ни она, ни Рэй не спешили выкладывать подробности, и я догадывался, что по крайней мере сегодня меня дергать не будут. Экстаз и одержимость Сью, казалось, ушли в прошлое. Многое изменилось со времен Портильо.

Я-то все еще следил за наступлением Куана по новостям, когда позволяла пропускная способность линии, и до сих пор задавался вопросом: что такое «тау-турбулентность» и как она могла на меня повлиять? Но это было сродни ночным страхам, тому, о чем думаешь, когда не получается заснуть, и дождь барабанит в окно, как непрошеный гость. Я отказался от попыток разобраться в этом, опираясь на терминологию Сью — их разговоры с Рэем слишком быстро сворачивали на пространство Калаби-Яу, темные кварки и прочие эзотерические материи. А что касается самих Хронолитов… Стыдно ли мне, что я заключил с ними отдельное, частное перемирие? Что смирился с неспособностью повлиять на эти масштабные и непостижимые события? Может быть, это было маленькое предательство. Но в этом был хоть какой-то здравый смысл.

Тем тревожнее я сейчас чувствовал себя в присутствии Сью, которая так и пылала одержи-

мостью. Она была сама любезность, пока речь шла о старых временах или знакомых людях. Но едва заходил разговор о недавнем прибытии Хронолита во Фритаун или о продвижении армии куанистов в Нигерии, ее взгляд загорался, а голос набирал децибелы.

Я наблюдал за Сью во время разговора. Знаменитая неукротимая корона ее кудрявых волос подернулась сединой. Когда она улыбалась, от уголков глаз разбегались морщинки. И всякий раз, когда ее пылкая горячность угасала, становилось заметно, как она похудела и вымоталась.

Но, невероятное дело, Рэй Моузли все еще был в нее влюблен. Конечно, он не говорил об этом. Подозреваю, что Рэй переживал свои чувства к Суламифь Чопра как личное унижение, навсегда скрытое от посторонних. Только скрыть его ему не удавалось… А может, он заключил с собой сделку: лучше лелеять безответную любовь, чем признаться самому себе, что тебя не любят. Бородатый, исхудавший почти до анорексии, растерявший волосы, исчезнувшие как детские воспоминания, Рэй все так же бросал на Сью почтительные взгляды, все так же улыбался ее улыбкам, смеялся, когда смеялась она, и вставал на защиту при первом же намеке на критику.

И когда Сью, кивнув на Эшли в кухне, сказала: «Завидую тебе, Скотти. Я всегда хотела остепениться рядом с хорошей женщиной», — Рэй послушно хихикнул. И одновременно поморщился.

Перед сном я разложил диван и вытряхнул запасные одеяла. Для Рэя это могло стать пыткой — провести рядом со Сью абсолютно, безусловно целомудренную ночь, прислушиваясь лишь к ее дыханию. Но это было единственное, что я мог предложить, кроме пола.

Прежде чем пойти спать, я отвел Сью в сторону:

— Здорово повидаться с тобой. Серьезно. Но если вам от меня нужно больше, чем пара ночей на раскладном диване, я хочу об этом знать.

— Позже поговорим, — спокойно ответила она. — Хороших снов, Скотти.

Эшли была настроена не так оптимистично. Она сказала, что замечательно, конечно, встретить людей, которые когда-то так много значили для меня: словно ожили все те истории, которые я ей рассказывал. Но в то же время она их боится.

— Боишься?

— Так же, как Кейт боялась повестки. Причина та же. От тебя чего-то хотят, Скотт.

— Пусть это тебя не беспокоит.

— Но я не могу не беспокоиться. Они умные люди. И не приехали бы сюда, если бы не собирались поговорить с тобой о… том, чего бы они от тебя ни хотели.

— Меня не так легко убедить, Эш.

Вздохнув, она отвернулась.

За семь лет Куан так и не установил Хронолит на американской земле, по крайней мере, севернее мексиканской границы. Мы оставались частью архипелага здравомыслия в океане безумия, вместе с Северной Европой, Южной Африкой, Бразилией, Канадой, Карибскими островами и всеми остальными уклонистами. Влияние Куана на оба Американских континента было в основном экономическим, а не политическим. Глобальный хаос, особенно в Азии, подорвал иностранный спрос на готовую продукцию. Деньги перетекли из производства потребительских товаров в оборонку. Это позволило относительно снизить безработицу (за исключением Луизианских беженцев), но повело за собой дефицит отдельных товаров и нормирование их выдачи. Медноголовые утверждали, что экономика постепенно советизируется, и по крайней мере в этом они были правы. Ни в

Конгрессе, ни в Белом доме пока не наблюдалось прокуановских настроений. Наши куанисты (как и их радикальные противники) были уличными бойцами, а не организаторами. По крайней мере, пока. Респектабельные медноголовые вроде Уита Делаханта — другое дело, они проникли повсюду, но вели себя очень тихо.

Я полистал кое-какую их литературу: как теоретиков (Дудьер, Прессингер, Парижская группа), так и писак-популистов («Облачение Императора» Форестелла, когда оно попало в список бестселлеров). Даже интересовался работами музыкантов и романистов, которые стали лицом куанистского андеграунда. Кое-что на *первый* взгляд производило впечатление, и тем не менее мне все это казалось, в лучшем случае, попыткой выдать желаемое за действительное, а в худшем — заигрыванием народа или скорее автора с неизбежной деспотией куанистов.

И до сих пор не появилось реального подтверждения существования самого Куана. Без сомнения, он где-то *был*, возможно, на юге материкового Китая, но большая часть Азии оставалась закрытой для медиа и телекоммуникаций, инфраструктура там полностью разрушилась в условиях полного коллапса, миллионы погибли

от голода и беспорядков. Хаос, способствовавший появлению Куана, служил ему еще и защитой от разоблачения раньше срока.

Обладал ли он уже технологией, необходимой для создания Хронолитов?

— Наверное, да, — сказала мне Сью.

Это было воскресным утром. Эшли, все еще взвинченная, уехала в гости к своей кузине Элисии в Сент-Пол. (Элисия перебивалась продажей декоративных медных горшков, обходя дом за домом. Посещая ее по воскресеньям, Эшли всего лишь отдавала дань родственным чувствам, поскольку Элисия была сварливой женщиной с эксцентричными религиозными взглядами, но без малейшего таланта к ведению хозяйства.) Мы сидели со Сью за кухонным столом, я ковырялся в тарелке с завтраком и, как обычно, наслаждался своим выходным, пока Рэй охотился за свежим кофе — мы истратили все домашние запасы.

Есть лишь горстка людей в мире, объясняла мне Сью, которые достаточно хорошо разбираются в современной теории Хронолитов, чтобы представить, как можно их создавать. Она оказалась одной из них. Вот почему федеральное правительство проявляло к ней такой двойственный интерес, то помогая, то препятствуя ее работе.

Но сейчас главная проблема была в другом. По ее словам, главную проблему создало много лет назад все более и более отчаивавшееся правительство Китая, оно разработало собственную программу исследований практического аспекта технологии тау-изгиба и изолировало эти объекты от международного сообщества.

И почему это стало проблемой?

Потому что разобщенное китайское правительство в конце концов рухнуло, оказавшись несостоятельным, а объекты исследований, по-видимому, перешли под контроль повстанцев-куанистов.

— Все встает на свои места, — сказала Сью. — Где-то в Азии есть Куан, а в руках у него — технология. До завоевания Чумпхона ждать осталось всего пару лет, оно кажется уже вполне правдоподобным. И мы ничего не можем с этим поделать. Всю Юго-Восточную Азию контролируют разные движения повстанцев-куанистов; чтобы занять холмы выше Чумпхона, нужна огромная армия, а это означает, что потребуется перебросить туда войска и ресурсы из Китая, но на это никто не согласится. Так что все к тому и идет, причем очень гладко… Можно сказать, неотвратимо.

— Это только намеки на то, что *может* слу-

читься.

— Да.

— Но мы не в силах это остановить?

— Ну, не знаю, Скотти. Думаю, кое-что я могу сделать, — она улыбнулась — одновременно и озорно, и грустно.

Все это очень меня тревожило, и я попытался переключить внимание Сью, спросив, не было ли у нее новостей от Хитча Пэйли (я не слышал о нем с Портильо).

— Мы общаемся, — ответила она. — Он будет в городе проездом через пару дней.

Полагаю, доказательством природного (хоть и неуклюжего) обаяния Сью может послужить то, что вечером следующего дня Эшли уже сидела рядом с ней на диване и слушала объяснения Сью касательно Эпохи Хронолитов.

Когда я присоединился к ним, Эш произнесла:

— Я все-таки не понимаю, почему вы думаете, что так важно *уничтожит*ь один из них?

Задумавшись над ответом, Сью стала похожа на религиозного фанатика. Которым, возможно, в каком-то смысле и была.

На семинарах по популярной физике в Корнеллском она любила сравнивать беспорядочные частицы (адроны, фермионы и все разновидности

кварков, входящих в их состав) с божествами индуистского пантеона — все они индивидуальны, но являются аспектами единого всеобъемлющего Божества. Сью не была традиционно религиозной, она даже ни разу не посетила Мадрас, родину своих родителей, и пользовалась метафорами свободно и часто в шутку. Но я вспомнил ее описание двуликого Шивы: разрушитель и созидатель, юный аскет и похотливый развратник — Сью находила присутствие Шивы в любом дуализме, в любой квантовой симметрии.

Она сложила кончики пальцев:

— Эшли, а скажите, как вы понимаете слово «монумент».

— Ну, — сказала Эш неуверенно, — это предмет, строение, вроде здания. Ну, вы понимаете, архитектура.

— Тогда чем он отличается от дома или храма?

— Думаю, его нельзя использовать, как дом или церковь. Он просто стоит и обозначает свое существование.

— Но у него же есть какое-то назначение? Как, например, у дома.

— Не знаю, можно ли назвать его *полезным*… Но я думаю, он служит какой-то цели. Просто не практической…

— Именно. Это сооружение, имеющее цель, но не практическую, а скорее духовную или как минимум символическую. Он возвещает о силе и превосходстве или увековечивает какое-то общественно важное событие. Это материальное сооружение, но только человеческое сознание придает ему значимость и ценность.

— В том числе и Хронолитам?

— В точку. Как разрушительное оружие, Хронолит — штука довольно заурядная. Сам по себе он ничего особенного не делает. Это инертный объект. Все его значение лежит в области смысла и толкования. И вот где идет битва, Эшли, — она постучала себя по лбу. — Вся самая невероятная архитектура находится здесь. Ничто в физическом мире не сравнится с памятниками и соборами, которые мы сооружаем внутри нашей черепной коробки. Среди них есть простые и правдивые, есть вычурные, есть прекрасные, уродливые и опасно больные. Но эта архитектура важнее любой другой, потому что из нее мы творим будущее. История — это всего лишь допотопные записи о том, что мужчины и женщины создали силой своего разума. Вы понимаете? И гений Куана не имеет ничего общего с Хронолитами; Хронолиты — просто технология, всего

лишь попытка человека подчинить себе природу. Гений Куана в том, что он использует их, чтобы колонизировать сознание, чтобы строить свою собственную архитектуру прямо в наших головах.

— Он заставляет людей поверить в него.

— В него, в его силу, в его славу, в его великодушие. Но прежде всего в его *неотвратимость*. И именно это я хочу изменить. Потому что в Куане нет ничего неотвратимого, абсолютно ничего. Мы создаем его каждый день, конструируем из наших надежд и страхов. Он *принадлежит* нам. Он — ничто, мы — все.

Само по себе это не несло ничего нового. Политика ожидания широко обсуждалась и в прессе. Но было в ее словах что-то такое, от чего у меня на руках волосы встали дыбом. Может, степень ее убежденности, свойственное ей красноречие. Но думаю, было и нечто большее. Пожалуй, я впервые понял, что Сью объявила Куану неофициальную и очень личную войну. Более того: она верила, что находится сейчас в эпицентре конфликта — помазанница тау-турбулентности, возвысившаяся до уровня Божества.

Я встретился с Кейтлин, пригласив ее в воскресенье на ужин. Просто фастфуд — знак того,

что свалившиеся в прошлые выходные деньги закончились.

Кейт, спускаясь из комнаты над гаражом Уита, внешне храбрилась, но было видно, как ей тяжело. Она провела первые несколько ночей без Дэвида, и это сказалось. Вокруг глаз залегли тени, лицо стало землистого цвета от бессонницы. Она улыбнулась мне едва заметной улыбкой, словно ей было совсем не до того, пока Дэвид на войне.

Мы с ней перекусили бутербродами с бобовой пастой в некогда ярко раскрашенной, а теперь обшарпанной «Народной кухне». Кейт знала, что Сью Чопра и Рэй Моузли в городе, мы поговорили об этом, но ее явно не интересовала эта тема — «старые деньки», как она их называла. Ее мучили ночные кошмары. Ей приснилось, что она снова очутилась в Портильо, но на этот раз с Дэвидом, оказавшимся в какой-то смертельной опасности, от которой Кейт не могла его спасти. Она по колено проваливалась в песок, а Куан нависал над ней, почти живой, перекошенный и злорадный.

Я терпеливо слушал, давая ей время успокоиться. Вполне понятный сон. Наконец я спросил:

— Что слышно от Дэвида?

— Он один раз позвонил, когда автобус добрался до Литл-Рок. С тех пор ничего. Но я думаю, в

тренировочном лагере ему есть чем заняться.

Тут не поспоришь. И я спросил, как все это переживают мама и Уит.

— Мама — мое спасение. Что до Уита… — ее руки задрожали. — Ты же знаешь, какой он. Не одобряет войну и ведет себя так, будто Дэвид лично за нее в ответе, словно он мог сам выбирать, получать повестку или нет. Для Уита проблема — все вокруг, людей он словно бы не видит, а только препятствия и плохие примеры.

— Не уверен, что война идет кому-то на пользу, Кейт. Если бы Дэвид хотел уклониться, я бы помог ему.

Она грустно улыбнулась.

— Знаю. И Дэвид знал. Самое странное, что Уит об этом и слышать не желал. Он не одобряет войну, но он не мог согласиться на нарушение закона, не мог подвергать риску семью и прочая белиберда. Дело в том, что Дэвид понял: если он попытается уклониться от призыва, Уит, вероятнее всего, доложит куда следует.

— Думаешь, это правда?

Она заколебалась:

— Не скажу, что ненавижу Уита…

— Понимаю.

— Но да, я думаю, он на это способен.

Пожалуй, не удивительно, что ее мучили кошмары.

— Наверное, Дженис больше времени проводит дома с тех пор, как ее работа пошла прахом, — заметил я.

— Да, и это помогает. Я знаю, что она тоже скучает по Дэвиду. Но она не обсуждает войну, Куана или взгляды Уита. Это запретная территория.

Преданность Дженис своему мужу — это замечательно и, наверное, достойно восхищения, хотя мне было тяжело думать о ее браке в таком ключе. Когда преданность превращается в мученичество, и насколько опасен Уитмен Делахант? Но я не мог задавать Кейт такие вопросы.

У нее ответов было не больше, чем у меня самого.

Когда я вернулся домой, Эшли уже пошла спать. Сью и Рэй бодрствовали, сидя за кухонным столом и о чем-то тихо перешептываясь над картой западных штатов. Рэй умолк, когда я проходил мимо, но Сью предложила мне присесть и присоединиться к ним. К облегчению Рэя, я вежливо отказался и вместо этого присоединился к Эшли, которая калачиком свернулась в постели. Простыня сбилась у нее в ногах, и от ночного ветерка по бедру пробежали мурашки.

Должен ли я испытывать вину за то, что не искал и не стремился к личному мученичеству — как Дженис, связанная с Уитом чувством долга; как Дэвид, нацеленный на Китай, будто пуля для единственного выстрела; или как мой отец, если на то пошло, который мученичеством оправдывал всю свою жизнь? («Я был с ней, Скотти».)

Когда я пристроился в постели, Эшли шевельнулась, забормотала и прижалась ко мне, теплая в окружении ночной прохлады.

Я попытался представить себе мученичество, бегущее в обратную сторону, будто сломанные часы. Как сладостно отречься от своей божественности, спуститься с креста, пройти от преображения до простого здравого смысла и достичь в конце концов детской невинности.

Глава двадцатая

Хитч объявился в городе хромой и без двух пальцев на левой руке. Мне показалось, что улыбался он не так охотно, как прежде, хотя и усмехнулся Сью, а меня окинул оценивающим, но вполне дружелюбным взглядом. Конечно, Эшли на его улыбку не ответила.

Эшли работала на водоочистительном заводе, составляла необходимые отчеты, согласно местным и федеральным инструкциям, а для финансового менеджера набирала персонал в отдел расчетов с клиентами. Она вернулась домой усталая и чуть не упала в обморок, увидев Хитча Пэйли, хотя тот и надел приличный костюм и даже галстук нацепил. О Хитче у Эшли остались плохие воспоминания — он был рядом, когда она потеряла Адама.

Она, конечно, узнала и бывшего фэбээровца Морриса Торранса, облысевшего даже больше, чем Рэй Моузли. Тот тоже приехал на микроавтобусе, припаркованном перед домом. Я попытался его представить, но Эшли безрадостно произнесла:

— Мы не сможем разместить всех этих людей,

Скотт. Даже на одну ночь.

В ее прерывающемся голосе прозвучал страх, но еще больше обиды.

— В этом нет необходимости, — торопливо ответил Хитч. — Я только что снял пару номеров в «Марриотте». Рад видеть тебя, Эшли.

— Я тоже, наверное, — сказала она.

— И спасибо, что приютили нас, — вставила Сью Чопра. — Я знаю, что мы причинили вам беспокойство.

Эшли кивнула, возможно, успокоенная видом собранной спортивной сумки Сью.

— «Марриотт»?

— Фортуна повернулась к нам лицом, — сказала Сью.

Я спустился с Хитчем к фургону, пока Сью и Рэй заканчивали паковать вещи. Хитч засунул сумку Сью в багажник и положил руку мне на плечо.

— Завтра может понадобиться кое-какая помощь, Скотти, если ты посчитаешь возможным выкроить время.

— Помощь в чем?

— Потратить деньги на тяжелое оборудование. Дизельные генераторы и тому подобное.

— Я не особо разбираюсь в машинах, Хитч.

— В первую очередь мне нужна твоя компа-

ния.

— Завтра рабочий день.

— Стоять за столом на блошином рынке? Возьми отгул.

— Не могу себе позволить.

— Можешь. У нас предусмотрены на это деньги.

Он назвал почасовую оплату за восьмичасовой рабочий день. Роскошная сумма за то, чтобы просто составить ему компанию — человеку, чьи друзья всего пару дней назад умоляли меня пустить переночевать их на диване. Хитч явно прибыл в город не с пустыми карманами, и предложение выглядело заманчиво. Но мне не хотелось его принимать.

— Соображай, — сказал он, — Министерство обороны открыло для нас счет, по крайней мере на ближайшее время. Наличные имеются, и я знаю, ты не можешь себе позволить вот так внезапно исчезнуть. А нам и вправду нужно кое-что обсудить.

— Хитч…

— Что тут плохого-то?

Уместный вопрос.

— Чувствую, за этим кроется нечто большее, чем кажется на первый взгляд.

— Ну да. Есть такое дело. Мы поговорим об этом завтра. Я позвоню из гостиницы, обсудим.

— Но почему я?

— Потому что стрела указывает на тебя, друг мой, — он вскарабкался на водительское сиденье и, морщась, втянул в салон покалеченную ногу. — По крайней мере, так думает Сью.

И вот солнечным утром я ехал с Хитчем Пэйли в обшарпанный промышленный автопарк к западу от реки. Кондиционер в машине сломался (чего и следовало ожидать: запасные детали стали роскошью и по большей части преназначались для военных). Сухой воздух снаружи раскалился, как в печи, тонированные окна Хитч не опускал, но решетка вентиляции была широко открыта. К тому времени, когда мы добрались до места назначения, салон провонял горячим винилом, моторным маслом и потом.

Хитч договорился о встрече с менеджером по продажам и дистрибьютором запчастей фирмы «Братья Тайсон». Мы проследовали через приемную в офис, где я сидел, рассматривая увядший фикус и заурядные картины на стенах, пока Хитч договаривался о покупке двух экскаваторов, нескольких переносных генераторов, которых хватило бы, чтобы обеспечить энергией неболь-

шой город, а также прорвы запасных частей. Продавцу, очевидно, стало любопытно — он дважды спросил, не являемся ли мы независимыми подрядчиками, и был, видимо, раздосадован тем, что Хитч уклонился от ответа. Но в то же время он не скрывал радости, оформляя заказ. Насколько я понял, Хитч практически спас «Братьев Тайсон» от банкротства или, по крайней мере, отсрочил этот неизбежный час.

В любом случае, Пэйли за пару часов списал со счета больше денег, чем я заработал за последний год. Он оставил продавцу контактный номер, сказал, с кем связаться по поводу доставки, помахал здоровой правой рукой и побрел обратно в жару. В машине я спросил:

— Так чего вы конкретно хотите сделать — выкопать яму и провести к ней освещение?

— Бери выше, Скотти. Мы собираемся свалить один из камней Куана.

— Парой экскаваторов?

— Это просто чтобы дырку заткнуть. А так-то у нас почти батальон военных инженеров и техники, готовый выступить по первому слову Сью.

— Вы серьезно хотите снести Хронолит?

— Сью говорит, мы сможем. Она так считает.

— И какой из них вы планируете разворотить?

— Вайомингский.
— В Вайоминге нет Хронолитов.
— Пока нет.

Хитч объяснил все так, как сам понимал. Позже Сью заполнила пробелы. Для Суламифь Чопра это были напряженные годы.

— Ты выпал из процесса, — начал Хитч, — ради тихой жизни с Эшли и новых возможностей для себя, Скотти, но остальные не топтались на месте только потому, что ты перестал заниматься нашим кодом.

Я не понимал тогда и не понимаю сейчас физическую сущность Хронолитов, разве что в научно-популярном изложении. Я знаю, что технология предполагает манипуляции с пространствами Калаби-Яу, которые являются наименьшими компонентами как материи, так и энергии, и что используется метод так называемых медленных фермионных отслаиваний на энергетических уровнях. А в том, что *на самом деле* происходит в перепутанном оригами пространства и времени, я наивен, как младенец. Говорят, девятимерная геометрия — сама по себе язык. Мне не выпадало случая на нем поговорить.

А у Сью этот случай был, и думаю, глубину ее понимания недооценивали. Федеральное

правительство, и взращивая в ней союзника, и отодвигая как помеху, тоже постоянно недооценивало ее. Сью так свободно чувствовала себя в геометрии Калаби-Яу, что, я убежден, часть ее попросту жила в том мире — она осваивала его абстракции, словно астронавт неведомую и далекую планету. Однажды Сью сказала мне, что такого понятия, как «парадокс», просто не существует. Парадокс, по ее словам, лишь иллюзия, взгляд на N-мерные проблемы через трехмерное окно. «Все части связаны друг с другом, Скотти, даже если мы не видим петли и узлы. Прошлое и будущее, добро и зло, здесь и там. Это все — едино».

Что касается практической стороны, ее сотрудники уже преуспели в создании тау-турбулентности в малых масштабах. Конечно, это песчинка рядом с Хронолитами Куана, но, в принципе, разницы не было. Теперь Сью верила, что сможет сорвать прибытие Хронолита, проделав такие же манипуляции в физическом пространстве на месте его будущего появления.

Она больше года призывала к действию, но глобальные системы, отслеживавшие и предсказывавшие прибытия, были либо засекречены, либо не отлажены, либо и то и другое одновре-

менно, военной бюрократии нужно было время, чтобы рассмотреть и одобрить ее предложение. Вайоминг был первой реальной возможностью, по словам Хитча, а может быть, и последней. Но и в Вайоминге подстерегали свои опасности; он стал Меккой для ополчения медноголовых разных (часто несовместимых) политических сил. Из хороших новостей: щедрое трехнедельное окно перед прибытием плюс полная поддержка армии. Подготовку не афишировали, опасаясь привлечь еще больше куанистов. Нужно было действовать скрытно, но решительно.

Это все замечательно, сказал я Хитчу, но не объясняет, почему я сижу в его тачке, выслушивая его разглагольствования, которые все больше напоминают рекламный трюк.

Пэйли заговорил серьезно:

— Скотти, — сказал он, — это вовсе не трюк. По крайней мере, для меня. Как человек ты мне нравишься, но я не уверен, что от тебя будет какой-то прок конкретно в этой экспедиции. Я с уважением отношусь ко всему, чего ты достиг. Видит Бог, как трудно содержать семью в такие времена, но нам нужны спецы, инженеры и парни, которые умеют обращаться с тяжелой техникой, а не тип, торгующий подержанной хренью на барахолке.

— Хм, спасибо.

— Без обид. Но разве я не прав?

— Ты прав.

— Это Сью хочет взять тебя с нами, а на причины только намекает.

— Ты говорил о стреле.

— Ну, это больше похоже на игру «соедини точки». Рассказать тебе историю?

— Если будешь следить за дорогой.

Движение на половине улиц Миннеаполиса не регулировалось, и кроме встроенных в автомобили модулей ничто не могло предотвратить столкновение. Хитч прижался к тележке уличного торговца так близко, что завизжала сигнализация.

— Ненавижу транспорт, — проворчал Пэйли.

Полгода назад он был в Эль-Пасо, выполняя кое-какую работу от имени Сью — отслеживал угрозы, которые она получала на домашний терминал, чей адрес могли знать только близкие доверенные люди.

Теоретически, безопасностью Сью занимался Моррис Торранс, но самую хлопотную работу всегда поручали Хитчу. У него были хорошие связи в кругах куанистов и репутация, которая впечатляла многих отморозков. Он отлично дрался, и,

без сомнения, ловко управлялся со всеми видами оружия, хотя об этом я не спрашивал.

Моррис отследил угрозы, выйдя на одну из крупных группировок, действовавших в Техасе, и Хитч отправился в Эль-Пасо, чтобы втереться в доверие к местной уличной банде.

— Но я допустил очевидную ошибку, — сказал он мне. — Слишком рано начал задавать слишком много вопросов. Я мог бы еще легко отделаться, если бы у них с головами было все в порядке. Но эти техасцы — долбаные параноики. По ходу, кто-то решил, что не стоит со мной рисковать.

В конце концов, пять штурмовиков притащили его на задний двор авторемонтной мастерской и допросили с помощью пилы-мачете.

Хитч поднял левую руку и показал мне обрубки указательного и среднего пальцев. Оба отрезаны ниже сустава. Оба аккуратно зашиты, но раны явно были рваными.

Я задумался. Я думал о боли.

— Не дергайся, — сказал он. — Могло быть и хуже. Мне удалось уйти.

— А хромым ты тоже там стал?

— Мелкокалиберная пуля прямо в мышцу. Когда я уже покидал сцену. У них оказался древний пистолет, какое-то проржавевшее старье

двадцатого века. Но главное в том, Скотти, что я узнал стрелка.

— Ты узнал его?

— И думаю, он меня тоже, или, по крайней мере, я показался ему знакомым. Если бы из-за этого он не дернулся, то выстрелил бы точнее. Это был Адам Миллс.

Я почти инстинктивно отпрянул от него к дверце, почувствовав озноб посреди летней жары.

— Не может быть.

— Черт меня дери, если это не так. Он не умер в Портильо. Должно быть, выбрался с беженцами.

— И ты наткнулся на него в Эль-Пасо? Просто вот так?

— Сью говорит, это не совпадение. Это тау-турбулентность. Значимая синхронность. И мы связаны с Адамом прямо через тебя, Скотти. Адам Миллс — это стрела, и она указывает на тебя.

— Я этого не признаю.

— И не должен, насколько я могу судить. Я тоже не хотел признавать пулю, попавшую мне в ногу. Если на то пошло, мне пришлось убить несколько человек, чтобы раздобыть эту информацию для Сью. А что она будет с этим делать и что ты будешь с этим делать, меня не касается.

— Ты убил несколько человек?

— А чем, ты думал, я занимаюсь, Скотти? Путешествую по стране и читаю лекции о морали? Да, я убивал людей, — он покачал головой. — Вот из-за этого я и нервничаю. Ты смотришь на меня и видишь забавного здоровяка, своего друга, с которым зависал в Чумпхоне. Но я убил человека еще до встречи с тобой, Скотти. Сью знает об этом. Ты же знаешь, я торговал дурью, а не купальники продавал. Ты иногда попадаешь в сложные ситуации. Что тогда, что сейчас. Я не такой совестливый, как ты. Знаю, ты себя считаешь каким-то моральным уродом, потому что облажался с Дженис и Кейт, но в глубине души, Скотти, ты семейный человек. Вот и все.

— Так чего Сью от меня хочет?

— Хотел бы я знать.

Глава двадцать первая

В эти дни всеобщего спада, отель «Марриотт» привлекал не так-то много гостей. В бассейне и сауне Сью оказалась одна, хотя Моррис Торранс стоял на страже у входа.

Я застал ее в бурлящих водах джакузи. Ни пожарно-красный цельный купальник, ни желтая шапочка для волос ее не украшали, но Сью всегда была равнодушна к моде. Даже в бассейне она не снимала свои огромные древние очки в оправе, похожей на потертый черный бакелит.

— Ты должен попробовать это, Скотти, — произнесла она, — очень расслабляет.

— Я не в настроении.

— Значит, Хитч с тобой поговорил.

— Да.

Она вздохнула:

— Хорошо, дай мне минутку.

Сью вынула свое грушевидное тело из джакузи и сняла шапочку, ее волосы вырвались на свободу, словно звери из клетки.

— Мне нравятся шезлонги у окна, — сказала она. — Если тебе не жарко в этой одежде.

— Все в порядке, — ответил я, хотя было жарко,

как в тропиках, и воздух пропах хлоркой. Но дискомфорт казался каким-то очень уместным.

Она расстелила полотенце и величественно уселась:

— Хитч сказал тебе про Адама Миллса?

— Да. Я еще не поделился с Эшли.

— Не нужно, Скотти.

— Не говорить Эшли? Почему? Ты хочешь сама рассказать ей?

— Разумеется, нет, и надеюсь, ты тоже не станешь.

— Она думает, что он мог погибнуть. И имеет право знать, если это не так.

— Адам жив, можешь не сомневаться. Но спроси себя: ради чего стоит рассказывать об этом Эшли? Неужели Эшли лучше знать, что Адам жив и что он убийца?

— Убийца? Это он-то?

— Да. Мы установили этот факт совершенно точно. Адам Миллс — преданный, закоренелый куанист и серийный убийца, наемник в одной из самых зверских банд в стране. Думаешь, Эшли нужно об этом знать? Ты хочешь сообщить ей, что ее сын ведет такую жизнь, которая закончится, скорее всего, убийствои или тюрьмой, причем в ближайшем будущем? И если это произойдет,

ты хочешь снова видеть, как она переживает это горе?

Я был в замешательстве. Поставил себя на место Эшли: если бы я семь лет мучился вопросом, выжила ли Кейт в Портильо, то был бы рад любой информации.

Но Адам — не Кейтлин.

— Посмотри, что она обрела после Портильо. Работа, семья, реальная жизнь — *стабильность*, Скотти, в мире, где это большая редкость. Очевидно, ты знаешь ее лучше, чем я. Но хорошенько подумай, прежде чем снова отнимешь все это у нее.

Решил пока отложить этот вопрос. Не за этим я сюда пришел. Не только за этим.

— Я наверняка избавил бы ее от всего этого, если бы поехал с вами на запад. Хитч утверждает, что вы этого хотите.

— Да, но ненадолго. Скотти, присядь, пожалуйста. Ненавижу громкие разговоры. Я начинаю нервничать.

Я поставил второй лежак напротив нее. За запотевшими окнами город жарился в полуденном зное. Солнечный свет играл в окнах, антеннах на крышах, крупицах слюды в асфальте.

— А теперь послушай меня, — сказала Сью. —

Это важно, и я хочу, чтобы ты выслушал меня без предубеждения, насколько это возможно в данных обстоятельствах. Знаю, многое от тебя скрывалось, но пойми, пожалуйста, мы должны быть осторожны. Должны убедиться, что ты не изменил мнение о Куане — нет, не прикидывайся оскорбленным, и не такое бывает, что тебя не заманили к себе медноголовые, как мужа Дженис, как его там? Уитмена. Моррис продолжает настаивать, что мы не можем доверять никому, хотя я сказала, что с тобой все в порядке. Потому что знаю тебя, Скотти. Ты находился в тау-турбулентности почти с самого начала. Мы оба там были.

— И мы связаны священными узами? Ерунда, Сью.

— Это *не* ерунда. И это не просто предположение. Конечно, все это моя интерпретация, но математические расчеты говорят о…

— Мне реально наплевать, о чем говорят расчеты.

— Тогда просто послушай меня, и я расскажу тебе то, что считаю правдой.

Она отвела глаза, ее взгляд стал сдержанно-сосредоточенным. Мне не нравилось такое выражение лица. Серьезное и отстраненное, оно казалось почти бесчеловечным.

— Скотти, — начала Сью, — я не верю в судьбу. Это устаревшее понятие. Человеческая жизнь — невероятно сложное явление, куда менее предсказуемое, чем жизнь звезды. Но я также знаю, что тау-турбулентность распыляет причинно-следственные связи вперед и назад по временной шкале. Разве это совпадение, что вы с Хитчем в итоге оба работаете на меня, или что Адам Миллс разделил с нами турбулентность в Портильо? В каждом из этих случаев ты можешь выстроить логическую цепочку событий, которая предложит почти (но не полностью) удовлетворительное объяснение. Я вышла на связь с Хитчем Пэйли благодаря событиям в Чумпхоне, не так уж случайно; вы встретились с Эшли, потому что у вас обоих были дети, вовлеченные в один и тот же хадж, ладно. Но, Скотти, дистанцируйся и посмотри на все со стороны. Слишком гладко все соединилось. Одних предшествующих причин недостаточно. Должны быть еще и последующие.

Хитч сцепился с Адамом, если на то пошло. Больше, чем совпадение. Но тоже объяснению не поддается.

— Это вопрос веры, — сказал я тихо.

— Тогда взгляни на меня, Скотти! Взгляни,

какую силу я держу в руках! — она показала мне свои бледные ладони. — Силу, способную свалить чертовы Хронолиты! Это придает моей жизни особое значение. Я становлюсь игроком в большой игре. Скотти, *я и есть* последующая причина!

— Существует такая штука, — заметил я, — как мания величия.

— Только учти, что я ничего не выдумывала, ничего! Это не моя фантазия, что мне удалось понять природу Хронолитов лучше, чем кому бы то ни было на планете — хотя я и не хвастаюсь этим. Это не моя фантазия, что вы с Хитчем оказались в Чумпхоне и в Портильо, или что мы с тобой были в Иерусалиме. Это *факты*, Скотти, и они требуют объяснения, выходящего за рамки случайности и слепой вероятности.

— Почему ты хочешь взять меня в Вайоминг?

Она моргнула.

— Я не хочу. *Не хочу*, чтобы ты там был. Здесь тебе наверняка безопаснее. Но и факты я игнорировать не могу. Я верю — и да, это всего лишь ненаучная интуиция, но мне плевать — я верю, что ты должен сыграть свою роль в финале Хронолитов. Хорошо это или плохо, я не знаю, хотя уверена, ты не сделаешь ничего мне во вред и не

встанешь на сторону Куана. Думаю, будет лучше, если ты поедешь с нами, потому что в тебе есть что-то особенное. Появление Адама Миллса — это как рекламный плакат. Чумпхон, Иерусалим, Портильо, штат Вайоминг. Ты. Тебе это может не нравиться, Скотти, но ты очень важен, — она пожала плечами. — Вот во что я верю, и верю всей душой. Но если я не могу тебя убедить, ты не приедешь, и может быть, в этом и есть наша судьба, может быть, твой отказ и есть то, что связывает нас друг с другом.

— Ты не можешь перекладывать всю ответственность на меня.

— Нет, Скотти, не могу, — она печально моргнула. — Но и снять ее с тебя тоже не могу.

Все, что я услышал, показалось мне не вполне нормальным. Спасибо матери, у меня было развито чутье к иррациональному. Даже в детстве я сразу понимал, когда она начинала впадать в помешательство. Я узнавал его по напыщенным сентенциям, раздутому самомнению, намекам на нависшую угрозу. И это всегда вызывало у меня одну и ту же реакцию — отстраненность, граничащую с отвращением, и быстрое эмоциональное охлаждение.

— Помнишь Иерусалим? — спросила Сью. —

Помнишь тех молодых людей, которые погибли? Я часто вспоминаю о них, Скотти. Думаю о той юной девушке, которая подошла ко мне во время прибытия Хронолита и всплеска тау-турбулентности. Ее звали Кэсси. Ты помнишь, что Кэсси сказала?

— Она поблагодарила тебя.

— Поблагодарила за то, чего я не делала, а потом она умерла. Думаю, она, возможно, была так глубоко в тау-турбулентности, как никто другой, и сам факт ее смерти переполнил последние минуты ее жизни. Я точно не знаю, за что она благодарила меня, Скотти, и даже не уверена, что она знала. Но она, должно быть, почувствовала что-то… судьбоносное.

Сью почти смущенно отвела взгляд, и это снова сделало нас обычными людьми.

— Мне нужно дожить до этого, — сказала она. — Хотя бы попытаться.

У каждой влюбленной пары есть свое особое место. Пляж, задний двор, скамья в библиотеке. Для нас с Эшли таким местом стал ландшафтный парк в нескольких кварталах от дома, обычный пригородный парк с бетонной окаемкой утиного пруда, детской площадкой и подстриженным полем для софтбола. Мы часто приходили сюда

после Портильо, когда Эш оправлялась от потери Адама, а я разорвал контакты со Сью и компанией.

Здесь я сделал Эшли предложение. Мы собирались устроить пикник, но налетевшие из-за горизонта грозовые тучи разразились внезапным ливнем. Мы бежали до самого поля для софтбола и спрятались под навесом трибун. Воздух похолодал, и, прячась от мокрого ветра, Эшли прижалась к моему плечу. Ураган раскачивал огромные вязы, их ветви переплетались, точно пальцы, и именно в это мгновение я решил спросить Эш, станет ли она моей женой, а она поцеловала меня и ответила: «Да». Это было так просто, так прекрасно.

Я снова привел ее сюда.

В маниакальном приступе благоустройства в начале века в городе появилось, пожалуй, даже слишком много похожих парков. Часть из них позднее была застроена социальным жильем или доведена до полного запустения. Этот оставался единственным исключением, его до сих пор упорно отвоевывали местные семьи, защищали предписания местных влестей, а с наступлением темноты патрулировали местные волонтеры. Мы приехали к вечеру. День был прохладнее,

чем накануне, когда палило солнце. Прекрасный летний день, из тех, которые хочется сложить и спрятать в карман. Вокруг пруда компании устраивали пикники, малышня ползала по свежепокрашенным качелям и горкам.

Мы расположились на пустых трибунах, достали еду, купленную по дороге в парк, — жилистые кусочки курицы, обжаренные в кляре. Эшли вяло ковырялась в своей тарелке. Тревога проглядывала в каждом ее жесте. Думаю, в моих тоже.

Сначала я планировал (рассматривал такую возможность) рассказать ей про Адама именно сегодня. Позже понял, что не смогу. Это было заочное решение, наверное, мне не хватило смелости. Я считал, что Эш заслуживает того, чтобы знать правду. Но и Сью была права. В таких новостях больше вреда, чем пользы.

Не мог себя заставить причинить Эшли боль, как бы ни протестовала моя совесть.

Из таких решений, полагаю, и складывается судьба, точно виселица — из досок и гвоздей.

— Помнишь того мальчика? — спросила Эш, вытирая губы салфеткой. — Маленького мальчика на бейсбольном матче?

Мы как-то приехали сюда в субботу, вскоре после нашей свадьбы. Тренировочная игра Детской

лиги была в самом разгаре, два тренера и несколько родителей сидели рядом с нами на скамейках. Бэттер выглядел так, будто его растят на стейках и стероидах, такой одиннадцатилетка, которому приходится бриться перед школой. Питчером, наоборот, был белобрысый дохляк с талантом к горизонтальной подаче. К сожалению, он оказался не готов принять вызов. Мяч ударился о биту и полетел обратно до того, как крошечный питчер успел поднять перчатку — что-то на первой базе отвлекло его — и когда он повернул голову, получил удар прямо в темечко.

Тишина, затем открытые рты и несколько выкриков. Питчер моргнул и упал, упал, будто подкошенный, и неподвижно лежал на голом грязном пятачке.

И вот что странно: мы не были ни родителями, ни участниками, просто случайные зрители в ленивый выходной, но я набрал номер неотложной помощи еще до того, как хоть кто-нибудь на трибунах догадался полезть в карман; а Эшли, которая когда-то училась на медсестру, выбежала на поле раньше тренера.

Травма оказалась несерьезной. Эш придерживала мальчика и успокаивала испуганную мать, пока не прибыли парамедики. Ничего необыч-

ного тогда не случилось, если не считать, что именно мы так быстро сориентировались.

— Помню, — подвердил я.

— Я кое-что поняла в тот день, — сказал Эшли. — Я поняла, что мы оба готовы к худшему. Всегда. Возможно, в каком-то смысле, даже ждем его. Со мной это, наверное, из-за моего отца.

Отец Эшли был алкоголиком, а это довольно часто заставляет ребенка повзрослеть раньше времени, он умер от рака печени, когда Эшли было всего пятнадцать.

— А с тобой — из-за твоей матери.

Ожидание худшего. Ну да, конечно. (И на миг ее голос прозвенел у меня в голове: *Скотти, прекрати так смотреть на меня!*)

— Это говорит, — Эшли тщательно подбирала слова и старалась не встречаться со мной взглядом, — что мы достаточно сильные люди. Мы прошли через серьезные трудности.

А как насчет такой трудности: когда из мертвых восстает твой ребенок, ставший убийцей?

— Поэтому все в порядке, — закончила она. — Я доверяю тебе, Скотт. Делай то, что ты считаешь правильным. Не нужно подслащивать для меня горькую пилюлю. Ты уезжаешь с ними, я права?

— Ненадолго, — ответил я.

Глава двадцать вторая

Мы пересекли границу штата Вайоминг в тот день, когда губернатор сложил свои полномочия.

Одна из так называемых «группировок Омега» почти на неделю захватила Законодательное собрание, удерживая в заложниках губернатора Атертона и еще шестьдесят человек. Национальная гвардия в конце концов зачистила здание, но Атертон подал в отставку, как только его освободили, ссылаясь на проблемы со здоровьем. (Веселенькая история: ему выстрелили в пах, и рана загноилась.)

Другими словами, страсти тут, в «Стране широкого неба», накалились до предела, но все эти политические брожения с дороги были не заметны. В тех местах, где мы проезжали через штат, шоссе было разбито, обширные ранчо по обеим сторонам пришли в запустение и высыхали, по мере того как отступал водоносный слой Огаллала. Стаи скворцов облюбовали ржавые ребра оросительных трубопроводов.

— Отчасти проблема в том, — говорила Сью, — что люди видят в Хронолитах нечто магическое,

хотя это просто технология, и работает она как технология.

Она рассказывала о Хронолитах уже как минимум часов пять, хотя и не только мне одному. Сью настояла на том, что сама будет вести последний фургон в колонне, на котором перевозили наши личные вещи и ее записи и планы. Мы — Хитч, Рэй или я — сменяли друг друга на пассажирском сиденье. К привычной навязчивости Сью добавилось еще и возбужденное красноречие. Ей приходилось напоминать о еде.

— Магия безгранична, — говорила она, — или, якобы, ограничена лишь мастерством практикующего ее или капризами сверхъестественного мира. Но у Хронолитов есть свои ограничения, обусловленные самой природой, и это четкие и поддающиеся расчетам ограничения. Куан отправляет свои монументы примерно на двадцать лет в прошлое, потому что за этой точкой реальность воздвигает непреодолимые барьеры: чуть дальше в прошлое — и затраты энергии растут по экспоненте и взлетают до бесконечности даже для очень маленьких масс.

Наша колонна состояла из восьми больших закрытых военных грузовиков и вдвое большего количества фургонов и бронетранспортеров. Сью

за долгие годы собрала небольшую армию единомышленников, в том числе ученых и аспирантов, которые монтировали устройство тау-вмешательства, — в этой экспедиции их прикрывал военный отряд. Все автомобили покрасили в синий цвет Объединенных вооруженных сил, так что мы походили на любой другой конвой, которые были обычным делом даже для пустующих западных шоссе.

Через несколько миль после границы по сигналу головной машины мы остановились на обочине и выстроились в очередь за бензином у одинокой маленькой заправки «Саншайн Волатайлс». Сью выключила кондиционер, а я опустил стекло. Бездонное голубое небо тут и там усеивали обрывки облаков. Солнце стояло почти в зените. За бурым лугом стаи воробьев кружились над древней ржавой буровой вышкой. Воздух пах зноем и пылью.

— Хронолиты подчинены всем видам ограничений, — продолжала Сью, ее голос гудел, навевая сонливость. — Масса, например, или, вернее, *эквивалентность* массы, учитывая, что вещество, из которого они созданы, это не обычная материя. Ты знаешь, что ни разу не появилось Хронолита, чья масса превышала бы двести тонн? И не

потому, что Куану не хватало амбиций, я в этом уверена. Он и на Луне бы памятник соорудил, если б мог. Но опять же, после определенного момента потребление энергии взлетает по экспоненте. Прочность тоже страдает. Вторичные эффекты становятся более заметными. Знаешь, Скотти, что произойдет с Хронолитом, если он даже ненамного превысит теоретический предел массы?

Я ответил, что не знаю.

— Он станет нестабильным и сам себя уничтожит. Вероятно, весьма эффектно. Пространство Калаби-Яу, надо полагать, попросту *развернется*. На практике это будет катастрофа.

Но Куану хватает ума не допускать этого. Куан, размышлял я, сообразительнее нас всех, вместе взятых. И это не сулит ничего хорошего нашей маленькой донкихотовской авантюре в залитых солнцем ковбойских краях.

— Я бы выпила кока-колы, — внезапно произнесла Сью. — А то во рту пересохло. Ты не мог бы принести мне бутылочку с заправки, если у них есть?

Я кивнул, выбрался из фургона на засыпанную гравием обочину и прошел мимо стоявших на холостом ходу грузовиков, направлявшихся к

станции «Саншайн». Заправка представляла собой уединенный форпост, круглосуточный магазинчик и ряды изъеденных коррозией цистерн прятались в тени старого полукруглого геокупола[30]. Асфальт был испещрен мелкими брусками рыхлой грязи. Старик в дверях, прикрывая глаза ладонью, разглядывал длинную вереницу грузовиков. Их было, вероятно, куда больше, чем он видел за последнюю неделю. Но особо счастливым он себя от этого не чувствовал. Автоматизированные сервисные модули проверяли подвеску головной машины, дозаправляли и чистили. Сумма высвечивалась на большом верхнем табло, мутная линза бликовала на солнце и покрылась песочной пылью.

— Привет, — сказал я, — Похоже, дождей здесь давно не было.

Заправщик опустил руку и косо посмотрел на меня.

— С мая, — ответил он.

— А есть холодные напитки?

Он пожал плечами:

---

[30] Примечания: 30

Геодезический купол (геокупол, геодом) — сферическое архитектурное сооружение, собранное из стержней, образующих геодезическую структуру, благодаря которой сооружение в целом обладает хорошими несущими качествами.

— Газировка. Какая-то.

— Можно глянуть?

Он отступил из дверного проема.

— Это ваши деньги.

Внутри затененного помещения мне стало даже зябко после влажной жары снаружи. Выбор на полках был небогатый. В холодильнике стояло несколько банок кока-колы, рутбира и апельсиновой газировки. Я взял наугад три жестянки.

Продавец пробивал товар, так пристально разглядывая мой лоб, будто у меня там было клеймо.

— Что-то не так? — спросил я.

— Просто проверка на Число.

— Число?

— Число Зверя, — сказал он и ткнул в наклейку на бампер, которую он прилепил перед прилавком: «Я ГОТОВ К ВОЗНЕСЕНИЮ! А КАК НАСЧЕТ ТЕБЯ?»

— Думаю, если я к чему и готов, — сказал я, — так это выпить холодненького.

— Я так и понял, — он вышел за мной из магазина и обвел прищуренным взглядом очередь грузовиков. — Будто цирк в город приехал, — он рассеянно сплюнул в пыль.

— А где ключ от туалета?

— На крючке за углом, — он ткнул большим пальцем налево. — Окажи милость, смой после себя.

Место прибытия — вычисленное благодаря наблюдениям со спутника и уточненное после измерения радиационного фона на месте — казалось таким же загадочным и необъяснимым, как многие другие места приземления.

Хронолиты в деревнях, провинциальных городах и в других точках, не подвергшихся большим разрушениям, обычно именовались «стратегическими», в то время как такие «бомбы», как Бангкокский или Иерусалимский Хронолит, называли «тактическими». Оставался спорным вопрос о том, насколько важно это различие и не случайность ли все это.

Здешний камень, однако, явно попадал в категорию «стратегических». Вайоминг — преимущественно высокое пустынное плато, изрезанное горами — «земля больших высот и низменной толпы», как назвал его один из губернаторов двадцатого века. Вряд ли камень Куана мог нанести ущерб местным нефтяным месторождениям и скотоводческим фермам. В любом случае на предполагаемом месте прибытия не было и этого — тут вообще ничего не было, кроме пары уми-

рающих ферм и гнездовий луговых собачек. До ближайшего поселения — деревеньки под названием Модести Крик — пятнадцать миль вверх по двухполосной асфальтовой дороге, пролегавшей через бурые луга, базальтовые пласты и редкие насаждения тополей. Мы осторожно катили по этой второстепенной дороге, и пока приближались к пункту назначения, Сью прервала свой монолог, чтобы полюбоваться, как колышутся шалфей и крапива.

— А с какой стати, — спросил я, — сооружать Хронолит в таком месте?

— Не знаю, — ответила она, — но вопрос хороший, резонный. Это должно *что-то* значить. Как в шахматной партии, когда противник внезапно передвигает слона на край доски безо всякой видимой причины. То ли это неправдоподобно глупая ошибка, то ли гамбит.

Гамбит, а значит, отвлекающий маневр, ложная угроза, провокация, западня. Но Сью настаивала, что это не имеет значения. Какова бы ни была цель этого Хронолита, мы, тем не менее, не допустим его прибытия.

— Однако причинно-следственные связи крайне запутанны, — признала она. — Все очень тесно переплетено и постоянно усложняется.

Глядя в прошлое из будущего, Куан имеет преимущество. Он может действовать против нас совершенно неожиданным образом. Мы знаем о нем очень мало, а он может знать о нас предостаточно.

К ночи мы съехали с дороги. Передовая группа уже разведала место и отметила его приблизительный периметр колышками и желтой лентой. Было еще достаточно светло, и несколько человек во главе со Сью поднялись повыше, чтобы взглянуть на луг внизу, такой же скучный, как фундамент будущего торгового центра.

Это была дикая местность, изначально входившая в частные владения. Но ее никогда не обрабатывали и редко посещали. В сумерках она выглядела торжественно — холмистая степь, окаймленная с востока крутым обрывом. Каменистая почва, поросшая полынью, серой на излете сухого лета. Если бы не звуки инженерной команды, нагнетавшей сжатый воздух в надувные квонсеты[31], тут царила бы абсолютная тишина.

На вершине утеса на фоне потускневшего голубого неба возник силуэт вилорогой антилопы. Она подняла голову, учуяла нас и поспешила

---

[31] Примечания: 31
Сборный полукруглый дом.

скрыться из виду.

Рэй Моузли подошел к Сью и взял ее за руку.

— Ты чувствуешь это? — спросил он. — Чувствуешь?

Он имел в виду тау-турбулентность. В таком случае у меня был к ней иммунитет. Возможно, в воздухе стоял слабый запах озона, но если я что и чувствовал наверняка, так это прохладный ветер в спину.

— Красивое место, — заметила Сью. — Но суровое.

Утром мы заполнили его землеройной техникой, бульдозерами и грейдерами и сровняли всю красоту с землей.

Гражданская сеть телекоммуникаций, как и многие другие общественные службы, в последнее время пришла в упадок. Спутники сошли с орбит, и их не заменили; лазерные трубки состарились и пошли трещинами; старые медные провода пострадали от непогоды. Несмотря на все это, мне повезло, и следующей ночью я связался по голосовой линии с Эшли.

В первый день, занятые земляными работами, мы очень продуктивно потрудились. Техники Сью сделали тригонометрическую съемку места прибытия, военные инженеры разровняли его

и залили бетонный фундамент для аппарата тау-переменной, названного для краткости «ядром». Конечно, это не был ядерный реактор в привычном понимании, но этот фрагмент экзотической материи был необходим для создания сходного экранирования, как теплового, так и магнитного.

Фундаменты поменьше предназначались для нескольких резервных дизель-генераторов, питавших аппарат, и для небольших генераторов, обеспечивавших освещение и работу электроники. К вечеру следующего дня мы превратили наше уединенное плоскогорье в унылую индустриальную пустыню и распугали невероятное количество зайцев, луговых собачек и змей. Лампы пылали во мраке, как древние дозорные костры индейских племен — кроу, черноногих, сиу или шайенов. В воздухе плавали запахи масла и пластика.

Сью отправила меня на наблюдательный пост, но это явно было задание для проформы, поэтому я променял его на менее эффектное, но куда более полезное занятие — рытье выгребных ям и вынос извести. Уже перед заходом солнца, онемев от усталости, я поднялся на земляную насыпь под утесом и связался по карманному терминалу с

Эшли. Удалось поймать только звуковой сигнал, видео не было, но мне хватило и этого. Я хотел услышать ее голос.

Она сказала, что все в порядке. Деньги Хитча позволили оплатить кое-какие счета, которые давно нужно было погасить, она даже несколько раз сходила с Кейт в кино. Она не понимала, зачем нужно было оставлять Морриса Торранса приглядывать за ней — он сидел на улице в своей машине, рядом с домом. «Он мне не мешает, — сказала она, — но я чувствую себя словно под надзором».

Так оно и было. Сью волновалась, что куанисты могли отследить ее в Миннеаполисе, и я настоял на охране для Эш. В результате почтенный, но хорошо натренированный Моррис Торранс неохотно встал на караул. Я отказывался оставлять Эшли без защиты, если существовала хоть малейшая угроза ее безопасности, вот Сью и выбрала Морриса.

— Он вполне хороший человек, — сказала Эш, — но меня нервирует, что он следит за мной.

— Это только до моего возвращения, — пообещал я.

— Слишком долго.

— Можешь считать это заботой о моем душев-

ном спокойствии.

— Можешь считать, что это причина поскорее вернуться.

— Как только смогу, Эш.

— Ну, и какой он… Вайоминг?

Среди помех один-два слога потерялись, но суть фразы я уловил.

— Жаль, что ты этого не видишь. Солнце только что село. Воздух пахнет полынью, — воздух пах креозотом, известью и горячим металлом, но я предпочел соврать. — Небо почти такое же красивое, как ты.

— Что ты несешь?..

— Я весь день копал сортир.

— Уже лучше.

— Я скучаю по тебе, Эш.

— Я тоже, — она замолчала, и послышался звук, который мог быть зуммером домашней сигнализации. Эшли сказала:

— Кажется, кто-то стоит у двери.

— Позвоню завтра.

— …Завтра, — повторила она, и связь окончательно прервалась.

Но я не смог дозвониться до нее на следующий день. Как бы мы ни старались освободить сеть, отключая тех немногих, кто еще ею пользовался,

но связи не было нигде восточнее Дакоты. Видно, упало сразу несколько узловых серверов, поделился догадкой Рэй Моузли, возможно, очередная диверсия куанистов.

Проблемы с коммуникацией возникли из-за умников из Министерства обороны, которые решили предупредить прессу на день раньше, чем мы планировали. Множество внештатных корреспондентов, которые вели свои видеорепортажи по сети, все еще освещали беспорядки в Шайенне, и у них ушли бы как минимум сутки, чтобы добраться до Модести Крик, где они были так нужны.

Следующей ночью инженеры установили вокруг ослепительно яркие серо-зеленые лампы. Мы работали, пока было прохладно и на небе висела луна, обустраивали в сухой земле бункер, примерно в миле от места приземления, закапывали кабели и растягивали длиннющую сетку ограждения. Ограда должна была сдерживать и любопытных, и куанистов, если кто-то из них пронюхает о наших усилиях. Хитч считал, что без вооруженной охраны это удержит разве что антилоп, но не крупных млекопитающих. Но охрана у нас тоже была.

С изодранными до крови руками я дополз до

койки только на рассвете.

Осада должна была вот-вот начаться.

Глава двадцать третья

До сих пор это место было нашим. Скоро к нам должен был присоединиться весь мир.

И все, что к этому прилагается. Не только журналисты, но и куанисты всех мастей. Хотя мы надеялись, что отдаленный район и сжатые сроки исключат массовый хадж. («Это наш хадж», — не раз повторяла Сью. — «Он принадлежит нам».)

Так что солдаты выстроились по периметру ограждения и вдоль утеса, а мы известили дорожную полицию и местных чиновников, которые были очень недовольны, что у них не хватает полномочий прикрыть нашу лавочку. Рэй Моузли подсчитал, что осталось не больше двенадцати часов до появления первых любопытных. Мы уже успели смонтировать над бетонным основанием кран, который должен будет удерживать тау-ядро, а также установить и протестировать все вспомогательные устройства. Но полностью готовы мы еще не были.

Сью крутилась рядом с огромной грузовой платформой, на которой установили само ядро, высказывая свои претензии инженерам, пока мы с Рэем не позвали ее обедать. В брезентовой

палатке мы глотали, не разжевывая, военный паек, пока Рэй сверялся с контрольным списком. Работа шла с опережением графика, что помогало развеять некоторые опасения Сью. Хотя бы на какое-то время.

Сью находилась в том состоянии, которое в медицине называют «ажитацией». По всем признакам она была на грани нервного срыва. Она делала нервные бесцельные жесты, барабанила пальцами, часто моргала, признавалась, что не может спать. Даже во время разговора она не могла не смотреть на бетонную опору ядра и поблескивающие стальные трубы несущей конструкции.

Она постоянно говорила о проекте. Больше всего она боялась, что пресса может опоздать или Хронолит прибудет раньше срока.

— Не так важно, что мы здесь делаем, — говорила она, — как то, что увидят другие. Мы не добьемся успеха, пока мир не узнает о нашем успехе.

(А я считал, что мы на самом деле хватаемся за соломинку. У нас не было ничего, кроме уверенности Сью, что уничтожение Хронолита в момент прибытия может пошатнуть чашу весов в этой призрачной войне — нарушить петлю обратной

связи, от которой Куан предположительно зависит. Но сколько в этом было точного расчета, а сколько — стремления выдать желаемое за действительное? Благодаря своему положению и пылкому отстаиванию идей, Сью удавалось увлечь всех нас за собой, тем более что она была авторитетным математиком и глубоко понимала тау-турбулентность. Но это не значило, что она всегда права. И даже что она в своем уме.)

После обеда мы наблюдали, как бригада грузчиков и крановщик подняли тау-ядро из ящика и отбуксировали его на место залегания так деликатно, словно это был сжатый динамит. Ядро представляло собой анодированно-черную сферу диаметром три метра, оснащенную электронными портами и кабельными отсеками. Со слов Сью я понял, что это, по сути, магнитный сосуд с некоей необычной формой холодной плазмы внутри. Когда ядро активируется, множество скрытых высокоэнергетических устройств инициируют процесс фермионного отслаивания и создают несколько почти бесплотных частиц тау-неопределенности.

Этого вещества, как утверждала Сью, достаточно, чтобы дестабилизировать Хронолит, пытающийся занять свое место. В чем суть процесса, я

так и не смог понять. Сью говорила, что взаимодействие конкурирующих тау-пространств будет яростным, но не «слишком энергичным», то есть не сотрет с лица земли весь округ Модести и нас вместе с ним. Наверное.

К заходу солнца ядро зафиксировали на месте и подключили к электронике с помощью связки световодов и проводников, погруженных в жидкий азот. Предстояло еще многое сделать, но подъемные и земляные работы, по сути, закончились. Гражданские отпраздновали это стейками на гриле и щедрыми возлияниями бутылочного пива. Компания старых инженеров после ужина устроилась на обочине дороги поговорить о лучших временах и спеть старые песенки Люкса Эбен (к большому огорчению армейской молодежи). Я подпевал на припевах.

Той же ночью мы понесли первые потери.

Ограждение, конечно, закрыло нас от той двухполосной дороги, что вела сюда, но по ней время от времени все еще проезжали машины. Солдаты в оранжевых жилетах, изображая дорожных рабочих, стояли вдоль обочины с горящими факелами и махали тем, кто проявлял повышенное любопытство к нашим грузовикам и механизмам. До сих пор эта стратегия неплохо работала.

Однако вскоре после восхода луны человек в медно-зеленом ландо, заглушив мотор и погасив фары, тихо скатился с северной стороны к краю шоссе, затаившись не далее чем в пятидесяти футах от головной машины, в тени, куда не долетал свет лагеря.

Он вышел на обочину дороги спиной к двум приближавшимся караульным, а когда обернулся, то держал в руках что-то бесформенное и тяжелое, оказавшееся древним помповым ружьем. Он развернулся и выстрелил, убив одного солдата и ослепив второго.

К счастью, начальником охраны в ту ночь была умная и опытная женщина по имени Мэрибет Перлштейн, которая заметила инцидент с наблюдательного пункта в пятидесяти футах выше по дороге. Через считаные секунды она обогнула ближайший грузовик с винтовкой наготове и уложила нападавшего одним точным выстрелом.

Тот оказался чокнутым медноголовым, хорошо известным местной полиции. Машина окружного коронера подъехала через два часа и забрала тела; раненого отвезли на скорой в медицинский центр округа Модести. Подозреваю, обернись все иначе, нам грозило бы следствие.

Чего я тогда еще не знал…

То есть, о чем я узнал позже…

Простите, ну их, эти глупые и бессильные слова.

Вы сможете расслышать ее, перемолотую в печатную страницу, эту ярость, вырвавшуюся из давно похороненного прошлого?

Чего я не знал тогда — так это того, что несколько техасских ополченцев — тех, о которых рассказывал мне Хитч, тех самых, что отрезали ему два пальца, — уже отследили засекреченные связи и вышли на дом Уитмена Делаханта.

Оказалось, Уит держал своих коллег в курсе моих передвижений с тех пор, как я ездил за Кейтлин в Портильо. Уже тогда элита куанистов и медноголовых проявляла интерес к Сью Чопра, как к серьезному противнику или, что еще хуже, как к товару, потенциальному ресурсу.

Не думаю, что Уит предвидел последствия своих поступков. Он, в конце концов, всего лишь обменивался интересной информацией с приятелями-медноголовыми (которые делились ею со своими друзьями и так далее, по цепочке от вселенной благополучных пригородов до воинствующего подполья). В мире Уита последствия всегда были где-то далеко, а награды доставались немедленно, иначе какие же это награды? В том,

что Уит Делахант симпатизировал медноголовым, не было ничего от настоящей политики. Для него это было чем-то вроде клубов «Ротари» или «Киванис»[32], взносы в которые можно было оплачивать информацией. Сомневаюсь, что он когда-нибудь действительно верил в реально существующего Куана. Появись тот перед ним, Уит был бы ошарашен, как воскресный христианин, столкнувшийся на улице с Галилейским плотником. Однако это, поспешу добавить, не оправдание.

Но я уверен, Уит никогда не предполагал, что эти молодчики из Техаса постучат в его дверь посреди ночи, войдут, как к себе домой (ведь он был одним из них) и под дулом пистолета вытрясут адрес нашей с Эшли квартиры.

Дженис тоже была там и все видела. Она пыталась убедить Уита не отвечать на вопросы, а когда он ее проигнорировал, хотела вызвать полицию. Эта неудачная попытка стоила ей удара пистолетом, а в результате — сломанной челюсти и ключицы. Уверен, их обоих убили бы, если бы

---

[32] Примечания: 32

Названия «джентльменских клубов», позиционирующих себя как нерелигиозные и неполитические благотворительные организации, открытые для всех стран, вне зависимости от национальной и расовой принадлежности, вероисповедания и политических взглядов.

не обещание Уита держать Дженис под контролем (он ничего не выигрывал, сообщая обо всем этом, и наверняка убеждал себя, что не может их остановить) и если бы не его потенциальная польза для движения.

Чего ни Уит, ни Дженис не могли знать, так это того, что у одного из этих типов есть свой давний личный интерес к Сью Чопра и Хитчу Пэйли — и это был, конечно, Адам Миллс. Он вернулся в родной город в приступе антиностальгии, в восторге от того, что нить его жизни привела его обратно таким странным и приятным образом. Полагаю, у него появилось ощущение судьбы, чувство собственной значимости.

Если бы он знал эту фразу, то мог бы считать, что находится «глубоко в тау-турбулентности». Адам лишился двух пальцев — отморозил их в Портильо, не случайно те же пальцы он потом отрубил своим мачете Хитчу — он почувствовал, что имеет на это право, словно был помазан самим Куаном.

Слава Богу, пока все это происходило, Кейт спала в своей комнате над гаражом. Был шумно, но она не проснулась. Ее не впутали.

По крайней мере, пока.

Не сумев уснуть после дорожной перестрелки,

я немного прогулялся с Рэем Моузли по загроможденной площадке между опорой ядра и квонсетами.

Большая часть народа наконец-то угомонилась, и в тишине раздавался лишь приглушенный гул генераторов. В сущности, наконец можно было услышать тишину — ощутить, насколько глубокой и могущественной она была там, куда не простирается власть света.

Мы никогда не были близки с Рэем, но во время этой поездки немного сблизились. Когда я в первый раз его увидел, он показался мне эдаким книжным червем, неуверенным в себе заучкой, которого ничто так сильно не пугает, как собственная уязвимость. От этого он становился раздраженным и словно все время защищался. Таким он и оставался. Но, достигнув среднего возраста и гораздо лучше разбираясь в собственных недостатках, он все-таки оставался продуктом многолетнего навязчивого отрицания.

— Ты беспокоишься о Сью, — сказал он.

Я не был уверен, что об этом стоит говорить. Но мы были одни, далеко от чужих ушей. Вокруг никого, кроме меня, Рэя и зайцев.

— У нее явно стресс. И она с этим плохо справляется.

— А ты бы на ее месте справился?

— Скорее всего, нет. Меня беспокоит то, как она разговаривает. Ты понимаешь, о чем я. Это выглядит уже навязчиво. И начинаешь задаваться вопросом…

— В порядке ли у нее с головой?

— Насколько безупречна логика, которая привела нас сюда.

Рэй, казалось, уже думал об этом. Он сунул руки в карманы и печально улыбнулся.

— Ты можешь поверить математике.

— Меня не волнует математика. Мы здесь не ради *математики*, Рэй. Мы уже давно вышли за пределы строгой науки.

— То есть, ты не доверяешь Сью.

— А что это значит? Верю ли я в ее честность? Да. Думаю ли я, что у нее благие намерения? Разумеется, у нее благие намерения. Но доверяю ли ее мнению? Сейчас уже не уверен.

— Ты согласился поехать с нами.

— Она умеет убеждать.

Рэй замолчал и взглянул во тьму, мимо тауядра в стальном каркасе, окидывая взглядом кустарники, заросли бурьяна, залитые лунным светом, и звезды.

— Подумай о том, от чего она отказалась, Скотт.

Подумай, какая у нее могла быть жизнь. Она могла быть любимой, — он едва заметно улыбнулся. — Знаю, мои чувства к ней очевидны. И знаю, как это смешно. Как это глупо. Гребаный клоун. Она даже не натуралка. Пусть не я, но с ней мог быть кто-то другой. Одна из тех женщин, с которыми она встречалась, не придавая им особого значения, разрезая и склеивая собственную жизнь, как запасную катушку кинопленки. Но она отталкивала этих людей, потому что работа была важнее, и чем упорнее она трудилась, тем важнее становилась работа, теперь она *полностью* отдалась ей, без остатка. Каждый ее шаг вел сюда. Сейчас, думаю, даже самой Сью интересно, насколько все это реально.

— Поэтому мы должны принимать на веру все, что она говорит?

— Нет, — сказал Рэй. — Мы должны ей намного, намного больше — быть преданными.

Предпочитая, как всегда, оставлять за собой последнее слово, он тут же развернулся и отправился обратно в лагерь.

Я молча стоял между луной и прожекторами. С такого расстояния тау-ядро казалось чем-то крошечным. Очень маленькая вещь, которая приведет к такому большому результату, став-

шая рычагом серьезных изменений.

Спал я крепко и долго. Проснулся в полдень под полупрозрачной крышей надувного квонсета, совсем один, если не считать пары сменившихся охранников и измученной ночной бригады.

Никто не догадался меня разбудить. Все были слишком заняты.

Я шагнул из тени барака на раскаленное солнце. Небо было агрессивно ярким, тонкая голубая прослойка между солнцем и прерией. Но гораздо больше меня удивил шум. Если вам случалось бывать рядом со стадионом в день матча, вы узнали бы его — гул огромной людской толпы.

Хитча Пэйли я нашел в продовольственной палатке.

— Прессы намного больше, чем мы рассчитывали, Скотти, — сказал он. — Там целая толпа перекрыла дорогу. Дорожный патруль пытается согнать их с асфальта. Ты знаешь, что нас уже осудили в Конгрессе? Прикрывают свои задницы на случай, если у нас не получится.

— Думаешь, у нас есть шанс?

— Может быть. Если нам дадут время.

Но давать его нам никто не собирался. На грузовиках прибывало ополчение куанистов, и следующим утром началось настоящее сраже-

ние.

Глава двадцать четвертая

Я знаю, чем пахнет будущее.

Будущее словно бы накладывается на прошлое, они смешиваются как два безвредных вещества, но из их сочетания получается яд. Будущее пахнет солончаковой пылью и озоном, горячим металлом и ледником. И сильнее всего — порохом.

Ночь прошла относительно спокойно. Сегодня, в день прибытия, меня вырвали из тревожного сна звуки одиночных выстрелов — не настолько близко, чтобы тут же впасть в панику, но достаточно, чтобы побыстрее одеться.

Хитч снова сидел в продовольственной палатке, беззаботно жевал холодную тушеную фасоль из бумажной тарелки.

— Сядь, — сказал он. — Все под контролем.

— Не похоже.

Он потянулся и зевнул.

— Просто кучка куанистов, подобравшихся с юга, перекинулась парой слов с охраной. Кое-кто вооружен, но все, чего они хотят, это пострелять в воздух и потрясти кулаками. В основном это зрители. Еще есть журналисты, их примерно столько же, они тоже пытаются прорваться за ограду.

Военные их сортируют. Сью хочет подпустить их поближе к месту прибытия, но, ты понимаешь, не слишком близко.

— А где начинается слишком близко?

— Интересный вопрос, да? «Ботаники» с инженерами набились в бункер. Пресса устраивается подальше на восток.

Так называемый бункер представлял собой траншею с деревянной крышей, расположенную примерно в миле от ядра. Здесь Сью разместила аппаратуру для отслеживания и запуска тау-процесса. Траншею оборудовали обогревателями, чтобы хоть как-то уберечься от термального удара, а также обеспечили защиту от пуль — при худшем раскладе.

Само ядро оставалось почти неприемлемо уязвимым, но военные пообещали защищать его до тех пор, пока смогут удерживать периметр. Хорошей новостью было то, что все это сборище отбросов на дороге не представляло (по словам Хитча) серьезной опасности.

— Мы можем все это провернуть, Скотти, — добавил он. — Нужно чуток везения.

— Как Сью?

— Я видел ее только на рассвете, но… Как она? На взводе, вот как. Не удивлюсь, если с ней слу-

чится удар, — он странно на меня посмотрел. — Скажи мне одну вещь. Ты хорошо ее знаешь?

— Мы знакомы с тех пор, как я был ее студентом.

— Да, но насколько хорошо ты ее знаешь? Я долго на нее работаю, но не могу этим похвастать. Она говорит только о своей работе и больше ни о чем, по крайней мере со мной. Ей бывает одиноко или страшно, злится ли она?

Это был совершенно неуместный, на мой взгляд, разговор, особенно на фоне ружейной стрельбы, долетавшей с дороги.

— К чему ты клонишь?

— Мы ничего не знаем о ней, но вот торчим тут и выполняем ее распоряжения. Поразительно, если вдуматься.

Меня это тоже поразило, по крайней мере в тот момент. Что я здесь делаю? Ничего полезного, разве что рискую своей жизнью. Но Сью бы так не сказала. «Ты ждешь своего часа, — сказала бы она. — Ждешь турбулентности».

Мне вспомнилось, как в Миннеаполисе Хитч в своей прямой манере признался, что убивал людей.

— Насколько хорошо мы сами друг друга знаем?

— А сегодня попрохладнее, — бросил Хитч. — Даже на солнце. Ты заметил?

За несколько дней до этого Адам Миллс заявился на порог своей матери с пятью приятелями-отморозками и арсеналом спрятанного оружия.

Я не буду задерживаться на этом.

Адам, конечно, был психом. В смысле, клиническим психопатом. Все на это указывало. Это был антисоциальный тип, хулиган и, в некоем извращенном смысле, прирожденный лидер. Его внутренний мир напоминал чердак, захламленный подержанными идеями и дикими фантазиями, которые вертелись вокруг Куана или того, как он его себе представлял. У него никогда не возникало обычной человеческой привязанности к семье или к друзьям. По всем признакам, у него не было ни капли совести.

Когда Эшли бывала не в духе, она винила себя в том, каким стал Адам, но виновата в этом была биохимия его мозга, а не воспитание. Профиль его ДНК и несколько простых анализов крови помогли бы обнаружить проблему еще в детстве. Ему даже можно было помочь в какой-то степени. Но это слишком дорогая терапия, а у Эшли никогда не было таких денег.

Не могу, да и не хочу представлять, что она

перенесла за эти несколько часов, проведенных с Адамом. В конце концов, она все-таки назвала место прибытия в Вайоминге и сообщила, что я там вместе с Хитчем Пэйли и Сью Чопра, а самое главное — что мы собираемся разрушить Хронолит.

Ее нельзя винить.

В результате еще за двое суток до того, как новости дошли до прессы, у Адама уже была достоверная информация о камне Куана и наших планах по его уничтожению.

Адам немедленно рванул на запад, но оставил двоих подручных, чтобы не дать Эшли возможности кого-нибудь предупредить. Он мог бы просто убить ее, но решил оставить про запас, может быть, как заложницу.

Но не это было самым ужасным.

Самое ужасное, что Кейтлин пришла к ней в гости вскоре после ухода Адама, еще не зная о том, что произошло с Дженис, и рассчитывая неторопливо пообедать с Эшли и, может быть, посмотреть вечером кино.

После Иерусалима и Портильо статистические данные о понижении уровня радиации были уточнены. Команде Сью удалось гораздо более точно определить время нового прибытия. Но нам не нужен был никакой обратный отсчет,

чтобы чувствовать приближение часа «Х».

А вот какая была обстановка, когда минут за двадцать до активации ядра я выбрался из бункера глотнуть свежего воздуха.

К югу вдоль шоссе стрельба участилась, по всему периметру тут и там раздавались отдельные выстрелы. До сих пор полицейским удавалось сдерживать куанистов — после штурма здания парламента многие в Вайоминге были настроены против них, и не в последнюю очередь государственные служащие и полиция. Один солдат был ранен ополченцем из «Омеги», пытавшимся протаранить забор на вездеходе, и четырех куанистов неизвестной принадлежности застрелили во второй половине дня при попытке штурмовать северный блокпост. С тех пор все ограничивалось потрясанием рук и редкими арестами, хотя толпа постоянно росла.

Сью позволила журналистам разместить записывающую аппаратуру позади бункера, и со своего места я мог видеть ряд грузовиков и штативов длиной с футбольное поле. Десятки репортеров, по большей части перенаправленных сюда из Шайенна, представляли все крупные новостные компании и множество авторитетных независимых каналов. Но как бы много ни

было людей, они терялись на фоне необъятных бурых просторов. Вторая группа независимых журналистов расположилась на утесе над местом посадки, чуть ближе, чем хотелось бы Сью, но наш спец по медиасвязям назвал этих парней «очень целеустремленными и настойчивыми» — то есть упрямыми и тупыми. Я мог разглядеть их камеры, торчащие над краем скалы.

Многие наши механики и рабочие уже покинули площадку. Гражданские инженеры и научная группа либо набились в бункер, либо наблюдали из-за спин журналистов.

Тау-ядро было подвешено в своем стальном каркасе над бетонной площадкой, будто здоровенное черное яйцо. Рядом в облаке пыли промчался Хитч Пэйли, перегонявший последний фургон нашего конвоя по грунтовой подъездной дороге от шоссе, чтобы припарковать его рядом с бункером. Все машины были специально утеплены.

Стал ощущаться и тау-холод, воздух остывал в преддверии прибытия — и не только воздух, а все вокруг: и земля, и плоть, и кровь, и кости. Температура упала всего лишь на несколько градусов по Цельсию. Термальный удар только начинал подбираться, но уже ощущался в легком покалывании кожи. Я достал телефон и еще раз

попытался дозвониться Эшли. Вызов не проходил, как и все звонки уже почти неделю. Иногда поступало сообщение об ошибке связи, иногда (как сейчас) был только пустой экран и шорох помех. Я убрал трубку.

Меня удивило, когда стальная дверь бункера открылась и следом за мной вышла Сью Чопра. Лицо бледное, ее знобило. Она прикрыла глаза от солнца.

— Разве ты не должна быть внизу? — спросил я.

— Там теперь все как часы, — ответила она. — Работает само.

Она споткнулась о корень мескитового дерева, и я подхватил ее под руку. Рука была ледяной.

— Скотти, — произнесла Сью, словно только что меня заметила.

— Сделай глубокий вдох, — велел я. — С тобой все в порядке?

— Просто устала. И не ела, — она недоуменно покачала головой. — Вопрос, который не отпускает… что привело меня сюда? Или это я *сама* себя привела? Вот это и странно с тау-турбулентностью. Она творит нашу судьбу. Но это судьба без бога. Судьба, которой никто не управляет.

— Разве что Куан.

Она нахмурилась:

— О нет, Скотти. Не говори так.

— Теперь уже недолго ждать. Как там внизу?

— Как я и сказала. Как часы. Хорошие, солидные цифры. Ты прав, мне нужно вернуться, а ты пойдешь со мной?

— Зачем?

— Затем что здесь на самом деле довольно высокий уровень ионизирующей радиации. Словно делаешь рентген грудной клетки каждые двадцать минут.

И вдруг она улыбнулась:

— А главное затем, что меня успокаивает твое присутствие.

Это была довольно веская причина, и я бы пошел с ней, но тут мы почувствовали удар далекого взрыва. Снова вспыхнула стрельба, намного ближе, чем должна была бы.

Сью инстинктивно упала на колени. А я, как идиот, остался стоять. Стрельба началась с редкого стаккато, но почти сразу усилилась до непрерывных залпов. Забор и главные ворота были в нескольких ярдах позади нас. Я оглянулся и увидел военных, которые бегут в укрытие, вскидывая автоматы, но откуда шла стрельба, сразу трудно было понять.

Глаза Сью были прикованы к утесу. Я проследил за ее взглядом.

От наблюдательного пункта военных, расположенного там, поднимались тонкие струйки дыма.

– *Журналисты*, — прошептала Сью.

Конечно, они не были журналистами. Это были куанисты — достаточно сообразительные, чтобы захватить грузовик прессы за пределами Модести Крик, и достаточно смышленые, чтобы правдоподобно изобразить из себя представителей медиа у ворот. (Пятерых настоящих газетчиков нашли, избитыми и задушенными, в двадцати милях ниже по дороге, в зарослях чамисы.) Дюжину менее презентабельных типов на машинах без опознавательных знаков протащили внутрь под видом технического персонала, а оружие благополучно спрятали среди ящиков с объективами, камерами и аппаратурой для трансляции.

Они устроились на утесе, откуда открывался вид на тау-ядро, рядом с наблюдательными постами военных… Когда они увидели, что Хитч подгоняет последний грузовик, то поняли, что прибытие вот-вот состоится. Они взорвали армейский аванпост, перестреляли выживших солдат, а потом переключились на тау-ядро.

Я разглядел едва заметные на фоне голубого неба облачка от ружейных выстрелов. Для точных попаданий было далековато, но пули, отрекошечивая от стального каркаса, высекали искры. За нашими спинами охрана у ворот открыла ответный огонь и вызывала по рации подкрепление. К сожалению, основные силы были сосредоточены у южных ворот, где толпа куанистов открыла прицельную стрельбу.

Я запоздало шлепнулся на землю рядом со Сью.

— Ядро надежно защищено…

— Ядро, по-моему, да, но кабели и разъемы легко можно повредить. *Аппаратура*, Скотти!

Она вскочила и помчалась в бункер. Мне ничего не оставалось, кроме как побежать за ней, но сначала я махнул Хитчу, который только что появился и, должно быть, перепутал выстрелы с утеса и пальбу на юге. Но едва завидев Сью, несущуюся очертя голову, он понял всю серьезность положения.

Внезапно в воздухе резко похолодало, порывы ветра взмывали над сухой прерией, и пыльные смерчи, словно паломники, двинулись к самому сердцу тау-события.

По мере нарастания термального шока даже в утепленном бункере стало холоднее, чем пред-

полагала Сью. Немели конечности, стыла кровь, ужас происходящего воспринимался со странной тягучей вялостью. Мы все натянули термоадаптивные куртки и головные уборы, пока Хитч закрывал герметичную входную дверь.

Процесс запуска тау-ядра протекал с точностью часового механизма, и, подобно часовому механизму, ядро сейчас было невосприимчиво к внешнему вмешательству. Техники, сжав кулаки, сидели перед мониторами, им ничего не оставалось, как молиться, чтобы шальная пуля не прервала подачу данных.

Я видел подключенные к ядру разъемы и кабели в тефлоновой изоляции и оболочке из кевлара толщиной с пожарный шланг. Не думаю, что обычные пули, выпущенные с большого расстояния, представляли для них угрозу, несмотря на опасения Сью.

Но ополченцы привезли не только ружья.

Табло обратного отсчета показывало пятиминутную готовность, когда раздался грохот далекого взрыва. С дощатого потолка полетела пыль, свет в бункере погас.

— Попали в генератор, — услышал я голос Хитча.

А кто-то другой взвыл:

— Нас поимели!

Я не видел Сью — я вообще ничего не видел. Непроглядная тьма. И около сорока человек, набившихся в укрепленный бункер.

Резервный генератор явно не справлялся. Запасные батареи восстановили подсветку электроники, но на большее их не хватило. Сорок человек в темном замкнутом пространстве. Я мысленно представил себе выход, стальную дверь наверху бетонной лестницы, примерно в ярде от того места, где я стоял, зафиксировал направление.

А затем… случилось.

Хронолит врезался глубоко в горную породу.

Хронолит поглощает материю, не вытесняя ее; но из-за термального шока пошли трещинами глубоко скрытые водяные жилы, вызвав ударную волну, которая прокатилась под землей. Пол словно подняло и бросило вниз. Все, кто не держался за поручни, упали на пол. Казалось, все начали кричать. Это был ужасный звук, намного страшнее, чем физические страдания.

Холод все усиливался. Мои пальцы онемели.

Один из инженеров запаниковал и бросился к выходу. Думаю, единственное, чего ему хотелось, это выбраться на свет — и хотелось так сильно,

что желание победило рассудок. Я стоял достаточно близко, чтобы разглядеть этого человека в тусклом свете консолей. Он нащупал ступеньки, рванулся вверх на четвереньках, коснулся дверной ручки. Та, должно быть, стала чудовищно холодной — он даже закричал, навалившись на нее всем весом. Ручка судорожно дернулась, и дверь распахнулась наружу.

Неба не было вообще — его заслонила сплошная пелена пыли.

Инженер, шатаясь, шагнул за порог. Ветер, песок и осколки льда ворвались в бункер. Ожидала ли Сью, что прибытие будет настолько яростным? Наверное, нет — журналистов, которые расположились к востоку от нас, должно быть, разбросало по грязной земле. И я не сомневался, что никто больше не стреляет с утеса, потому что уже некому.

Термальный удар достиг своего пика, но наши тела продолжали остывать. Странное ощущение. Холодно, да, кошмарно холодно, но как-то лениво, обманчиво, наркотически. Я чувствовал, что меня бьет озноб даже в сверхзащищенной одежде. От озноба клонило в сон.

— Оставайтесь в бункере! — выкрикнула Сью откуда-то из глубины укрытия. — Здесь вы в без-

опасности! Скотти, *закрой эту дверь*!

Но мало кто из инженеров и техников внял ее совету. Они толпой посыпались мимо меня наружу, под жуткие завывания ветра, бежали — насколько позволял им мороз, словно исполняя спотыкающийся вальс — к рядам припаркованных машин.

Кто-то успел даже забраться внутрь и запустить двигатель. Эти машины были защищены от термального шока, но поршни натужно скрипели внутри цилиндров, и двигатели ревели, как раненые животные. Ураганный ветер бился в ограждение периметра, и гражданская часть нашего сопровождения начала исчезать в пасти шторма.

Западнее нас, где должен был появиться Хронолит, не было видно ничего, кроме стены тумана и пыли.

Я забрался вверх по ступенькам и захлопнул дверь. На ручке остались клочки чужой кожи. И немного моей.

Сью достала несколько припрятанных аккумуляторных ламп и принялась их включать. В бункере осталось человек десять.

Как только стало чуть светлее, Сью поспешила к погасшим экранам телеметрических утройств.

Я, пошатываясь, пересек комнату, чтобы присоединиться, и чуть не упал на нее. Наши руки соприкоснулись, ее кожа была ужасно холодной (как и моя, наверное). Рэй оказался тут же, но глаза у него были закрыты, словно он то и дело выпадал из реальности. Хитч сидел на корточках у двери, по-прежнему не теряя бдительности. Сью склонила голову мне на плечо.

— Не сработало, Скотти, — прошептала она.

— Мы обдумаем это позже.

— Но ведь не сработало. А если это *не сработало*…

— Тише.

Хронолит успешно приземлился. Первый Хронолит на американской земле, и немаленький, судя по побочным эффектам. Сью была права. Мы потерпели неудачу.

— Но Скотти, — сказала она бесконечно усталым и растерянным голосом. — Если это не работает… то что я здесь делаю? *Для чего* я?

Мне показалось, что это риторический вопрос. Но она никогда еще не была настолько серьезной.

Глава двадцать пятая

Надеюсь, в будущем, когда мы сможем подойти к этой истории объективно, кто-нибудь даст эстетическую оценку Хронолитов.

Какой бы отталкивающей ни казалась такая идея, но каждый из этих монументов, пожалуй, являл собой некий образчик искусства — каждый был индивидуален, двух одинаковых не существовало.

Одни из них сделаны грубо, как Куан в Чумпхоне: относительно небольшой, детали не проработаны, напоминает драгоценности, отлитые в песчаной форме; работа новичка. Другие оформлены изящнее (хотя выглядят откровенно заурядно, как произведения соцреализма) и более тщательно продуманы. Например, в Исламабаде или Кейптауне Куан — это добрый великан, мужественный и дружелюбный.

Но самые узнаваемые — Хронолиты-монстры, разрушители городов. Куан Бангкока, оседлавший бурые воды Чаупхраи; облаченный в мантию Куан Бомбея; строгий, почтенный Куан Иерусалима, словно воплощение всех мировых религий, взирающий на религиозные реликвии,

усеивающие землю у его ног.

Куан Вайоминга превзошел всех. Сью правильно оценивала значение этого монумента. Первый американский Хронолит, провозглашение победы в сердце крупной западной державы. И если его появление в сельской глуши было знаком уважения к великим американским городам, то все равно это был вызывающий и недвусмысленный символ.

Термальный удар наконец стал ослабевать. Мы стряхивали оцепенение и начинали понемногу осознавать, что произошло и в чем мы потерпели неудачу.

Хитч, что характерно, первым подумал о практической стороне — о том, как остаться в живых.

— Подъем, — хрипло сказал он. — Надо убираться подальше отсюда, пока куанисты не пришли за нами, а ждать осталось недолго. Нам нельзя выезжать на главную дорогу. Сью колебалась, ее взгляд остановился на аппаратуре, запитанной от аккумуляторов, установленной вдоль стены бункера. Приборы хаотично мигали, ожидая входных данных.

— Ты тоже, — велел Хитч.

— Это может быть важно, — ответила она. — Ненормально высокие показатели.

— К черту показатели, — подталкивал он нас, спотыкающихся, к двери.

Сью застонала, увидев Хронолит, подпирающий небо. Рэй вышел следом за ней, я следовал за Хитчем. Один из немногих оставшихся инженеров, седой мужчина по фамилии МакГрудер, выйдя из бункера, тут же упал на колени в порыве искреннего, непроизвольного благоговения.

Куан был… ну, он просто не поддавался описанию.

Он был грандиозен и прекрасен. Он был выше самого высокого ориентира в округе — каменистого утеса, на который пробрались диверсанты. От тау-ядра и окружавших его конструкций, конечно, и следа не осталось. Ледяной панцирь Хронолита уже таял — воздух вокруг был не таким уж и влажным — и детали монумента проступали сквозь окутывавший его туман. Подернутый облаком, Хронолит выглядел как величественный колосс высотой с гору. Под таким углом мы не могли четко рассмотреть выражение лица Куана, но в нем угадывалось напыщенное самодовольство, безмятежная уверенность завоевателя.

Кристаллы льда таяли и осыпались вокруг нас нежной холодной мглой. Ветер хаотично менял-

ся, обрушивая то тепло, то холод.

Основные силы куанистов скопились южнее. Многие из них были в отключке из-за термального шока, но ограждение было вынесено на несколько миль от места прибытия, и, судя по возобновившемуся треску выстрелов, остальные были вполне живы, чтобы перетянуть внимание военных. Солдаты, оказавшиеся рядом с нами, выдержали удар благодаря термальной одежде, но выглядели дезориентированными и неуверенными — их средства связи вышли из строя, они стягивались к руинам восточных ворот.

От ополченцев, повредивших тау-ядро, не осталось и следа.

Инженерам и техникам, которые выбирались из бункера, Рэй посоветовал примкнуть к военным. Журналисты, тоже пережидавшие в укрытии, поступили по-своему: они расселись по своим пуленепробиваемым фургонам и умчались, перемахнув через рухнувшее заграждение. Они заполучили и, можно не сомневаться, уже отдали в эфир потрясающие кадры — огромного нового Куана из Вайоминга. Наш провал стал официальным фактом.

— Помоги усадить Сью в машину, — попросил меня Рэй.

Она уже перестала плакать, но не могла оторвать взгляд от Хронолита. Моузли стоял рядом, поддерживая ее.

— Все это неправильно… — прошептала она.

— Конечно, неправильно. Давай, Сью. Нужно уезжать. Она стряхнула руку Рэя:

— Нет, я имею в виду, он неправильный. Слишком высокие показатели. Мне нужен секстант. И карта. В фургоне есть топографическая, но… *Хитч*!

Тот обернулся.

— Мне нужен секстант! Попроси у инженеров!

— Какого хрена? — сказал Хитч.

– *Секстант!*

Хитч велел Рэю заводить фургон, а сам побежал за электронным секстантом и штативом к топографам. Сью, не обращая внимания на порывы ветра, настроила прибор и стала набрасывать цифры в блокноте. Рэй произнес спокойно, но твердо:

— Думаю, это уже не важно.

— О чем ты?

— Об измерениях.

— Я делаю это не ради развлечения, — живо ответила она. Но едва она попыталась сложить штатив, как потеряла сознание и упала на руки

Рэю, мы отнесли ее в фургон.

Я поднял ее блокнот из заледенелой грязи.

Хитч сел за руль, а мы подложили под голову Сью подушку и укрыли ее одеялом. Военные попытались остановить нас. Вооруженный охранник с нервным выражением лица сунулся в окно машины и уставился на Хитча.

— Сэр, я не могу гарантировать вашу безопасность…

— Да, я знаю, — ответил тот и запустил двигатель.

Нам будет безопаснее — главное, Сью будет безопаснее — подальше отсюда. Хитч поехал напрямик через равнину по одной из проселочных дорог. Здесь было много таких уезженных троп, которые упирались в разоренные ранчо или сухие поилки для скота. Не особо обнадеживающая дорога к отступлению. Но Хитч всегда предпочитал проселки.

Несмотря на тщательную защиту от холода, наш двигатель пострадал из-за термального шока. Ближе к ночи фургон дернулся и заглох, впереди неподалеку виднелся шлакобетонный сарай с жестяной крышей. Мы решили остановиться здесь не потому, что здание выглядело привлекательным — уже много лет дожди зали-

вали пустые окна, поколения полевых мышей устраивали внутри свои гнезда — а потому, что тут можно было скрыться из поля зрения и спрятать машину. По крайней мере, на несколько миль мы оторвались.

Солнце уже пряталось за отдалившейся, но все также господствующей над пейзажем фигурой Куана, свежий ветер ерошил траву, и нам ничего не оставалось, как устроиться в салоне и попытаться уснуть. Особо стараться нам не пришлось. Все смертельно устали. Даже Сью заснула, хотя в машине она быстро оправилась от обморока и всю дорогу была начеку.

Она проспала всю ночь и проснулась уже на рассвете.

Утром Хитч открыл моторное отделение и начал проверять внутренности автомобиля. Рэй Моузли поморгал, разбуженный шумом, и снова провалился в сон.

А я проснулся от голода и, так и оставшись голодным (у нас был только аварийный паек), мимо облупившейся стены сарая прошелся до пастбища, где Сью вновь достала секстант и установила его на штатив. Геодезический прибор был направлен на далекий Хронолит. Сью разложила у ног топографическую карту, прижав углы кам-

нями. Порывистый ветер ерошил ее вьющиеся волосы. В грязной одежде и заляпанных очках, она, как ни удивительно, при виде меня улыбнулась.

— Доброе утро, Скотти, — сказала она.

Ледяная колонна Хронолита вырисовывалась в туманной дымке горизонта. Он притягивал взгляд, как любая неуместная и отвратительная вещь. Куан Вайоминга взирал со своего пьедестала на восток, почти прямо на нас.

«Будто стрела, нацеленная в нас», — подумал я и спросил, стараясь не выдать свою иронию:

— Разузнала что-нибудь?

— Предостаточно, — она повернулась ко мне со странной улыбкой… Счастливо-печальной. Ее огромные глаза увлажнились. — Очень много разузнала. *Даже слишком*.

— Сью…

— Нет, не надо банальностей. Могу ли я задать вопрос?

Я пожал плечами.

— Если бы ты собирался отправиться в будущее, Скотти, что бы ты взял с собой?

— Что бы я взял? Не знаю. А ты?

— Я бы взяла… тайну. Ты умеешь хранить тайны?

Вопрос меня встревожил. Такие вопросы задавала мне мать, когда на нее накатывало безумие. Она нависала надо мной, как зловещий призрак, и спрашивала: «Ты умеешь хранить тайны, Скотти?»

Тайны, все как одна, сводились к ее параноидальным открытиям: что кошки могут читать ее мысли; что мой отец самозванец; что правительство пытается ее отравить.

— Да ладно тебе, Скотти, — сказала Сью. — Не смотри на меня так.

— Если ты мне расскажешь, — сказал я, — это уже не будет тайной.

— И то верно. Но я должна кому-то рассказать. Рэю не могу, он в меня влюблен. И Хитчу не могу, он вообще никого не любит.

— Звучит загадочно.

— Да. Я ничего не могу поделать, — она взглянула на далекий голубой столп Куана. — У нас не так много времени.

— Времени для чего?

— Я имею в виду, он здесь ненадолго. Хронолит. Он не стабилен. Слишком большая масса. Взгляни на него, Скотти. Видишь, как он дрожит?

— Это тепло, поднимающееся над прерией. Оптическая иллюзия.

— Отчасти. Но не только. Я перепроверяла данные несколько раз. Показатели, которые зафиксировала в бункере. *Те самые* цифры, — она показала блокнот. — Я примерно вычислила его высоту и радиус. Даже по самым осторожным оценкам, он превышает допустимые пределы.

— Пределы?

— Помнишь, если у Хронолита слишком большая масса, он нестабилен. Опубликуй я все-таки свою работу, назвали бы это Пределом Чопра, — ее странная улыбка поблекла, и она отвернулась. — Может быть, я слишком тщеславна для той работы, которую должна выполнить. Но я не могу этого допустить. Придется быть скромной, Скотти. Иначе, видит Бог, меня заставят быть скромной.

— Значит, ты думаешь, что Хронолит саморазрушится?

— Да. В течение дня.

— Это вряд ли останется в тайне.

— Нет, конечно, но причина этого — останется. Предел Чопра — это *моя* работа. Я никому о ней не рассказывала, и сомневаюсь, что кто-то еще проводил тригонометрические измерения. Куан не продержится до точных замеров.

Я начал нервничать.

— Сью, даже если так и произойдет, люди узнают…

— Узнают *что*? Все, что будет известно: Хронолит был уничтожен, и мы находились здесь, пытаясь его уничтожить. Все придут к очевидному выводу. Что нам это удалось, пусть и с небольшим запозданием. А правду мы будет хранить в тайне.

— Почему в тайне?

— Потому что я не должна ничего рассказывать, Скотти, и ты тоже не должен. Нам придется хранить этот секрет, по крайней мере, еще двадцать лет и три месяца, иначе это не сработает.

— Черт возьми, Сью… *что* не сработает?

Она моргнула.

— Бедный Скотти, ты запутался. Я тебе сейчас объясню.

Я не мог уследить за всеми нюансами ее объяснения, но вот что понял.

Мы не потерпели поражение.

Многие медийщики продолжают передавать репортажи с места прибытия, они же и станут свидетелями — в ближайшие часы, если не минуты — захватывающего дух краха Хронолита. Эти кадры (как утверждала Сью) разорвут петлю обратной связи и разрушат ореол непобедимости

Куана. Победитель или проигравший, Куан перестанет быть чем-то неизбежным. Понизится до статуса врага.

И весь мир *должен* думать, что это наша заслуга. А Предел Чопра *должен* оставаться в строжайшем секрете…

Дело в том, что Хронолит, Сью была в этом убеждена, не случайно нарушил физический предел стабильности.

Это, заявляла она, очевидное вредительство.

Давай поразмыслим: намеренное вредительство при создании Хронолита. Кто мог это проделать? Ясное дело, свой человек. Ясное дело, тот, кто разбирается в Хронолитах не только в общем, но и знаком с тончайшими нюансами. Тот, кто понимает, что такое физические пределы, и знает, как на них влиять.

— Эта стрела, — проговорила Сью робко, сама пораженная дерзостью своих слов и изрядно напуганная, — эта стрела указывает на меня.

Конечно, это было безумие.

Это была мания величия, самовосхваление и одновременно самоотверженность. Сью возвела себя в ранг Шивы. Создателя и разрушителя.

Но какая-то часть меня надеялась, что это правда.

Думаю, мне хотелось, чтобы эта долгая и разрушительная драма Хронолитов наконец закончилась — не только ради себя, но и ради Эшли, и ради Кейтлин.

Я хотел верить Сью. Всю жизнь я сомневался, и теперь нуждался в том, чтобы верить ей.

Верить в то, что ее безумие каким-то чудом станет пророческим.

Хитч все еще возился с фургоном, когда на подъездной дороге, в облаке серой пыли, показалось двенадцать мотоциклистов. Они двигались со стороны Хронолита.

Едва заметив их, мы со Сью поспешили к сараю. Тем временем Рэй успел предупредить Хитча. Тот оставил блок цилиндров и начал заряжать и раздавать нам пистолеты.

Мне приятно было взять оружие в руки, но оно сразу разонравилось мне, как только я коснулся рукояти — холодной и чуть жирной от смазки. Пистолет напугал меня даже больше, чем вид приближающихся незнакомцев, которые почти наверняка были куанистами, хотя могли оказаться кем угодно. Оружие призвано давать уверенность, но в моем случае оно только подчеркивало, насколько мы уязвимы, как отчаянно одиноки.

Рэй Моузли сунул пистолет за ремень и принялся лихорадочно нажимать кнопки телефона. Но мы уже много дней не могли ни с кем созвониться, и сейчас ему тоже не повезло. Движение выглядело почти рефлекторным и каким-то жалким.

Хитч протянул пистолет Сью, но она убрала руки за спину.

— Нет, спасибо, — сказала она.

— Не глупи.

Уже можно было расслышать шум мотоциклетных двигателей, нашествие саранчи, приближающейся чумы.

— Оставь себе, — произнесла Сью. — Я не знаю, что с ним делать. Еще выстрелю не в того.

Говоря это, она смотрела на меня, и мне почему-то вспомнился Иерусалим и та молодая девушка, которая поблагодарила Сью за несколько мгновений до смерти. В ее глазах и голосе звучала та же загадочная настойчивость.

— Нет времени спорить.

Хитч взял на себя командование. Он был бдителен и сосредоточен, хмурился, словно шахматист, столкнувшийся с опытным противником. В сарае, сложенном из бетонных блоков, имелась одна дверь и три узких окна — удобное место

для защиты, которое могло стать смертельной ловушкой, если противник возьмет верх. Но и в машине было не намного безопаснее.

— Может, они не знают, что мы здесь, — предположил Рэй. — Может, проедут мимо.

— Может, — ответил Хитч. — Но я бы на это не рассчитывал.

Рэй коснулся рукояти своего пистолета. Он переводил взгляд с двери на Хитча и обратно, будто пытался решить какую-то трудную математическую задачу.

— Скотти, — сказала Сью, — я полагаюсь на тебя.

Я не понял, что она имеет в виду.

— Притормаживают, — бросил Хитч.

— Может быть, это не куанисты, — сказал Рэй.

— Они могут быть и монашками на прогулке. Но особо на это не рассчитывайте.

Им негде было укрыться, и это ставило их в невыгодное положение.

Вокруг лежала равнина, заросшая шалфеем. Понимая свою уязвимость, мотоциклисты остановились подальше от сарая, вне досягаемости выстрела.

Наблюдая за происходящим через щель между блоками, которая служила западным окном,

я поймал себя на мысли, насколько это все абсурдно. Погожий, прохладный день, кристально чистое небо. Даже предположительно нестабильный Хронолит на горизонте выглядел прочным и безмятежным. Воздух наполняло тихое чириканье воробьев и стрекот сверчков. И несмотря на все это дюжина вооруженных людей перекрыла дорогу, и нам неоткуда ждать помощи на много миль вокруг.

Один из байкеров снял шлем, встряхнул грязными темно-русыми волосами и лениво зашагал к нам по грунтовой дороге.

И…

— Твою мать, — выдохнул Хитч, — это же Адам Миллс!

Мы были глубоко в тау-турбулентности, могла бы сказать Сью, в том месте, где стрела времени снова и снова поворачивается вокруг своей оси, в том месте, где случайностей не бывает.

— Мы просто хотим забрать леди, — крикнул Адам Миллс с дороги, когда подошел достаточно близко.

У него был резкий и высокий голос. Своеобразная пародия на голос Эшли. Начисто лишенный тепла и нежности.

(«Странная история у нас за плечами, — как-то

сказала Эш. — Твоя сумасшедшая мать. Мой сумасшедший сын».)

— И что же это за леди? — крикнул Хитч в ответ.

— Суламифь Чопра.

— Я тут один.

— Кажется, узнаю голос. Мистер Пэйли, не так ли? О, я уже слышал этот голос. Последний раз, помнится, ты орал от боли.

Хитч не стал отвечать, но я заметил, как он схватился за пальцы — то, что от них осталось, — на левой руке.

— Просто пусть она выйдет к нам, и мы уедем. Слышите меня, мисс Чопра? Мы не причиним вам вреда.

— Стреляй, — прошептал Рэй. — Просто пристрели ублюдка.

— Рэй, если я выстрелю в него, они просто запустят в окно ракету. Конечно, они могут сделать это при любом раскладе.

— Все в порядке, — внезапно совершенно спокойно сказала Сью. — Ничего не нужно. Я пойду.

Хитч и Рэй удивились, чего не скажешь обо мне. Ее замысел начал проясняться.

— Бред какой-то, — отрезал Хитч. — Ты понятия не имеешь… Эти типы — *наемники*. Хуже того, у

них налажены каналы связи с Азией. Они с радостью продадут тебя какому-нибудь будущему Куану. Ты товар, до тех пор пока они заинтересованы в тебе.

— Я знаю, Хитч.

— Дорогостоящий товар, и на то есть причины. Хочешь передать все свои знания какому-то китайскому вояке? Я бы сам тебя пристрелил, если бы знал, что ты это сделаешь.

Сью, по крайней мере внешне, казалась кроткой мученицей со средневековой картины:

— Но это именно то, что я должна сделать.

Хитч отвернулся. Его голова вырисовывалась на фоне окна. Адам Миллс мог бы снять его одним точным выстрелом, приди ему это на ум.

— Сью, *нет*, — с ужасом сказал Рэй.

Воцарилась немая сцена: Хитч с отвисшей челюстью, Рэй на грани паники. Сью бросила на меня быстрый и многозначительный взгляд.

Наша тайна, Скотти. Сохрани нашу тайну.

— Ты серьезно? — спросил Хитч.

— Да, серьезно.

Он отвел пистолет от окна.

Сарай, который стал нашей ловушкой, вероятно, построили во время одного из нефтяных бумов, возможно, чтобы укрывать от дождя гео-

логоразведочное оборудование, хотя не скажешь, что тут часто бывают дожди. Бетонный пол был завален мусором, который намело сквозь открытый дверной проем за пятьдесят, а то и семьдесят пять лет: пылью, песком, сгнившими растениями, иссохшими останками змей и птиц.

Хитч стоял у разрушающейся западной стены, покрытой пятнами сырости. Сью и Рэй застыли рядом в северо-западном углу, а я напротив Хитча у восточной стены.

Несмотря на яркий день, в сарае было сумеречно и немного прохладнее, чем снаружи, среди сухих прерий, но все изменится, как только солнце начнет припекать жестяную крышу. Сквозняки подняли пыль и застаревший запах гнили.

Я помню все это очень отчетливо. И провисшие балки под крышей, и косые солнечные лучи, бьющие сквозь пустое окно, и заросли сухой полыни сразу за дверным проемом, и блестящие капли пота на лбу Хитча Пэйли, когда он наставил пистолет — только для виду — на Сью.

Сью побледнела. На шее у нее пульсировала вена, она продожала молчать.

— Убери свой чертов пистолет, — сказал Рэй.

Рэй, со своей спутанной бородой, одетый в

пропотевшую футболку, напоминал озверевшего профессора средних лет. Его глаза дико сверкали. Но было нечто восхитительное в этом взвинченном акте неповиновения, в свирепом, хотя и недолгом, приступе отваги.

— Я серьезно, — сказал Хитч. — За дверь она не выйдет.

— Я должна пойти, — ответила Сью. — Прости, Рэй, но…

Она успела сделать один единственный шаг, когда Рэй швырнул ее обратно в угол и прижал собственным телом:

— Никто *никуда* не идет!

— Ты собираешься удерживать ее до конца света? — спросил Хитч.

— Опусти пистолет!

— Я не могу этого сделать. Сам понимаешь, что я не могу.

И тогда Рэй поднял свое оружие:

— Перестать угрожать ей или я…

Но на этом терпение Хитча Пэйли лопнуло.

В защиту Хитча я должен сказать, что он знал Адама Миллса. Он знал, что ждет нас там, под безжалостным солнцем. Он не собирался сдавать Сью и, думаю, скорее сам бы погиб, чем сдался.

Он выстрелил Рэю в правое плечо — с такого

близкого расстояния рана была смертельной.

Мне кажется, я слышал, как пуля проходит сквозь тело Рэя и ударяется в каменную стену позади него, издав звук, похожий на удар молотка по граниту. А может быть, это было эхо самого выстрела, оглушительное в этом замкнутом пространстве. Вокруг нас взметнулась пыль. Я просто окаменел, не веря в происходящее.

Снаружи раздался отрывистый лай ответных выстрелов, пуля чиркнула по каменному блоку рядом с западным окном. Сью, внезапно придавленная тяжестью тела Рэя, охнула и оттолкнула его.

— Ох, Рэй! Прости! Прости меня! — шептала она.

Ее глаза наполнились слезами. На стене позади нее и на ее рваной желтой блузке была кровь.

Рэй не дышал. Его сердце остановилось — то ли от пули, то ли от болевого шока. Кровавая пена застыла у него на губах.

Много лет он безнадежно и самоотверженно любил Сью. Но едва Сью переступила его неподвижные ноги, назад она больше не оглянулась.

Она шла к двери, пошатываясь, но не падая.

В воздухе разило кровью и порохом. Снаружи что-то кричал Адам Миллс, но из-за звона в ушах

я не мог разобрать ни слова.

Куан Вайоминга наблюдал за всем этим с горизонта. Я видел монумент в раме окна позади Хитча — голубой на голубом, дремлющий в нарастающей жаре.

— Стой! — рявкнул Хитч.

Сью вздрогнула при звуке его голоса, но сделала еще один шаг.

— Больше я предупреждать не буду. Ты это знаешь.

И тут я услышал собственный голос:

— Нет, Хитч, отпусти ее.

«Наша тайна», — говорила Сью.

И еще: «*Это перестанет быть тайной, если ты кому-то расскажешь*».

Так почему она поделилась со мной?

Думаю, в тот момент я понял.

Осознавать это было горько и срашно.

Сью отступила еще на один шаг к двери.

В солнечном свете позади нее ласточка вспорхнула из сухой травы и фортепианной нотой замерла в воздухе.

— Не лезь, — велел мне Хитч.

Но теперь я был лучше знаком с оружием, чем в Портильо.

Увидев нацеленный в него пистолет, Хитч только и сказал:

— Долбаный дурдом.

— Она должна это сделать.

Пистолет Хитча был направлен на Сью. Она кивнула мне и тяжело побрела к выходу, словно каждый шаг истощал ее и без того слабые запасы силы и храбрости.

— Спасибо, Скотти, — прошептала она.

— Я выстрелю в тебя, — снова пообещал Хитч. — Стой, где стоишь.

— Нет, — сказал я, — не выстрелишь.

Он зарычал — это был именно рык загнанного в угол зверя:

— Скотти, ты — трусливый ублюдок, я и тебя убью, если придется. Опусти оружие! А тебе, Сью, я сказал — *стоять*.

Сью втянула голову в плечи, будто защищаясь от выстрела, но она уже была в проеме двери. И сделала еще один шаг.

Пару секунд оружие Хитча металось от меня к Сью и обратно. Потом, внезапно решившись, он прицелился ей в спину, в изгиб ее позвоночника, в ее большую поникшую голову.

Он начал… я знаю, как нелепо утверждать, что я это видел, но в оглушительной тишине того

мгновения, в тени яркого благодушного дня, пока все мы балансировали на оси времени, клянусь, я увидел, как его мясистый темный палец начал давить на курок.

Но я был быстрее.

Отдача отбросила мою руку.

Убил ли я Хитча Пэйли?

Я — не объективный свидетель. И даю показания в свою защиту. Но сейчас, на закате своей жизни, могу, наконец, быть честным. У меня больше не осталось тайн.

Пистолет дернулся. По крайней мере, пуля вылетела, а потом…

Потов *все* взлетело в воздух. Кирпичи, раствор, дерево, жесть и пыль веков. Мое собственное тело — словно снаряд. Хитч и труп Рэя Моузли. Рэй, который любил Сью слишком сильно, чтобы позволить ей сделать то, что она должна была сделать; и Хитч, который вообще никого не любил.

Видел ли я сам (спрашивали меня люди) уничтожение Хронолита? Был ли свидетелем огненного коллапса Куана из Вайоминга? Видел ли яркий свет, чувствовал ли жару?

Нет. Но когда вновь открыл глаза, обломки Хронолита уже сыпались с неба, падали вокруг меня. Кусочки размером с гальку, ставшие чем-то

совершенно обычным, оплавлялись в пламени собственного разрушения, превращаясь в синие стеклянные слезы.

Глава двадцать шестая

Из-за огромного выброса энергии, высвобожденной коллапсом Хронолита, ударная волна прокатилась далеко за пределами периметра — скорее ветер, чем жар, но и жаром крепко полыхнуло; скорее жар, чем свет, но и свет вспыхнул так ярко, что можно было ослепнуть.

С блочного сарая сорвало крышу, северная и западная стены рухнули. Меня отбросило в сторону, и я очнулся в нескольких ярдах от руин.

Какое-то время я был дезориентирован, не мог прийти в себя. Первая, о ком я подумал, была Сью, но ее нигде не было видно. Исчез и Адам Миллс вместе со своими байкерами и их мотоциклами, хотя позже я нашел в кустах брошенный «Даймлер» с треснувшим баком и одинокий шлем, потрепанную копию «Пятого Всадника».

Думаю ли я, что Сью сдалась куанистам после взрыва? Да, я так думаю. Ударная волна, скорее всего, не была смертельно опасна на открытом пространстве. Не сама волна, а обвалившиеся стены сарая стали причиной моей контузии и вывиха плеча. Сью находилась в дверном проеме, который устоял.

Я нашел Хитча и Рэя, они были наполовину завалены обломками и уже не дышали.

Несколько часов я потратил на то, чтобы откопать их, действуя единственной уцелевшей рукой, пока не стало понятно, что все мои усилия бесполезны и только выматывают. Тогда я отыскал несколько сухих пайков возле опрокинутого фургона и, давясь, поел, заставив себя хоть что-то оставить на потом.

Я проверил свой телефон, но услышал только гул помех; перекошенное сообщение «нет сигнала» плавало по экрану, словно в мутной волне прилива.

Солнце зашло. Небо окрасилось в цвет индиго, а затем потемнело. На западе, там, где раньше высился Хронолит, ярко полыхали кустарники.

Я развернулся и пошел в другую сторону.

Глава двадцать седьмая

Недавно я посетил два особенных места: Вайомингский кратер и Стартовую площадку в Бока-Ратон. Первое — озеро, осквернённое воспоминаниями, второе — ворота в бескрайнее море.

И я думал…

Но нет, я еще вернусь к этому.

К тому моменту, когда я вернулся в Миннеаполис, Эшли выписали из больницы.

Я и сам лежал в госпитале или, лучше сказать, в маленькой круглосуточной клинике скорой помощи в Пайн-Ридж. Проблуждав три дня по Вайомингским пустошам с травмой головы, я обгорел на солнце, изголодался и настолько ослаб, что не смог даже подняться по лестнице. Левую руку я нес в перевязи.

Эшли повезло меньше.

Конечно, она предупредила меня, но я оказался не готов к тому, что увижу, когда вернусь в квартиру и Эш окликнет меня из спальни.

Следы на ее теле — ожоги и ушибы — были спрятаны под белоснежным постельным бельем. Но я содрогнулся при виде ее лица.

Не хочу перечислять все ее раны. Я напоминал себе, что все заживет, что сойдут кровоподтеки, что разорванная кожа срастется по линии швов и в один прекрасный день она сможет полностью открыть глаза.

Она посмотрела на меня сквозь фиолетовые щелочки век.

— Все так плохо? — спросила она. Нескольких зубов не хватало.

— Эшли, мне так жаль.

Она поцеловала меня своими израненными губами, а я нежно приобнял ее еще не выздоровевшей рукой.

И тут она начала просить прощения. Она переживала, что я не прощу ее за то, что она в конце концов сломалась и выдала Адаму, где меня искать. Бог свидетель, мне самому хотелось просить прощения, что я подверг ее такому риску.

Но я нежно-нежно прижал палец к ее опухшим губам. Зачем усугублять упреками и без того тяжелую ситуацию? Мы выжили. Мы были вместе. Этого достаточно.

Я не знал — выяснил лишь, когда наконец смог связаться с Эшли, — что Торранс не оставил свой наблюдательный пост возле дома.

Адам Миллс догадался, что Моррис — охран-

ник и, чтобы не насторожить его, провел своих людей в дом через черный ход. Моррис позвонил Эшли незадолго до появления Адама, убедился, что она дома, и после этого не заметил никакой подозрительной активности. Он освободился после полуночи и поехал обратно в «Марриотт», чтобы несколько часов поспать. На случай если в это время Эшли понадобится помощь, у нее была тревожная кнопка. Но сигнала Моррис не получал. Утром он снова позвонил Эш, но не смог пробиться дальше заставки экрана. Он немедленно поехал к Эшли, к которой только что пришла Кейтлин, и по дороге безуспешно попытался позвонить еще раз. Уже чувствуя неладное, Моррис набрал Эшли по домофону.

Эшли ответила не сразу, и голос ее звучал невнятно. Моррис соврал, что он из службы доставки бандеролей и она должна расписаться в его ведомости.

Эш, которая наверняка узнала его голос, ответила, что сейчас не сможет подойти к двери, и уточнила, не мог бы он прийти в другой раз.

Он ответил, что мог бы, но на пакете написано «скоропортящееся».

— Не важно, — ответила Эшли.

Тогда Моррис вышел за пределы видимости

камеры, связался с местной полицией, сообщил о нападении и вошел в вестибюль, открыв дверь ключом, который я ему дал. Управляющему домом он назвался (что было и незаконно, и неправда) федеральным агентом и получил универсальный ключ от квартир.

Зная, что полицейских можно дожидаться долго, он решил не тянуть. Поднялся на лифте на наш этаж, еще раз набрал номер домашнего терминала, чтобы зуммер вызова заглушил звук ключа в замке, и вошел в квартиру в пистолетом наготове. Он был, как сам не раз говаривал мне, отставным агентом без практического опыта. Но он проходил подготовку, и навыков своих не растерял.

Кейтлин была заперта в спальне, в стенном шкафу, а Эшли лежала, распластавшись, на диване, куда ее бросили после избиений.

Не раздумывая, Моррис пристрелил мужчину, стоявшего над Эш, и перевел пистолет на второго куаниста, который выходил из кухни.

Услышав выстрел, тот уронил бутылку пива и выхватил оружие. Одним выстрелом он сбил Морриса с ног, но бывший федерал все-таки сумел открыть ответный огонь, укрывшись за обеденным столом. Две пули вошли в голову и

шею противника.

Раненный в ногу — пуля вырвала кусок плоти из бедра, совсем как это произошло со Сью Чопра в Иерусалиме — Моррис сумел тем не менее успокоить Эшли и освободить Кейтлин из шкафа, прежде чем потерял сознание.

Кейт, избитая и изнасилованная, но способная передвигаться сама, до приезда полиции наложила на его рану жгут. Эшли поднялась с дивана и похромала в ванную.

Она намочила водой салфетку и стала смывать кровь с лица Морриса, потом с лица Кейтлин, а затем и со своего.

— Это было безрассудно, — сказал Моррис, когда я пришел к нему в больницу, чтобы поблагодарить его.

— Это было правильное решение.

Он пожал плечами:

— Ну, да, я тоже так считаю.

Он сидел в инвалидном кресле, его подвешенную раненую ногу обработали заживляющими гелями и наложили на нее гипс.

— На нее нужно красный флажок прицепить, — заметил Моррис.

— Я перед тобой в неоплатном долгу.

— Не будь сентиментальным, Скотти, — но у

него у самого в глазах блеснули слезы. — Эшли в порядке?

— Идет на поправку, — ответил я.

— А Кейтлин?

— Трудно сказать. Они везут Дэвида домой из Литл-Рок.

Моррис кивнул. Мы какое-то время помолчали, потом он произнес:

— Видел новости. Вайомингский камень разрушен. На это ушло время, но Сью получила то, что хотела, верно?

— Да, она получила то, что хотела.

— Очень жаль Хитча и Рэя.

Я согласился.

— И Сью, — он бросил на меня многозначительный взгляд. — Трудно поверить, что ее больше нет.

— Поверь, — сказал я.

Потому что секрет перестает быть секретом, если им поделиться.

— Знаешь, я старомодный христианин, Скотти. И не знаю наверняка, во что верила Сью, если только не в эту индуистскую ерунду с Шивой. Но она была хорошим человеком, да?

— Замечательным.

— Правильно. Ладно. Я не мог понять, почему

она попросила меня остаться тут, а тебя взяла с собой в Вайоминг. Без обид, но это действительно меня тревожило. Хотя думаю, я и здесь пригодился.

— Так и есть, мой друг.

— Думаешь, у нее с самого начала были какие-то свои планы? В смысле, у нее ведь были совершенно особые отношения с будущим.

— Я думаю, она нас обоих отлично знала.

Она выбрала меня, подумал я, потому что Моррис на моем месте не справился бы. Он никогда не позволил бы ей отдать себя на съедение волкам. И точно не убил бы Хитча Пэйли.

Моррис был хорошим человеком.

Глава двадцать восьмая

Недавно я посетил два особенных места.

Путешествия теперь даются мне нелегко. Благодаря лекарствам я держу под контролем разнообразные старческие недуги — в свои семьдесят я здоровее, чем мой отец был в пятьдесят, но преклонный возраст — и сам по себе причина усталости. Мы — сосуды печали, которые в конце концов наполняются до краев.

В Вайоминг я поехал один.

Сегодня Вайомингский кратер — это небольшой, хоть и единственный в своем роде, военный мемориал. Для большинства американцев Вайоминг — это всего лишь начало двадцатилетней Войны Хронолитов. Это поколение, поколение Кейт и Дэвида, помнило сражения в Персидском заливе, в Канберре, в провинции Кантон, Первую Пекинскую битву. В конце концов, в Вайоминге ведь никто не погиб.

Почти никто.

Сейчас кратер огорожен и превращен в национальный памятник. Туристы могут подняться на площадку на вершине утеса и издалека посмотреть на руины. Но я хотел подобраться поближе.

Мне казалось, я имею право.

Охранник парковой службы на въезде уверял, что это невозможно, пока я не объяснил, что был здесь в 2039 году, и не показал ему свой шрам, поднимавшийся от левого уха до залысины на лбу. Охранник оказался ветераном — разведка, Кантон, кровавая зима 2050-го. Он посоветовал мне подождать закрытия информационного центра в пять часов, а потом он посмотрит, что можно сделать.

А можно было вот что: отправиться вместе с ним на вечернюю проверку территории. Мы съехали на автомобильчике размером с гольф-кар вниз по крутой дорожке и припарковались у края кратера. Охранник листал новости, делая вид, что не обращает на меня внимания, пока я несколько минут бродил, скрытый длинными тенями.

В мае осадков выпало почти на дюйм. На дне неглубокого кратера, словно в чаше, образовался крошечный бурый прудик, а по изрезанным, выветренным склонам цвела полынь.

Несколько фрагментов камня Куана остались нетронутыми.

Они тоже пострадали. Тау-нестабильность, ослабление сложных узлов Калаби-Яу превратили конечное вещество Хронолита в обычный

расплавленный силикат: шероховатое синее стекло, почти такое же хрупкое, как песчаник.

Во время Западного Раскола, когда территорию контролировали американские куанисты, по этим местам наносились удары с воздуха. В самые темные дни войны повстанцы заявляли свои права на штат и, предположительно (хотя в живых не осталось ни одного свидетеля), пытались исправить историю, восстановив и заново отправив исполинский Куан Вайоминга. Но они пошли на опрометчивый шаг. По чьей-то вине. Кто-то убедил их сдвинуть границу стабильности за допустимый предел.

История не сохранила имени этого героя.

Тайна есть тайна.

Но, как любила повторять Сью, нет такого понятия, как совпадение.

Я постоял какое-то время на фрагменте головы Куана — побитый непогодой осколок лба и один глаз. Зрачок представлял собой круглую выбоину шириной с шину грузовика. В углублении, усыпанном пылью и залитом дождями, вырос дикий чертополох.

Хронолиты оказались так же глухи к истории, как и к логике. Создание подобного устройства настолько чревато тау-турбулентностью и от-

кровенной парадоксальностью — причины и следствия до того тесно переплетаются, что не появилось ни одного четкого повествования о событиях. Прошлое (предположительно тот самый лед Минковского, о котором толковал Рэй) остается неизменным, но его структура пошла мелкими трещинами, слои сжались и перемешались, местами пришли в состояние хаоса и не поддавались интерпретации.

Камень был холодным на ощупь.

Я не мог бы, положа руку на сердце, сказать, что я молился. Я не знаю, как молиться. Но мысленно я произнес несколько имен, обращаясь к тау-турбулентности, если от нее еще что-то осталось. В том числе и имя Сью. Я поблагодарил ее.

Потом попросил у мертвых прощения.

В конце концов охранник начал проявлять нетерпение. Когда солнце коснулось горизонта, он проводил меня обратно к машине.

— Догадываюсь, вам есть что порассказать, — сказал он.

Есть. И кое о чем я не рассказывал. До этого момента.

Существовал ли когда-нибудь тот единственный реальный Куан? Человек, я имею в виду.

Если и существовал, то он остался неуловимой

фигурой, затерявшейся в рядах тех армий, которые сражались от его имени и создавали его идеологию. Безусловно, должен был существовать настоящий Куан, но подозреваю, что он был свергнут своими бесчисленными преемниками. Возможно, как предполагала Сью, каждому Хронолиту был необходим свой Куан. «Куан» стал чем-то большим, чем имя для пустоты в сердце урагана. Король не родился. Да здравствует король.

После смерти Эшли в конце прошлого года мне пришлось перебрать ее вещи. Глубоко в коробке со старыми документами (истекшими купонами на пайки, декларациями о доходах, пожелтевшими просроченными уведомлениями от коммунальных служб) я нашел свидетельство о рождении Адама Миллса. Самое поразительное состояло в том, что второе имя Адама, как оказалось, Куинн, но Эшли никогда мне об этом не говорила.

Но, думаю, это уж точно самое настоящее совпадение. По крайней мере, именно так мне хочется думать. Я уже достаточно стар, чтобы самому выбирать, во что верить. Во что мне хватит сил поверить.

Тем летом Кейт оставила Дэвида дома и при-

соединилась ко мне в Бока-Ратон, такой вот незапланированный отпуск. Мы не виделись с декабря — с похорон Эшли. В Бока-Ратон я отправился спонтанно: захотелось увидеть Стартовую площадку, пока я еще мог путешествовать.

Сегодня все говорят о послевоенном восстановлении. Мы как больные в терминальной стадии, получившие чудодейственное лекарство. Солнце кажется солнечнее, мир (какой он есть) в нашем полном распоряжении, а будущее бесконечно прекрасно. Нас всех ждет неизбежное разочарование. Но, надеюсь, не самое страшное.

Есть некоторые вещи, которыми мы по праву гордимся — например, Стартовой площадкой в Бока-Ратон.

Помню, во время событий в Портильо Сью Чопра настаивала на том, что технология манипулирования Калаби-Яу породит целый ряд более долговечных чудес, чем Хронолиты. («Я говорю о путешествии к звездам, Скотти: это действительно возможно!») И Сью, как обычно, была права. У нее было обостренное чувство будущего.

Мы с Кейт медленно поднимались по длинной набережной на обзорную площадку, с которой открывался вид на стартовую платформу, огромную конструкцию в форме полумесяца, окруженную

стеной из армированного стекла.

Кейт взяла меня под руку — во время долгих прогулок мне нужна помощь. Мы разговаривали, но не о серьезных проблемах. Это же был отпуск.

Многое изменилось. Прежде всего, конечно, я потерял Эшли. Она умерла от внезапной аневризмы в конце прошлого года, оставив меня вдовцом. Но мы с ней прожили вместе много прекрасных лет, несмотря на лишения военного времени и финансовые кризисы. Я постоянно скучаю по ней, но Кейтлин я об этом не говорил. Не говорили мы и о ее матери, вышедшей на пенсию и жившей относительно безбедно в штате Вашингтон; или об Уите Делаханте, который проводил последние годы в государственном жилье в окрестностях Сент-Пола, осужденный на двадцать лет домашнего ареста и общественных работ за подстрекательство к мятежу. Все это было в прошлом.

Сегодня мы верили в возможность будущего.

Смотровая площадка была заполнена детьми, школьная экскурсия приехала посмотреть на очередной беспилотный запуск. Зонд стоял на своей пусковой опоре в полумиле от нас, словно синий драгоценный камень, высеченный из глетчера.

— Время — это пространство, — рассказывал

гид. — Если мы можем контролировать одно, то сможем контролировать и другое.

Сью наверняка возразила бы против слова «контролировать». Но детей такие мелочи не волновали. Они приехали, чтобы увидеть зрелище, а не послушать лекцию. Они болтали, нетерпеливо переминались с ноги на ногу, прижимали руки (а некоторые и носы) к стеклу.

— Они не боятся, — удивилась Кейтлин.

Они даже не удивились — по крайней мере, не так чтобы сильно — когда зонд Тау Кита стал медленно подниматься над своей опорой, словно по волшебству, и бесшумно заскользил вверх. Думаю, на них произвело впечатление, что такая тяжелая громада уносится, словно воздушный шар, в безоблачное небо Флориды. Самые впечатлительные могли испытать благоговейный трепет. Но испуганными они, конечно, не были.

Они так мало знали о прошлом.

Я хочу, чтобы они не забывали. Чего наверняка хотят все ветераны. Но они забудут. Конечно, забудут. Их дети будут знать о нас еще меньше, а дети их детей едва смогут нас себе вообразить.

Так и должно быть. Невозможно остановить время. Этому научила меня Сью (и Эшли, по-своему). Вы можете сами отдаться течению времени.

Или оно поглотит вас.

Это не такая уж горькая правда, как кажется, — по крайней мере, не в такой ясный солнечный день.

— С тобой все в порядке? — спросила Кейтлин.

— Все хорошо, — ответил я. — Просто немного запыхался.

Мы прошли долгий путь, а день был жарким.